СВЯТЫЕ

ВОЛОГОДСКАГО КРАЯ.

367098

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Коноплева.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

ВВЕДЕНІЕ.

Агіобіографическія произведенія, являясь по своему характеру наглядною и общепонятною формою проповѣди христіанскаго благочестія, съ самаго начала христіанства на Руси были любимѣйшимъ чтеніемъ народа. Онѣ составлялись и переписывались цѣлыми массами, такъ что едва ли есть другой видъ древнерусской письменности, болѣе обильный памятниками, чѣмъ житія святыхъ. Но, составляя сравнительно богатый матеріалъ въ количественномъ отношеніи, памятники эти, къ сожалѣнію, являются весьма скудными и неудобными въ качественномъ отношеніи историческими источниками.

Прототипомъ русской агіобіографіи является агіобіографія восточная. Характеръ восточной агіобіографіи отразился еще въ первомъ русскомъ агіобіографическомъ произведеніи—въ житіи святыхъ мучениковъ—князей Бориса и Глѣба, принадлежащемъ перу лѣтописца Нестора. Повѣсть объ убіеніи этихъ мучениковъ вошла въ составъ его лѣтописи. Здѣсь, въ фактическомъ отношеніи, она является болѣе подробною, чѣмъ въ житіи. Въ послѣднемъ, взамѣнъ этого, вставлены подробные разсказы о характерѣ св. братьевъ и ихъ мученической кончинѣ, сопровождаемые похвалами благовѣрію князей и общими назидательными отступленіями [1]. Назидательность, составлявшая отличительную черту восточной агіобіографіи, въ этомъ житіи впервые явилась пересаженною на русскую почву и здѣсь глубоко пустила свои корни

Послѣдующая русская агіобіографія продолжала свое развитіе въ томъ направленіи, которое сообщилъ ей первый агіобіографъ. И чѣмъ дальше шла она по пути своего развитія, тѣмъ сильнѣе выступалъ въ ней назидательный элементъ, расширяя каждый разъ свое содержаніе на счетъ элемента исторіографическаго. Это обусловливалось отчасти и историческими обстоятельствами. Вопервыхъ, далеко не всѣ послѣдующіе агіобіографы находились въ положеніи Нестора, хорошо

---

[1] Памятники древнерусской письменности, изданные въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1858 г., ч. I, стр. 578—604.

знавшаго исторію жизни мучениковъ-князей, совершившуюся почти на его глазахъ. Въ большинствѣ случаевъ, по недостатку ли способныхъ людей или по другимъ причинамъ, біографія святаго составлялась, спустя цѣлыя столѣтія по преставленіи святаго, на основаніи темныхъ разсказовъ „памятуховъ“ или какихъ нибудь краткихъ историческихъ записокъ о жизни святаго. Это само собою располагало біографа пробавляться въ своемъ разсказѣ общими назидательными разсужденіями, похвалами святому, чего главнымъ образомъ требовали отъ житія и его читатели. Вовторыхъ, исторія свидѣтельствуетъ, что въ большинствѣ случаевъ составленіе житій святыхъ пріурочено было къ какимъ-либо важнымъ моментамъ ихъ посмертной исторіи, напримѣръ, къ открытію мощей, устройству въ честь ихъ церкви и прочее. Это также панегирически настраивало біографа и изъ подъ его пера выходилъ родъ похваленій праведнику, патетическихъ восклицаній и всевозможныхъ реторическихъ отступленій, за которыми совершенно скрывался историческій образъ святаго.

Далѣе, отдаленность біографа отъ времени жизни описываемаго имъ лица была причиною и еще одного явленія, такъ часто наблюдаемаго въ древнерусской агіобіографической литературѣ. По мѣрѣ затемнѣнія въ народномъ сознаніи памяти о святомъ, возрастало стремленіе пополнить недостающее при помощи источника, не имѣющаго ничего общаго съ исторіей. Такимъ источникомъ являлась легенда, такъ обычная на первыхъ порахъ христіанства, когда прежнія понятія приходятъ въ столкновеніе и перепутываются съ новыми.

Окончательное завершеніе такого склада русской агіобіографіи совершилось, какъ извѣстно, въ XV вѣкѣ и опять подъ сильнымъ вліяніемъ востока. Около этого времени съ востока къ намъ, вмѣстѣ съ агіобіографическими образцами, начинаютъ проникать и литературные таланты. Таковы были: митрополитъ Кипріанъ, Епифаній Премудрый и Пахомій Логоѳетъ. Теперь похвала праведнику дѣлается чуть ли не исключительною цѣлію житія,—похвалою оно начиналось, ею же и оканчивалось. Мѣсто біографическихъ чертъ заступаетъ здѣсь разъ навсегда составленный аскетическій идеалъ, который весьма удобно было переносить съ одной личности на другую. Такъ напримѣръ: (святый) „родися отъ благочестиву родителю, воспитанъ бысть въ добрѣ ученіи и благочестіи, юнъ сый на игры пустошныя отнюдь не хождаше, но благую часть избираше,—въ церкви Божіей прежде всѣхъ обрѣташеся“ и проч. [2].

---

[2] Подробно объ этомъ можно читать въ сочиненіи В. О. Ключевскаго:

Но, достигнувъ здѣсь своего апогея, искусственно-реторическое направленіе древне-русской агіобіографіи, въ силу нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, стало мало-по-малу приходить къ упадку. Являясь въ нѣкоторомъ родѣ перломъ древне-русскаго краснорѣчія, произведенія реторическаго витійства были по плечу далеко не всѣмъ русскимъ граматеямъ и требовали значительной подготовки и начитанности. Между тѣмъ, развитіе монастырской колонизаціи въ XIV и XV вѣкахъ выставило необозримый рядъ подвижниковъ, основавшихъ свои колоніи въ лѣсныхъ пустыняхъ, гдѣ средства къ образованію и побужденія къ нему были далеко не такъ сильны, какъ въ большихъ городахъ и монастыряхъ, служившихъ обыкновенно агіобіографическими центрами. Поэтому, по мѣрѣ удаленія агіобіографіи отъ этихъ центровъ, начинаютъ тускнѣть ея краски, разсказъ ея дѣлается простымъ, приближаясь къ разговорной рѣчи, содержаніе становится болѣе фактическимъ, типичныя мѣста—болѣе сокращенными. Вмѣсто прежняго панегиризма, здѣсь часто списатель руководился иною цѣлію—сберечь и записать черты жизни подвижника, пока онѣ свѣжи въ памяти, и чрезъ это упрочить то благоговѣйное воспоминаніе, которое оставлялъ по себѣ подвижникъ въ братіи и окрестномъ населеніи. Вслѣдствіе этого, житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ подчасъ являются болѣе удобными для историческаго анализа и болѣе обильными исторіографическимъ матеріаломъ.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что и здѣсь этому развивавшемуся исторіографическому направленію шло навстрѣчу очень важное препятствіе, затормозившее дальнѣйшее его развитіе. Препятствіе это заключалось опять-таки въ недостаткѣ способныхъ и образованныхъ людей. Преданіе о святомъ часто успѣвало уже забыться, прежде чѣмъ находило своего исторіографа. Послѣднему сообщали двѣ-три черты изъ забытаго преданія о святомъ съ просьбою на основаніи ихъ составить житіе и чудеса святаго, „да въ конецъ въ забысть не пріидутъ“. При такихъ обстоятельствахъ и здѣсь агіобіографу волей-неволей приходилось прибѣгать къ общимъ типическимъ чертамъ жизни сѣверныхъ подвижниковъ,—и здѣсь, мало по малу, вырабатывался литературный идеалъ сѣвернаго подвижника.

Литературный типъ сѣвернаго подвижника составляетъ нѣкоторое видоизмѣненіе аскетическаго идеала произведеній реторическаго

„Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. М. 1871 г. — и г. Яхонтова: „Житія святыхъ поморскаго края, какъ историческій источникъ“. Казань 1881.

витійства. Если тамъ списатель стремился воспѣть панегирикъ аскетическимъ подвигамъ святаго вообще, то здѣсь, по преимуществу, онъ хотѣлъ изобразить его какъ колонизатора лѣсной пустыни, составлявшей ранѣе обиталище бѣсовъ, теперь же превратившейся въ святое мѣсто. По его воззрѣнію, такая метаморфоза пустыни изъ демонскаго жилища „въ мѣсто свято" могла совершиться не иначе, какъ при участіи сверхъ-естественной помощи, органомъ которой, обыкновенно, и является святой подвижникъ. Мѣсто, гдѣ ему нужно было создать монастырь, заранѣе обозначено ему появленіемъ чудеснаго свѣта, „сіяющаго паче солнечныхъ лучъ", или чудеснаго звона „по обычаю монастырскому". Послѣ избранія этого мѣста ему нужно было выдержать не менѣе чудесную борьбу съ демонами, которые, „видѣвше себе изгоними, вельми зѣло подвигошася на брань и (святый) многа неизреченна пріятъ досажденія, хотяще его разлучити отъ мѣста того" [3]. Нужно ли святому создать церковь—ему также внушается это свыше: „въ едину отъ нощей, молящуся святому въ обычномъ своемъ правилѣ, въ сонъ тонокъ сведенъ бысть, зритъ нѣкоего юношу красна зѣло, глаголюща: подобаетъ ти церковь создати" [4]. Звѣрь ли расхищаетъ монастырское стадо, святый чудесно укрощаетъ его: „свирѣпый звѣрь, кровоядецъ акудъ, рекомый медвѣдь, на единомъ отъ скотъ сотвори пакость, хотяше убити его. Святый же звѣря молитвою связа и повелѣ ученику своему поученіе дати, да впредь пакости не дѣетъ. Ученикъ, вземъ лозу, біяше звѣря, звѣрь же поклонися имъ до земли, ничтоже зла сотвори" [5]. Наконецъ, иногда даже Самъ Спасъ сходитъ съ небесе для бесѣды со святымъ, научая его, какъ избѣжать сѣтей вражіихъ [6].

Всего сказаннаго достаточно для вывода, что агіобіографическія произведенія по своему характеру являются скорѣе произведеніями литературными, чѣмъ историческими въ собственномъ смыслѣ. Такой взглядъ на нихъ и былъ высказанъ еще первыми ихъ изслѣдователями-археологами. Въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія нашъ знаменитый археологъ Строевъ писалъ слѣдующее: „житія святыхъ русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя и дополнен-

---

[3] Ркп. житіе преподобнаго Павла Обнорскаго Соловецкой библіотеки № 818, л. 394. Ср. ркп. житіе Сергія Нуромскаго, Діонисія Глушицкаго, Арсенія и Корнилія Комельскихъ.

[4] Ркп. житіе преп. Діонисія Глушицкаго Солов. библ. № 984, л. 257.

[5] Ркп. житіе преп. Арсенія Комельскаго.

[6] Ркп. житіе преп. Іоасафа Каменскаго.

ныя, представляютъ богатый запасъ для исторіи общежитія, мнѣній и повѣрьевъ древней Руси, и даже въ нихъ много есть фактовъ, не намѣченныхъ бытописателями“ [7]. Взглядъ этотъ послѣдовательно повторяли изслѣдователи русской литературы: профессоръ Шевыревъ въ своей „Исторіи русской словесности“ [8], профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ въ „Очеркахъ русской народной словесности и искусства“ [9]) и наконецъ профессоръ Некрасовъ—въ сочиненіи „Зарожденіе національной литературы на сѣверѣ“ [10].

Но если агіобіографическія памятники являются весьма любопытными и привлекаютъ къ себѣ симпатіи изслѣдователя-литератора, видящаго въ нихъ зарожденіе національной литературы, то далеко не таковыми представляются они взору церковнаго историка. Вотъ съ какими отзывами объ этихъ памятникахъ приходится встрѣчаться въ трудахъ первыхъ нашихъ изслѣдователей житій святыхъ, какъ агіобіографическихъ источниковъ: „сочиненія Васильевы, пишетъ архіепископъ Филаретъ объ одномъ древнемъ списателѣ, большею частію безполезны для исторіи. Смѣлость клирика въ вымыслахъ, оскорбляющихъ исторію, хронологію, здравый смыслъ и святую вѣру, изумительна. По всему видно, что Василій былъ охотникъ поговорить, но былъ человѣкъ ограниченный въ смыслѣ и скудный въ познаніяхъ, дозволявшій себѣ говорить всякую ложь, лишь бы освятить любимую“ [11]. Характеризуя дѣятельность Пахомія, составлявшаго повѣсть о Василіи и Константинѣ Ярославскихъ, этотъ же авторъ добавляетъ: „по этой повѣсти видно, что многогрѣшный Пахомій былъ съ родни безтолковому Василію“ [12]. Подобнымъ же образомъ митрополитъ Макарій въ своемъ „Введеніи въ исторію русской церкви“ отказалъ многимъ фактамъ изъ древнихъ житій въ историческомъ значеніи [13].

Съ одной стороны, столь невысокое качественное достоинство древне-русскихъ житій, какъ историческихъ источниковъ, а съ другой—вся важность заключающагося въ нихъ исторіографическаго матеріала, дѣлающая ихъ единственными въ своемъ родѣ историческими источниками, вызвали самый строгій и тщательный анализъ этихъ памят-

---

[7] Н. П. Барсуковъ, „Источники русской агіографіи“, стр. III.

[8] Томъ III, стр. 57.

[9] Томъ II, стр. 154 и слѣд.

[10] Записки Новороссійскаго университета, т. I, стр. 1—134.

[11] „Обзоръ русской духовной литературы“, ч. I, стр. 146.

[12] „Обзоръ русской духовной литературы“, ч. I, стр. 147.

[13] См. стр. XVI.

никовъ въ трудѣ почтеннаго профессора Василія Осиповича Ключевскаго „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ". Результаты его изслѣдованія кратко можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) житія святыхъ заключаютъ въ своемъ содержаніи, на ряду съ историческимъ элементомъ, литературный, культурный и другіе; 2) количество исторіографическаго матеріала въ томъ или другомъ житіи, а равно и качественное его достоинство опредѣляются слѣдующими данными: вопервыхъ, отношеніемъ біографа къ описываемому имъ лицу (въ однихъ случаяхъ біографами являются ученики подвижниковъ, непосредственные свидѣтели ихъ жизни и подвиговъ, въ другихъ и болѣе частыхъ случаяхъ—иноки позднѣйшихъ временъ); во вторыхъ,—тѣми источниками, которыми располагалъ біографъ (для однихъ такими источниками служили разсказы современниковъ, для иныхъ—разсказы изъ вторыхъ или третьихъ устъ, и наконецъ какія-либо записки о жизни святаго); въ третьихъ,—тою задачею, которую біографъ преслѣдовалъ (заключалась-ли эта задача въ томъ, чтобы сохранить дорогія для братіи и окрестнаго населенія черты жизни святаго, или въ томъ, чтобы воспѣть ему панегирикъ, состоявшій обыкновенно въ повтореніи ходячихъ фразъ реторическаго витійства). Прилагая эти критическія точки зрѣнія къ каждому житію въ отдѣльности, означенный изслѣдователь приходитъ къ тому выводу, что въ весьма рѣдкихъ случаяхъ житіе писалось при условіяхъ, благопріятствовавшихъ обилію въ немъ исторіографическаго матеріала. Вслѣдствіе-ли малаго знакомства біографа съ описываемымъ лицомъ или вслѣдствіе своихъ литературныхъ воззрѣній, исторіографическій элементъ въ житіяхъ святыхъ является далеко не на первомъ планѣ, уступая свое мѣсто элементу, главнымъ образомъ, литературному.

Таковъ характеръ матеріала, подлежащаго изслѣдованію агіобіографа. Очевидно, всякое требованіе по отношенію къ нему—создать на основаніи такого матеріала въ собственномъ смыслѣ біографію святаго—не можетъ имѣть мѣста. „Житіе и біографія, пишетъ въ своемъ изслѣдованіи профессоръ Ключевскій, смотрятъ на лицо съ противоположныхъ сторонъ. Въ судьбѣ лица насъ занимаетъ болѣе всего борьба вѣчно борящихся историческихъ стихій, личности и среды, ее окружающей; взаимное отношеніе той и другой стороны служитъ лучшей характеристикой ихъ обоихъ. Совсѣмъ иная точка зрѣнія въ житіи. Среда, изъ которой выходитъ святый, разсматривается только, какъ внѣшняя помѣха, ничего не дающая лицу, и настолько слабая, что святый еще въ колыбели становится выше ея" [14]. Изслѣ-

[14] „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ", стр. 435.

дователь, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ даже составить болѣе или менѣе полный сводъ біографическихъ чертъ одной только личности святаго, безъ всякаго ея отношенія къ окружающей дѣйствительности. Весьма часто изъ всей массы матеріала, заключающагося въ житіи, можно выдѣлить двѣ-три біографическія черты; все же остальное является матеріаломъ совершенно постороннимъ, къ дѣлу не относящимся.

Въ виду всего сказаннаго, задача, которую можетъ намѣтить себѣ агіобіографъ, можетъ быть сведена къ слѣдующему.

1. Изложить біографическія сказанія о святыхъ по сохранившимся агіобіографическимъ памятникамъ, критически очищая ихъ отъ постороннихъ наслоеній и выдѣляя изъ всей массы агіобіографическаго матеріала исторіографическій элементъ.

2. Такъ какъ исторіографическій матеріалъ, извлекаемый изъ этого рода источниковъ, является не всегда вѣрнымъ и согласнымъ съ дѣйствительностію, то это налагаетъ на агіобіографа другую задачу: тамъ, гдѣ возможно, провѣрять этотъ матеріалъ показаніемъ другихъ, болѣе надежныхъ, источниковъ, напримѣръ, лѣтописей; сопостовлять между собою сказанія различныхъ редакцій одного и тогоже житія, сопоставлять сказанія различныхъ житій объ одномъ и томъже предметѣ.

3. Наконецъ, въ виду того, что цѣнность исторіографическаго матеріала агіобіографическихъ памятниковъ опредѣляется, главнымъ образомъ, отношеніемъ біографа къ описываемому имъ лицу и его источниками, то, дабы точнѣе опредѣлить степень достовѣрности сообщаемыхъ агіобіографическихъ свѣдѣній и чрезъ то дать возможность прагматику правильнѣе относиться къ нимъ, изслѣдователь долженъ предпослать изложенію агіобіографическихъ сказаній тщательно собранныя свѣдѣнія о списателѣ древняго житія и его источникахъ, каковыя свѣдѣнія, по общему агіобіографическому обычаю, заключаются почти въ каждомъ житіи.

Изучая древне-русскія житія Вологодскихъ святыхъ, изслѣдователь не могъ не придти къ мысли, что наиболѣе цѣнный и сравнительно обильный заключающійся въ нихъ исторіографическій матеріалъ относится къ исторіи монашества и исторіи сѣверно-русской колонизаціи. Поэтому, излагая біографическія свѣдѣнія о святыхъ Вологодскаго края, авторъ преимущественно имѣлъ цѣлію, насколько возможно, прослѣдить по нимъ соотвѣтствующую часть исторіи сѣверно-русскаго монашества и монастырской колонизаціи.

Источниками, на основаніи которыхъ авторъ излагалъ содержанія своего изслѣдованія, служили рукописи Соловецкой библіотеки (при Казанской Духовной Академіи) и рукописи нѣкоторыхъ мѣстныхъ Вологодскихъ библіотекъ: Вологодскаго каѳедральнаго собора и монастырей: Спасо-Прилуцкаго, Арсеніева и Корниліева Комельскихъ, Павло-Обнорскаго, бывшаго Авнежскаго (теперь приходская церковь), Спасо-Суморина Тотемскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

ГЛАВА I.

Начало колонизаціи Вологодскаго края.—Первые святые, подвизавшіеся въ предѣлахъ русскихъ колоній его: Герасимъ Вологодскій, Кипріанъ и Прокопій Устюжскіе.

Территорія Вологодскаго края, вмѣстѣ съ Архангельскою и Пермскою, входила въ составъ древней Біарміи или Великой Перміи. Первоначальными жителями этой страны были народы финскаго племени, называвшіеся то Чудью [1], то Чудью Заволоцкой или Бѣлоглазой [2]. Дѣвственныя богатства страны очень рано стали привлекать къ себѣ вниманіе русскихъ сосѣдей ея, новгородцевъ. Новгородскіе повольники наиболѣе удобными путями проникали сюда и по берегамъ рѣкъ основывали свои колоніи, обозначая такимъ образомъ свой путь къ востоку. Трудно указать время первоначальнаго завоеванія этой страны новгородцами. Полагаютъ, что они овладѣли ей еще до Рюрика [3].

Въ княженіе Владиміра жители Печоры были уже данниками новгородцевъ [4]. При Ярославѣ новгородцы, во главѣ съ княземъ Глѣбомъ, въ 1032 году, проникли до „желѣзныхъ вратъ", которыя, по изысканію извѣстнаго финнолога Шегрена, находились въ 80 верстахъ отъ нынѣшняго Устьсысольска, въ селеніи Водса [5]. На основаніи этого можно думать, что къ XII вѣку вся Вологодская страна была уже покорена Новгородцами.

Съ этого времени соперникомъ вольному Новгороду въ дѣлѣ владычества на русскомъ сѣверѣ является старый Ростовъ, дѣдъ земли Залѣсской. Въ XII вѣкѣ Ростовско-Суздальскіе князья Юрій Долгору-

---

[1] Карамзинъ, Исторія государства россійскаго, т. I, глава 2. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. III, стр. 1.

[2] Вѣстникъ Императорскаго Географическаго Общества, ч. XXII, стр. 11.

[3] Записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. I, стр. 157.

[4] Двинской лѣтописецъ въ Трудахъ вольн. россійск. Собр. т. I, стр. 114.

[5] Н. Костомаровъ, „Сѣв.-рус. народоправства", Монографій т. VII, стр. 409.

кій и сынъ его—Андрей Боголюбскій не разъ отправляли свои рати, чтобы перехватить Новгородскіе отряды, возвращавшіеся съ югорской данью [6]. Около этого-же времени Ростовъ имѣлъ уже довольно значительную колонію въ Вологодской землѣ—городокъ Гледенъ, основанный на берегу рѣки Юга, на горѣ Гледенѣ, отъ которой и получилъ свое названіе. Впослѣдствіи, въ концѣ XII вѣка, часть жителей Гледена переселилась на устье рѣки Юга и положила здѣсь основаніе городу Устюгу [7], который съ теченіемъ времени сдѣлался опаснымъ соперникомъ вольному Новгороду и постоянно перехватывалъ новгородскіе отряды, возвращавшіеся съ печорской и югорской данью.

Вмѣстѣ съ покореніемъ Вологодскаго края и русскою его колонизаціею начиналось и просвѣщеніе его свѣтомъ христіанства. Въ XII вѣкѣ изъ новгородскихъ колоній извѣстна Вологда, существовавшая тогда въ видѣ посада съ церковію Воскресенія Христова, какъ гласитъ объ этомъ отрывокъ древней лѣтописи, занесенный въ сказанія о преподобномъ Герасимѣ Вологодскомъ. Въ XII вѣкѣ новгородскій князь Святославъ Ольговичъ своею грамотою установилъ Новгородскому архіепископу Нифонту получать дань съ Новгородскихъ колоній въ Вологодскомъ краѣ [8]. Еще яснѣе слѣды христіанства въ ростовскихъ колоніяхъ. Въ Гледенѣ въ XIII вѣкѣ существовалъ уже Троицкій монастырь [9]. Въ Устюгѣ, вскорѣ послѣ его основанія, созданъ былъ Михаило-Архангельскій монастырь. Въ началѣ XIII вѣка городъ этотъ, по сказанію житія Прокопія Устюжскаго, сіялъ уже многими церквами.

Русскія колоніи Вологодскаго края, какъ увѣряетъ преданіе, записанное въ позднѣйшее время, сдѣлались мѣстомъ подвиговъ болѣе раннихъ сѣверныхъ подвижниковъ.

Первымъ изъ такихъ подвижниковъ является преподобный Герасимъ Вологодскій. Къ сожалѣнію, древность очень мало сохранила намъ свѣдѣній объ этомъ подвижникѣ. Скудость свѣдѣній о преподобномъ Герасимѣ дала возможность нѣкоторымъ изслѣдователямъ сомнѣваться, если не относительно исторической дѣйствительности его лица,

---

[6] Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1883 г., стр. 275.

[7] Устюжскій лѣтописецъ—въ Исторіи Карамзина, т. III, примѣч. 186.

[8] Вотъ подлинный текстъ этой грамоты: „...урядилъ есмь азъ св. Софьи и написалъ... князь новгородскій Святославъ... на Ракулѣ три сорочка, у Путей—сорочекъ, у Чудина—полъ-сорочка, у Вели—два, у Вектензѣ—два". Исторія Государства Россійскаго—Карамзина, т. II, примѣч. 267.

[9] Исторія Россійской іерархіи, т. III, стр. 694.

то, по крайней мѣрѣ, относительно времени его существованія [10]. Всѣ свѣдѣнія, какія только можно почерпнуть о преподобномъ, заключаются въ позднѣйшемъ сказаніи о посмертныхъ чудесахъ его, которыя, по свидѣтельству этого сказанія, начали записываться съ XVII вѣка [11]. Въ началѣ своего сказанія списатель дѣлаетъ такое замѣчаніе: „о свидѣтельствѣ его (преподобнаго Герасима), коликими труды подвизался и коего града урожденіемъ и какова рода саномъ былъ, того мы не обрѣтехомъ, прехожденія ради многихъ лѣтъ и отъ раззоренія невѣрныхъ града Вологды. Но слухи наши простираются отъ древнихъ человѣкъ, что въ старыхъ Вологодскихъ лѣтописцахъ пишетъ сице, что преподобнаго отца сего Герасима служба вся съ поліелеомъ и чудеса его написаны были для празнества на память преподобнаго предложены. И егда Божіимъ попущеніемъ грѣхъ ради нашихъ пріиде раззореніе на градъ Вологду отъ невѣрныхъ, тогда житіе святаго и съ службою безвѣстно утратися“, (л. 33). Все, что могъ узнать онъ о преподобномъ изъ цитуемаго имъ лѣтописца, заключается въ слѣдующемъ: „... въ старыхъ Вологодскихъ лѣтописцахъ о приходѣ преподобнаго пишетъ сице: въ лѣто 6655 (1147), августа въ 19 день, на память св. мученика Андрея Стратилата, пріиде преподобный отецъ Герасимъ отъ Богоспасаемаго града Кіева, тоя же

---

[10] Профессоръ Е. Голубинскій въ своей „Исторіи русской церкви“ по поводу извѣстія о приходѣ преподобнаго Герасима на Вологду замѣчаетъ слѣдующее: „Существовала или не существовала Вологда въ это время, во всякомъ случаѣ въ періодъ до-монгольскій она должна быть представляема торговою колоніею новгородскою, съ населеніемъ изъ самихъ новгородцевъ, только въ небольшомъ количествѣ, и главнымъ образомъ изъ туземныхъ инородцевъ — чуди пермской и зырянъ. Предполагать, что урожденецъ кіевскій могъ имѣть желаніе пойти въ инородческую и некрещеную мѣстность, гдѣ онъ не могъ надѣяться найти себѣ товарищей въ монашествованіи и гдѣ онъ вовсе не могъ ожидать благосклоннаго пріема—весьма сомнительно“. Часть I, 2 половина, стр. 638. Однако, такое мнѣніе почтеннаго ученаго является слишкомъ голословнымъ: на такихъ основаніяхъ можно сомнѣваться въ существованіи и такихъ подвижниковъ, какъ Θеодоритъ Кольскій и Трифонъ Печенгскій.

[11] Списокъ этого, рѣдко встрѣчающагося, сказанія находится въ рукописномъ сборникѣ житій святыхъ библіотеки Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36 (по монастырской описи), л. 33. Заглавіе его: „Чудеса и дѣянія и преславная новоявленная творенія преподобнаго и приснопамятнаго отца нашего Герасима, иже у Пресвятыя Троицы, вверхъ посаду съ поля отъ Прилука, что у Кайсарова ручья“. Начало сказанія: „Рече Господь, яко прославляющаго Мя прославлю“. Чудесъ 37.

веси Глушенскаго монастыря постриженникъ, [12] къ Вологдѣ рѣцѣ, еще до зачала града Вологды, на великій лѣсъ, на средній посадъ Воскресенія Христова, Лѣнивыя площадки малаго торжку и создалъ пречестенъ монастырь во славу Пресвятыя Троицы, отъ рѣки Вологды разстояніемъ за полъ-поприща, и оттолѣ поживе тутъ преподобный лѣтъ 31 и скончался въ лѣто 6686 (1178), марта въ четвертый день, на память преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Іорданѣ" (л. 33). Остальная часть сказанія занимается описаніемъ чудесъ. Къ этому сказанію нѣкоторые историки присоединяютъ сомнительной подлинности разсказъ, заимствованный, вѣроятно, изъ преданія, о состязаніи преподобнаго изъ за обладанія мѣстомъ подъ монастырское строеніе съ владѣльцемъ—мѣщаниномъ Пятышевымъ [13].

Изъ Ростовскихъ колоній въ Вологодской землѣ, сдѣлавшихся мѣстомъ подвижничества святыхъ, на первомъ планѣ выступаетъ предъ нами Великій Устюгъ, центръ Ростовскихъ колоній въ Вологодскомъ краѣ. Лѣтописи, ведущія свое начало отъ основанія Устюга, начинаются сказаніями о его подвижникахъ. Первымъ изъ нихъ былъ преподобный Кипріанъ. Вотъ его лѣтописная біографія.

Въ 1212 году, при державѣ благовѣрнаго великаго князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, Устюжскаго уѣзда, Двинской трети, Уфтюжской волости, нѣкто земледѣлатель, презрѣвъ красная міра сего, воспріялъ на ся монашескій образъ и наречеся имя ему Кипріанъ. Сей, по воспріятіи монашества въ городѣ Устюгѣ Великомъ, по желанію и усердію гражданъ, убѣжденъ создати святую обитель при градѣ Устюгѣ, на удобномъ мѣстѣ. Онъ же, обходя градъ, и разсматривая приличная къ таковому населенію монашествующихъ мѣста, избралъ мѣсто при езерахъ, за острожною насыпью, на которомъ сперва поставилъ себѣ малую келейцу, а потомъ, въ лѣто 1212, вышеупомянутый монахъ Кипріанъ началъ созидати обитель во имя Введенія Пресвятыя Богородицы и св. Архистратига Михаила. Таковое его богоугодное дѣло видѣвше граждане, многая отъ иждивеній

---

[12] Къ сожалѣнію, это сказаніе является единственнымъ источникомъ, дающимъ свѣдѣніе о существованіи Глушенскаго монастыря. Это обстоятельство даетъ поводъ ко всевозможнымъ поправкамъ и догадкамъ, напримѣръ, архіепископъ Филаретъ вмѣсто Глушенскаго монастыря подставляетъ Гнилецкій.

[13] Вслѣдъ за Карамзинымъ (Исторія Г. Р., т. IV, примѣч. 117) ее повторяютъ: архіепископъ Филаретъ (Русскіе святые, 4 марта), Муравьевъ (Житія святыхъ, 4 марта) и Погодинъ (въ своемъ Вологодскомъ дневникѣ — въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1868 г., стр. 69).

своихъ потребная на сооруженіе и содержаніе тоя обители приносили, а нѣкоторые и жительство свое начали оттолѣ вкупѣ съ нимъ препровождати. Онъ же всѣхъ принималъ съ радостію и любовію, наставляя многотруднымъ и непорочнымъ своимъ житіемъ... А потомъ, все свое наслѣдственное имѣніе, движимое и недвижимое, т. е. села, деревни, пашенную и непашенную приложилъ землю, которую онъ имѣлъ въ Уфтюжской волости и прочихъ многихъ волостяхъ. И тако оттолѣ та святая обитель начала распространятися и всякимъ довольствомъ изобиловати, а преподобный отецъ, монахъ Кипріанъ, нареченъ бысть начальникомъ тоя обители".

„Въ 1216 году попеченіемъ начальника, инока Кипріана, созданная въ Устюгѣ деревянная обитель, въ семъ году постройкою окончена".

„Въ 1276 году, Сентября 29 дня, въ субботу [14], преставился Архангельскаго монастыря начальникъ, инокъ Кипріанъ, и погребенъ близъ св. вратъ того монастыря. Чрезъ протеченіе нѣкоего времени надъ гробомъ его сдѣлана деревянная часовня, а въ 1711 году и церковь каменная; гробъ же его—внутрь церкви и надъ нимъ устроена гробница, которая и до-нынѣ всѣми видима".

„Въ память его и по сіе время въ монастырѣ хранится небольшой камень, который, по преданію, преподобный держалъ въ рукахъ своихъ тогда, какъ, по немочи человѣческой, преодолѣваемъ будучи сномъ, и испустивъ камень изъ рукъ, возбуждался стукомъ онаго къ бодрствованію и молитвѣ" [15].

Одновременно съ преподобнымъ Кипріаномъ въ Устюгѣ подвизался блаженный Прокопій юродивый.

Блаженный Прокопій представляетъ собою одно изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи русскаго подвижничества: во-первыхъ, „это былъ переселенецъ отъ западныхъ странъ, отъ языка латинска, отъ нѣмецкія земли", а во вторыхъ—онъ первый изъ русскихъ подвижниковъ шелъ по пути юродства. Тѣмъ не менѣе исторія его жизни остается совершенно темною. Житіе Прокопія, написанное спустя нѣсколько столѣтій послѣ его преставленія, весьма скудно въ факти-

---

[14] Такъ какъ 29 сентября 1276 г. падало не на субботу, то Карамзинъ (И. Г. Р., т. III, примѣч. 186) полагаетъ, что или годъ преставленія въ лѣтописи обозначенъ невѣрно, или днемъ кончины преподобнаго было 26 число этого мѣсяца.

[15] Устюжскій лѣтописецъ—въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1873 г., стр. 626—629.

ческомъ отношеніи и въ позднѣйшихъ редакціяхъ является въ высше степени искаженнымъ легендами и выписками изъ другихъ житій. Профессоръ Ключевскій отзывается о немъ такимъ образомъ: „житіе Устюжскаго юродиваго Прокопія, плохо написанное, составлено из отдѣльныхъ эпизодическихъ разсказовъ, имѣющихъ очень мало литературной связи и раздѣленныхъ хронологическими противорѣчіями... Это рядъ легендъ, сложившихся изъ различныхъ мѣстныхъ воспоминаній, независимо одна отъ другой, и не подвергнутыхъ въ житіи искусной обработкѣ“ [16]. Впрочемъ, чтобы правильно смотрѣть на этотъ отзывъ почтеннаго изслѣдователя, нужно имѣть въ виду, что онъ сдѣланъ на основаніи изслѣдованія послѣдней, распространенной редакціи житія Прокопія. Но едва ли какое другое житіе имѣетъ бо́льшее число редакцій и болѣе длинную исторію, чѣмъ житіе Прокопія. Эта исторія является лучшей и единственно возможной его критической оцѣнкой.

Намъ извѣстно пять редакцій житія Прокопія [17], но едва-ли этимъ числомъ исчерпывается вся совокупность ихъ. Первая изъ нихъ представляетъ простой разсказъ объ избавленіи Устюга отъ огненной тучи, появленіе которой было предсказано блаженнымъ Прокопіемъ, съ скудными біографическими замѣчаніями о лицѣ блаженнаго и нѣсколькими его посмертными чудесами. Вотъ ея разсказъ съ небольшими сокращеніями.

„Во градѣ Устюзѣ бысть нѣкій мужъ, юродивый Христа ради, имеемъ Прокопій, живяше на паперти у церкви Пресвятыя Богородицы. О пищѣ и одеждѣ никакоже печалишеся, отъ приносящихъ ему ничь

---

[16] Житія святыхъ, стр. 277.

[17] Списки житія: 1-я редакція—рукописная четья-минея Соловецкой библіотеки № 635/517, л. 66. Начало: „Во градѣ Устюзѣ бысть нѣкій мужъ, юродивый Христа ради, именемъ Прокопій“. Чудесъ 7. 2-я редакція: рукописный четь-минейный сборникъ Соловецкой библіотеки № 642/826, л. 475. Начало „Повѣсть душеполезна, иже Христа ради юродиваго Прокопія, устюжскаго чудотворца“. Чудесъ 18. 3-я редакція на страницахъ Вологодскаго лѣтописца — въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1873 г., стр. 645—648. 4-я редакція отдѣльная ркп. книга Соловец. библ. № 581/220, содержащая въ себѣ житія Прокопія и Іоанна Устюжскихъ. Начало предисловія: „Искони убо божественное писаніе глаголетъ о божественныхъ и приснопамятныхъ юродивыхъ мужѣхъ“. Начало житія: „Сей убо блаженный и приснопамятный Прокопій...“ Чудесъ 25. 5-я редакція — рукоп. Солов. библ. № 582/221—содержитъ тѣ же житія, только вмѣсто одной двѣ похвалы Прокопію, а въ концѣ ея помѣщена статья о списателѣ житія.

тоже пріимаше; имяше бо въ себѣ прозорливъ даръ, отъ Бога явленіе. Бысть же на утріе въ день недѣльный, егда воздвизаютъ честные кресты и собирашася вси людіе, блаженный мужъ возвѣсти видѣніе, бывшее ему, глаголя: аще не покаетеся грѣховъ своихъ и Господа не умолите за беззаконіе ваше, то злѣ погибнетъ градъ сей. Они же не послушася глаголемыхъ отъ него... Видѣвъ же блаженный онъ мужъ непослушаніе людей тѣхъ рыдася и плачася непрестанно о погибели града того... Бысть же въ другую недѣлю отъ полудне тьма и мракъ и недоумѣваху людіе, что се есть. И по семъ явися восходящъ огнь со вся страны и грому убо страшну быти, неслышащимъ бо другъ ко другу, что глаголати, яко и земли колебатися непрестанно, огненныя же тучи хотяше соступитися въ мѣсто. И бывшу же зною велику отъ огня того и разумѣша людіе и потребленіе града и свою погибель. И собрашася въ церкви вси людіе, мужи и жены, богатіи и убозіи, раби и свободніи... и прикрыша лицы, и очи воздѣвше горѣ, и руцѣ воздвигше на высоту, глаголюще: помилуй насъ, Боже.... и въ той часъ бысть тишина велія и грому преставшу и разводящеся облаци огненныя на вся страны и поидоша на мѣста пустынная и попалиша дебріе на пустыняхъ и каменіемъ побиша [18]. Бысть же радость велія, возвеселишася людіе и воздаша хвалу Богови... Уставиша же таковый праздникъ праздновати мѣсяца іюля въ 8 день, на память св. великомученика Прокопія".

Къ этой повѣсти присоединяется здѣсь разсказъ о построеніи церкви надъ гробомъ блаженнаго Прокопія и семь чудесъ.

Такимъ образомъ, все содержаніе этой редакціи группируется около повѣсти объ огненной тучѣ. Эта повѣсть, встрѣчающаяся иногда въ отдѣльности [19], и послужила, безъ сомнѣнія, основою житія этой редакціи, что легко можно замѣтить при ея чтеніи.

Въ сказаніи о тучѣ не упоминается еще, чтобы Прокопій былъ причисленъ къ лику святыхъ или чтобы онъ былъ чтимъ, хотя мѣстно. Въ концѣ сказанія замѣчено только, что граждане города Устюга установили праздновать день своего избавленія отъ огненной тучи 8 іюля, въ память великомученика Прокопія, не упоминая о памяти

---

[18] Въ распространенныхъ редакціяхъ житія Прокопія и Устюжскомъ лѣтописцѣ замѣчается, что мѣсто, на которомъ разразилась эта туча, была Котовальская весь, въ двадцати поприщахъ отъ Устюга, которая и до сихъ поръ сохранила слѣды бывшаго въ ней разрушенія. См. списки №№ 220 и 221 Соловец. библ. и Устюжскій лѣтописецъ въ Вологод. епарх. вѣд. 1873 г. № 19.

[19] См. наприм. ркп. Солов. библ. № 826, л. 475.

Устюжскаго Прокопія, которая, какъ извѣстно, установлена была въ тотъ же день. Въ такомъ видѣ повѣсть эта перешла и въ первую редакцію житія Прокопія.

Что касается времени происхожденія этой повѣсти, то, вѣроятно, она появилась вскорѣ послѣ преставленія блаженнаго, прежде установленія мѣстнаго его почитанія. Можно даже думать, что она принадлежитъ перу очевидца, о чемъ, повидимому, свидѣтельствуетъ живость разсказа, указывающая на непосредственность пережитыхъ впечатлѣній и нѣкоторыя подробности разсказа, какъ напримѣръ: „во утріе въ день недѣльный", „въ день недѣльній отъ полудне" и др.

Вторая редакція въ фактическомъ отношеніи новаго ничего не прибавляетъ къ первой. Она представляетъ изъ себя образецъ неумѣнія писать житіе при желаніи пользоваться искусственными пріемами. Эта редакція начинается также повѣстью объ огненной тучѣ, которая здѣсь уже украшается „доброслoвіемъ". За этою повѣстію слѣдуетъ „житіе и подвизи Прокопія, юродиваго Христа-ради, Устюжскаго чудотворца". Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено здѣсь реторическое предисловіе, выписанное изъ житія преподобнаго Сергія Радонежскаго, составленнаго Епифаніемъ Премудрымъ. Вслѣдъ за этимъ повторяется разсказъ объ устройствѣ церкви надъ мощами блаженнаго, потомъ слѣдуетъ 18 чудесъ и похвальное слово блаженному.

На время происхожденія обѣихъ редакцій указываетъ не очень ясный намекъ объ устройствѣ церкви надъ мощами Прокопія. По свидѣтельству позднѣйшихъ редакцій устройство церкви совершилось около 1471 года. Впрочемъ, въ этихъ редакціяхъ дѣлается такая замѣтка: „и прежде сей церкви основана бысть церковь окрестъ камени того, на немъ же бѣ блаженный Прокопій при животѣ своемъ сидѣлъ и пророчествовалъ"[20]. Объ устройствѣ какой церкви повѣствуютъ первыя двѣ редакціи—рѣшить трудно.

Болѣе интересной въ фактическомъ отношеніи является третья редакція, которой, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть въ подлинномъ видѣ, а потому пришлось воспользоваться ея сокращеніемъ на страницахъ Устюжскаго лѣтописца[21]. Фактъ ея существованія имѣетъ за себя болѣе или менѣе ясныя основанія. Простой и правдивый разсказъ ея, вошедшій цѣликомъ въ послѣдующія редакціи, никакъ не мирится съ исключительно легендарнымъ характеромъ этихъ позднѣйшихъ передѣлокъ и необходимо заставляетъ выдѣлять себя изъ этихъ

---

[20] См. наприм. рукоп. Солов. библ. № 221, л. 73.

[21] Вологодскія епархіальныя вѣдомости 1873 г. № 19, стр. 645—648.

послѣднихъ. Пользуясь, съ одной стороны, указаніемъ Устюжскаго лѣтописца, а съ другой—содержаніемъ позднѣйшихъ редакцій, включившихъ въ себя содержаніе третьей редакціи, вѣроятно, безъ существенныхъ измѣненій, мы попытаемся по возможности возстановить подлинный текстъ ея.

Разсказъ начинается обычнымъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ, между прочимъ, указываетъ на свои источники: „ина убо слышахъ отъ человѣкъ, ина же и сами видѣхомъ очима нашима". Далѣе, въ отдѣлѣ: „о началѣ житія Прокопія" списатель сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о жизни его до прихода въ Великій Устюгъ. Блаженный Прокопій, „якоже о немъ повѣдаютъ нѣцыи отъ человѣкъ", пришелъ въ В. Устюгъ изъ „пресловущаго" Новгорода. По своему происхожденію онъ былъ „отъ западныхъ странъ, отъ языка латинска, отъ нѣмецкія земли". „Родителей его и южикъ его и вѣры никтоже вѣсть, токмо единому Богу свѣдущу сія". Пришедши въ возрастъ, онъ сталъ заниматься профессіей своею отца—торговлей. Въ одинъ разъ, нагрузивъ свой корабль, онъ приплылъ „въ пресловущій Новъ-градъ, съ прочею своею дружиною — съ латинники". Здѣсь онъ плѣнился „премногимъ церковнымъ украшеніемъ и пѣніемъ и звоны веліими" и рѣшился принять православіе. „Посемъ отъиде отъ дружины своея, утаився и сохранився отъ ихъ, таже начатъ ходити по граду и монастыремъ и искати учителя мудра". Странствуя такимъ образомъ, онъ отправился въ Хутынскій монастырь: „тогда въ немъ игуменство имѣлъ преподобный отецъ нашъ Варлаамъ" [22], который и сдѣлался его учителемъ. Наставленный въ истинахъ новой вѣры, Прокопій отъ руки Варлаама „пріялъ св. крещеніе (?), оставивъ идолу влекущее эллинское мудрованіе". Потомъ, роздавъ свое имѣніе нищимъ и удѣливъ часть его на монастырь преподобнаго Варлаама, Прокопій избралъ для себя подвигъ юродства Христа ради. „Пребысть въ Новѣ-градѣ не мало времени", онъ отправился „въ пустынное шествіе къ восточнымъ странамъ". Проходя „многіе грады, и страны, и лѣсы, и дрязги,

---

[22] Это извѣстіе опровергаетъ хронологію всѣхъ редакцій житія Прокопія. Варлаамъ Хутынскій, по свидѣтельству Новгородскихъ лѣтописей, преставился въ 1192 году, а Прокопій Устюжскій, по одному сказанію—въ 1285 (Устюжскій лѣтописецъ въ приложеніи къ описанію Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря П. Савваитова, стр. 40. Архіепископъ Филаретъ, Русскіе святые 8 іюля и др.), по другому сказанію—въ 1303 году (рки. житіе Прокопія въ распространенныхъ редакціяхъ, Устюжскій лѣтописецъ въ Исторіи Карамзина, т. IV, примѣч. 206, и въ изданіи г. Суворова).

и блата мокрыя", блаженный терпѣлъ всюду „многу досаду, укоренія и біеніе и пханіе отъ безумныхъ человѣкъ: святый же, яко юродъ вмѣняяся, яко безумецъ". Путешествуя такимъ образомъ, онъ пришелъ въ Устюгъ. Здѣсь онъ нашелъ себѣ убогій пріютъ „въ верхнемъ концы во храминѣ ветхой". Блаженный полюбилъ этотъ городъ и навсегда избралъ его мѣстомъ своего жительства. День онъ страдалъ отъ людскихъ золъ, а ночью обходилъ церкви и молился. Когда блаженный хотѣлъ „покой обрѣсти отъ многаго труда своего и тогда на улицахъ, на гноищи или на сметьищи пометаше себе единымъ токмо нагимъ тѣломъ лежаше на зимній морозъ и снѣгъ". Мѣстомъ его жительства была паперть Успенскаго собора. Домы гражданъ онъ не посѣщалъ ни лѣтомъ, ни зимой; объ одеждѣ и пищѣ не печалился: „пріимаше себе малу пищу отъ богобоязливыхъ человѣкъ, приходящихъ къ нему, отъ богатыхъ же ничтоже пріимаше". Таково описаніе подвиговъ блаженнаго.

Далѣе передается разсказъ объ избавленіи Устюга отъ каменной тучи. Приводить его здѣсь было бы повтореніемъ. Затѣмъ, съ вѣроятностію, этой редакціи можно приписать пророчество блаженнаго трехъ-лѣтней Маріи, матери св. Стефана Пермскаго. По крайней мѣрѣ источникъ этого разсказа совершенно согласенъ съ предисловіемъ: „еже, братіе, слышахомъ отъ древнихъ онѣхъ мужей"... Однажды, придя къ соборной церкви Успенія Богородицы, обычному мѣсту своего обитанія, блаженный Прокопій встрѣтилъ у соборнаго храма молящуюся дочь одного посадскаго человѣка, именемъ Марію. Блаженный началъ юродствовать „и, чрезъ обычай свой, сотвори той дщери поклоненіе земное", а потомъ во всеуслышаніе нарекъ ее матерью св. Стефана Пермскаго, къ всеобщему изумленію присутствовавшаго народа, ибо „въ то время еще въ Пермстѣмъ языцѣ не было ни единаго человѣка, вѣрующаго во Христа, но вси убо помрачени бяху прелестію сатанинскою, поклоняющеся болваномъ, жруще бѣсомъ и идоломъ".

Блаженный каждый день ходилъ по городу въ роздраномъ рубищѣ, имѣя у себя въ рукахъ три кочерги... „и внегда убо кочерги святого бываху простерты главами впрямь, того лѣта бываетъ изобиліе веліе хлѣбу и всякимъ инымъ плодамъ, а егда кочерги бываютъ распростерты главами вверхъ, тогда хлѣбная скудость являшеся".

Блаженный любилъ часто сидѣть на берегу рѣки Сухоны и смотрѣть на пловцовъ. Онъ просилъ и тѣло его по смерти положить подъ тѣмъ камнемъ, на которомъ онъ сидѣлъ здѣсь. Желаніе его было исполнено и могила его подъ любимымъ камнемъ.

Таково содержаніе этой редакціи, насколько можно судить по Устюжскому лѣтописцу. Въ дальнѣйшихъ передѣлкахъ житіе начинаетъ подвергаться сильной порчѣ. Скудное по содержанію и „не украшенное добрословіемъ“ житіе болѣе раннихъ редакцій показалось неудовлетворительнымъ послѣдующему граматею. Онъ вздумалъ пополнить недостающее и для вящей характеристики личности блаженнаго, по обычаю своего времени, сталъ искать красокъ въ житіяхъ другихъ подвижниковъ. Но такихъ красокъ не нашлось въ житіяхъ русскихъ подвижниковъ, ибо подвигъ юродства былъ еще такъ новъ на Руси, и агіобіографической литературы по этой отрасли подвижничества не существовало. Поэтому, за такими красками пришлось обращаться къ болѣе древнимъ образцамъ греческой литературы. Вниманіе граматея на этотъ разъ остановилось на житіи блаженнаго Андрея юродиваго Цареградскаго, которое, безспорно, можетъ считаться классическимъ созданіемъ въ области легендарной литературы. Изъ этого житія русскій авторъ позаимствовалъ цѣлый отдѣлъ, который показался ему очень подходящимъ для характеристики сѣвернаго подвижника, подъ заглавіемъ „о зимѣ и бѣднѣ“, передѣлавъ заглавіе его такимъ образомъ: „о велицѣмъ зимнѣмъ мразѣ и о терпѣніи блаженнаго Прокопія“ [23]. Но при этомъ авторъ какъ-бы вовсе не позаботился о литературной обработкѣ своей редакціи: заимствованный отдѣлъ онъ совершенно механически вставляетъ въ житіе Прокопія, не замѣчая того, что допускаетъ явныя хронологическія противорѣчія. Такъ, онъ не обратилъ вниманія даже на то, что свой отдѣлъ съ разсказомъ о посѣщеніи Симеона, отца святителя Пермскаго, помѣстилъ ранѣе предсказанія блаженнаго трехъ-лѣтней Маріи, матери преподобнаго Стефана. Особенно сильной порчѣ подверглись сказанія о чудесахъ блаженнаго Прокопія. Принадлежащее этому автору чудо о бѣсноватой Соломоніи является безпримѣрнымъ въ исторіи русской агіобіографіи, какъ по своему объему (100 листовъ), такъ и по своему легендарному содержанію. Безъ опасенія впасть въ ошибку, перу этого автора можно приписать и еще цѣлый рядъ чудесъ, начиная съ 20 и до конца (№№ 220 и 221 Соловец. б.). Общая характеристическая черта произведеній этого автора необычайная хронологическая точность и аккуратная ссылка на источники, подлинность ко-

---

[23] Ср. житіе Прокопія въ распространенныхъ редакціяхъ съ житіемъ Андрея Юродиваго, въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ, октябрь. (Изданіе Археографической комиссіи).

торыхъ, повидимому, выше всякаго сомнѣнія. Глава „о велицѣмъ зимнемъ мразѣ“ повѣствуетъ, что описанное въ ней совершилось въ 8-е лѣто по пришествіи въ Устюгъ блаженнаго. Въ заключеніе этого сказанія авторъ пишетъ: „рабъ Божій Сумеонъ (которому блаженный открылъ тайну своихъ страданій, подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ не разглашать ее до смерти своей) скры тайные его глаголы, яже бесѣдова съ нимъ и никому же повѣда о житіи св. Прокопія, донележе онъ изыде отъ житія сего. По преставленіи же святаго все написа поряду, еже видѣ и слыша отъ святаго“. Такимъ образомъ, достовѣрность сказанія скрѣплена, повидимому, авторитетомъ отца великаго просвѣтителя Перми. Но обращаясь къ аналогичному эпизоду изъ житія Андрея Цареградскаго, читаемъ въ немъ тоже самое: „брате мой, (обращается Андрей къ другу своему и почитателю, которому также открылъ тайну своихъ страданій во время мороза) ижженетъ меня любы твоя и великая твоя милость пудитъ мя исповѣдати тебѣ (о страданіи моемъ); заклинаю тя Богомъ, дондеже есмь въ животѣ семъ, еже ти хощу повѣдати, не мози сего никому же повѣдати. Азъ же клялся ему ротою страшною, яко могу сохранити святыя твоя заповѣди“ [24]... Такая же точность замѣчается и въ чудесахъ этой редакціи. Каждому чуду предпосылается указаніе года, мѣсяца и дня его совершенія, а въ концѣ аккуратно указывается источникъ, изъ котораго заимствованъ разсказъ его (исцѣленный повѣдалъ освященному собору, пришелъ въ монастырь и разсказалъ братіи и т. п.). Особенною же хронологическою точностію отличается разсказъ объ исцѣленіи бѣсноватой Соломоніи, а подлинность его запечатлѣна свидѣтельствомъ нѣсколькихъ авторитетныхъ лицъ: „азъ грѣшный попъ Яковъ слышахъ у жены Соломоніи изъ самыхъ устъ ея при свидѣтеляхъ — духовнаго отца ея соборнаго священника Никиты и ея родившаго отца іерея Димитрія и записалъ повѣсть душеполезну и умиленія достойну“.

Рядъ странностей распространенной редакціи житія (№ 221 Солов. биб.) заканчивается статьею о списателѣ, которая до невозможности увеличаетъ общую путаницу житія. Въ предисловіи, занесенномъ сюда изъ болѣе раннихъ редакцій, мы читаемъ объ источникахъ житія: „ина убо слышахъ отъ человѣкъ, ина же и сами видѣхомъ очима нашима“, а въ послѣсловіи говорится, что житіе составлено на основаніи разсказовъ „самовидцевъ и памятуховъ“ (л. 207).

---

[24] Макарьевская Четья-Минея, октябрь, столбецъ 97. (Изданіе Археографической комиссіи).

Кромѣ того, это послѣсловіе явно противорѣчитъ и самому себѣ. По его словамъ блаженный Прокопій жилъ то „въ послѣдняя времена, во дни наша“, то „уже много лѣтъ преминуло послѣ его кончины“, то, наконецъ, житіе написано „по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ по преставленіи святаго“. Сдѣлавъ такія противорѣчивыя замѣчанія, авторъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ повторять переданный уже въ житіи разсказъ объ устройствѣ церкви надъ мощами блаженнаго и написаніи образа его. Послѣдняя странность бросаетъ нѣсколько свѣта на происхожденіе послѣсловія. Тщательный разборъ житія приводитъ къ тому выводу, что оно составлено по частямъ, въ различное время и различными лицами. Кромѣ приведенныхъ уже доказательствъ въ пользу этого мнѣнія, можно представить и то, что въ распространенныя редакціи вошли цѣликомъ разсказы изъ посмертной исторіи блаженнаго, объ устройствѣ часовни надъ его мощами, вскорѣ разметанной Устюжскими соборянами, не вѣрившими въ неканонизованнаго еще Прокопія и разсказъ объ устройствѣ церкви надъ его гробомъ, заимствованные изъ Устюжскаго лѣтописца, о чемъ свидѣтельствуетъ точно обозначенное число и годъ, предваряющіе разсказъ (обычай лѣтописный). Подобнымъ же образомъ поступилъ, вѣроятно, и послѣдующій дополнитель житія. Имѣя предъ собою различныя редакціи житія, въ одной, болѣе ранней изъ нихъ (второй, по нашему обозначенію) онъ нашелъ предисловіе, не вошедшее въ составъ послѣдующихъ редакцій. И вотъ это предисловіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ онъ помѣстилъ въ своемъ послѣсловіи. Покрайней мѣрѣ такая комбинація предисловія съ разсказомъ о построеніи церкви встрѣчается только во второй редакціи [25].

ГЛАВА II.

Начало монастырской колонизаціи въ Вологодскомъ краѣ: преподобные Стефанъ Махрищскій, Григорій и Кассіанъ Авнежскіе. Преподобный Димитрій Прилуцкій.

Слѣдя за исторіей колонизаціи Вологодскаго края Новгородскими и Ростовскими повольниками, нельзя не замѣтить, что эта колонизація совершалась по мѣстамъ болѣе удобнымъ для поселенія, главнымъ

---

[25] Въ самыхъ распространенныхъ редакціяхъ, кромѣ этого, содержатся: похвальное слово Прокопію дукса Симсона Шаховскаго, похвальное слово Варлааму Хутынскому, чудо отъ иконы Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрія, совершившееся у Соли Вычегодскія. См. Каталогъ рукописей Ундольскаго, № 362, стр. 249.

образомъ, по берегамъ большихъ рѣкъ. Такъ, Вологда расположена по берегамъ соименной рѣки, древній Гледенъ — на берегу рѣки Юга, Устюгъ — на берегу Сѣверной Двины и проч. Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, Новгородскія и Ростовскія колоніи являются лишь слабыми начатками колонизаціи Вологодской страны; ея дѣвственныя лѣса и безлюдныя пустыни по прежнему оставались не заселенными. Колонизація такихъ мѣстъ совершалась благодаря трудамъ святыхъ подвижниковъ, положившихъ здѣсь основаніе многочисленнымъ монастырскимъ колоніямъ.

Къ сожалѣнію, исторія жизни и этихъ подвижниковъ также очень темна и отрывочна, въ особенности же это должно сказать о первыхъ изъ нихъ. Ранѣе другихъ странъ колонизована была Авнежская область, первыми подвижниками которой были св. Стефанъ Махрищскій и два ученика его — Григорій и Кассіанъ Авнежскіе. Печальная участь, постигшая Авнежскую обитель, была причиною забвенія памяти Авнежскихъ подвижниковъ. Въ массѣ древнихъ рукописей мы встрѣчаемъ лишь сказаніе объ обрѣтеніи ихъ мощей и посмертныхъ чудесахъ, но не находимъ житія ихъ. Кой-какія свѣдѣнія объ ихъ жизни можно почерпнуть изъ житія ихъ общаго учителя преподобнаго Стефана Махрищскаго, написаннаго Даниловскимъ игуменомъ Іоасафомъ, перу котораго принадлежитъ и сказаніе о явленіи мощей Авнежскихъ подвижниковъ. „Мнѣ же смиренному иноку“, пишетъ Іоасафъ въ предисловіи къ житію св. Стефана, „прежде написавшу о явленіи мощей и о чудесахъ преподобныхъ Григорія и Кассіана, иже на Авнезѣ, прилучижеся написати и еще о житіи св. Стефана“ [1]. По собственнымъ словамъ автора, для составленія житія Махрищскаго подвижника онъ путешествовалъ въ Махрищскій монастырь и вопрошалъ о святомъ Махрищскаго игумена Варлаама, который, между прочимъ, по порученію митрополита Макарія, свидѣтельствовалъ мощи Авнежскихъ подвижниковъ. На его вопросъ принесли ему „отъ монастырскія ксенодохіи свитци, на хартіяхъ написаны бяху премнога времени отъ нѣкоего старца, саномъ пресвитера тоя обители, именемъ Серапіона, прадѣда бывша тому Варлааму, иже бысть самовидецъ преподобнымъ Сергію (Радонежскому) и Стефану и много еже о добродѣтелѣхъ исправленія ихъ своима очима видѣ той Серапіонъ, ина же отъ юности творимая добродѣтели святыхъ Стефана и ученикъ его“ (л. 358). Разсказъ Іоасафа простой, внушающій довѣріе, а въ сказаніи о

[1] Ркп. сборникъ Соловецкой библіотеки, № 586 (79 Анзер. скит.), л. 365.

чудесахъ Авнежскихъ подвижниковъ обиленъ и интересными подробностями.

Преподобный Стефанъ, по сказанію біографіи Іоасафа, былъ постриженникомъ Кіево-Печерской лавры; удалился изъ Кіевскихъ предѣловъ, когда послѣдніе подпали власти „богомерскихъ латинянъ". Придя въ Москву онъ испросилъ себѣ позволеніе у великаго князя на созданіе обители въ Московскихъ предѣлахъ и, поселившись на Махрищѣ, основалъ здѣсь Троицкій общежительный монастырь. Въ разстояніи одного поприща отъ основанной имъ обители жилъ христолюбивый мужъ, именемъ Григорій. О немъ говорили, что онъ „отъ юности имѣлъ тѣлесную чистоту и незлобіе". Узнавъ, что вблизи его поселился подвижникъ, основавшій обитель, онъ сталъ часто навѣщать его. Наконецъ, иноческая жизнь такъ привлекла къ себѣ его вниманіе, что онъ, отдавъ Стефану „селитву свою съ насѣянными нивами, молитъ его, еже сотворити инока" (л. 308). Желаніе его было исполнено: онъ былъ постриженъ и подъ руководствомъ св. Стефана началъ свои иноческія подвиги. Замѣтивъ добродѣтельную жизнь его, выдѣлявшую его изъ ряда другихъ иноковъ, св. Стефанъ вознамѣрился отличить своего любимаго ученика и послалъ его „къ архіерею, божественному Алексію (Суздальскому), да сотворитъ его пресвитера".

Но вотъ на св. Стефана воздвизается гоненіе со стороны сосѣдей его обители, братьевъ Алексія, Ѳеодора, Ивана и Петра Юрковскихъ. Стефанъ за добродѣтельную жизнь былъ уважаемъ отъ людей и отъ самаго великаго князя Димитрія „и (тіи) мняху себе, яко имать владѣти селомъ и нивами". Кроткія увѣщанія св. Стефана еще болѣе ожесточили враговъ его, такъ что они „устремляются на святаго, дышуще убійствомъ" (л. 369). Тогда Стефанъ рѣшился оставить основанную имъ обитель и, поставивъ вмѣсто себя начальникомъ ея старѣйшаго священника Илію, самъ, вмѣстѣ съ любимымъ ученикомъ своимъ Григоріемъ, пошелъ въ болота и дебри Вологодскія и поселился „во внутренней пустыни, близъ Сухоны, при потоцѣ Юрьевѣ". Здѣсь подвижники поставили церковь во имя св. Троицы; спустя немного, создали и другую церковь во имя великомученика и побѣдоносца Георгія. Потомъ устроили трапезу и келіи для братіи, которая мало по малу стала стекаться къ нимъ. Близъ пустоши той жилъ нѣкій человѣкъ, „именемъ Костянкинъ, сынъ Дмитріевъ, рода честна и богата". „Сей принесе Стефану имѣнія не мало на строеніе монастыря и братіи милостыню довольну подаде и моли преподобнаго облещи его во иноческая". Преподобный исполнилъ его просьбу и при по-

стриженіи нарекъ его Кассіаномъ. Священно-инокъ Григорій сдѣлался его руководителемъ во иноческомъ житіи. Такъ стали подвизаться вмѣстѣ три инока. Послѣ молитвы и богослуженія обычнымъ ихъ занятіемъ было, ходить по окрестностямъ, рубить и жечь лѣсъ и насѣвать ниву. Этими свѣдѣніями и заканчивается повѣсть о житіи Григорія и Кассіана въ біографіи св. Стефана. Далѣе списатель сообщаетъ, что великій князь Димитрій Іоанновичъ, узнавъ о новомъ мѣстѣ жительства преподобнаго Стефана, послалъ ему „милостину довольну и книги своя", а вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ ему придти въ Москву. Повинуясь волѣ самодержца, Стефанъ созвалъ къ себѣ братію, простился съ нею, вручивъ паству преподобному Григорію, а келарнюю службу блаженному Кассіану, навсегда покинулъ Авнежскую обитель.

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ Авнежской обители и ея подвижникахъ заключаются въ сказаніи объ обрѣтеніи ихъ мощей и возстановленіи разрушенной Авнежской обители. Послѣднее событіе совершилось около 1560 года повелѣніемъ Московскаго митрополита Макарія. По его порученію Махрищскій игуменъ Варлаамъ свидѣтельствовалъ мощи преподобныхъ и собиралъ свѣдѣнія о чудесахъ ихъ. Соборъ, на основаніи донесенія Варлаама, установилъ праздновать Григорію и Кассіану и поручилъ Даниловскому игумену Іоасафу написать сказаніе о нихъ [2].

---

[2] Списки: ркп. библіотеки бывшаго Авнежскаго монастыря (теперь приходская церковь); рукоп. сборникъ библіотеки Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 307—336; ркп. сборникъ Соловецкой библ. № 586 (79 Анзер. скит.), л. 396. Начало: „Коль благъ Богъ Израилевъ". Всѣ списки одинаковы, только въ Соловецкомъ сборникѣ всѣ чудеса, соединенныя съ исторіею открытія мощей, помѣщены въ началѣ, тотчасъ послѣ предисловія, а въ другихъ онѣ помѣщены въ ряду прочихъ чудесъ (1, 4, 5, 23, 27, 30 и др.). Въ этомъ же сборникѣ недостаетъ послѣднихъ чудесъ, начиная съ 20. Заглавіе сказанія: „Слово о явленіи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана на Авнезѣ и воспоминаніе о чудесѣхъ ихъ. Списано смиреннымъ іеромонахомъ Іоасафомъ, игуменомъ Даниловскимъ". По поводу этого заглавія П. Савваитовъ хочетъ поправить архіепископа Филарета, который въ своемъ „Обзорѣ русской духовной литературы" пишетъ: „Іоасафъ, игуменъ, а съ 1560 года епископъ Вологодскій, въ 1551 году сочинилъ *житіе* Григорія и Кассіана Авнежскихъ". „Въ моей библіотекѣ, возражаетъ Савваитовъ, есть... слово о явленіи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана, иже на Авнезѣ, и воспоминаніе о чудесѣхъ ихъ. Списано бысть смиреннымъ отцемъ іеромонахомъ Іоасафомъ, игуменомъ Данилова монастыря. Изъ этихъ словъ... видно, что Іоасафъ писалъ *не житіе*, а

Въ предисловіи къ этому сказанію Іоасафъ замѣчаетъ, что цѣль его труда — спасти чудеса преподобныхъ отъ того окончательнаго забвенія, которое постигло ихъ жизнь: „да небезпамятна будутъ явленія святыхъ и чудеса, якоже случися быти и о возрастѣ, и отверженіи отъ міра, ради многихъ лѣтъ, обносимыхъ безъ написанія, ради грѣхъ нашихъ и частыхъ нахожденій безбожныхъ и поганыхъ агарянъ, живущихъ въ Казаніи, и Вятчанъ, бяху бо Вятчана тогда не повинующеся скипетромъ Россійскимъ... многія крови христіанскія проліяша-церкви святыя сожигаху и монастыри раззоряху... никому же ихъ таковое дерзновеніе возбраняющу или пресѣцающу, даже и до самаго града Вологды, близъ же достизаху оноя веси, глаголемыя Авнеги, идѣже монастырь преподобныхъ... Церковь святаго великомученика Георгія безбожніи оніи татарове сожгоша и мѣсто оное конечному запустѣнію предаша и во много время никтоже ту смѣяше жити... и на ономъ мѣстѣ запустѣнія растяше лѣсъ величайшій“.

Такова исторія Авнежскихъ подвижниковъ по сказанію житія Іоасафа. Но есть другая редакція этого сказанія, нѣсколько расходящаяся съ сказаніемъ Іоасафа [3]. Эта редакція, по словамъ неизвѣстнаго автора ея, составлена на основаніи мѣстныхъ сказаній объ Авнежскихъ чудотворцахъ и является весьма интересною, сколько для исторіи сѣверно-русскаго подвижничества, столько и для обрисовки нравовъ обитателей древне-русскаго сѣвера. Вотъ ея содержаніе.

сказаніе о явленіи мощей и чудесахъ Григорія и Кассіана. Житія ихъ еще и до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалось“. См. въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ, т. VI, стр. 95, ст. Савваитова „Нѣсколько примѣчаній къ „Обзору русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета“. Вторую поправку въ изслѣдованіи преосв. Филарета дѣлаетъ проф. В. О. Ключевскій: „утверждаютъ, что этотъ біографъ (Іоасафъ) съ 1560 г. сталъ Пермскимъ (вѣрнѣе Вологодскимъ и Великопермскимъ) епископомъ. Но ни въ одномъ трудѣ онъ не дѣлаетъ намека на свой епископскій санъ, напротивъ, въ сказаніи объ Авнежскихъ чудотворцахъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, называя себя смиреннымъ іеромонахомъ, онъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, а о Пермскомъ епископѣ, пріѣзжавшемъ въ 1560 г. въ Авнежскій монастырь, выражается въ третьемъ и разсказываетъ, что два чуда изложены на основаніи донесенія этого епископа. Наконецъ, есть грамота 1566 г., подъ которой, вмѣстѣ съ епископомъ Іоасафомъ, подписался „чернецъ Іоасафъ, игуменъ Даниловскій“. На основаніи сказаннаго этотъ изслѣдователь замѣчаетъ, что сказаніе о Григоріи и Кассіанѣ могло появиться не ранѣе 1560 г., а не въ 1551 г., какъ думаетъ архіепископъ Филаретъ. Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 278—279.

[3] Эта редакція находится на первыхъ и послѣднихъ листахъ Авнежскаго списка. Рукопись сильно обветшала и разбирается съ большимъ трудомъ.

Въ началѣ своей повѣсти авторъ замѣчаетъ, что онъ намѣренъ дать болѣе достовѣрныя, чѣмъ въ сказаніи Іоасафа, свѣдѣнія „о жизни преподобнаго Стефана Махрищскаго и учениковъ его священномучениковъ Григорія и Кассіана“, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ „отъ здѣшнихъ жителей“. Св. Стефанъ, родомъ „Кіевленинъ, постриженникъ Свято-Богоявленскаго монастыря, по Божію изволенію и наставленію, пріиде гдѣ нынѣ монастырь Махрищской стоитъ и селѣ преподобнаго отца нашего Григорія“, доставшееся по наслѣдію отъ родственниковъ его. Преподобный Григорій еще „молодымъ отрокомъ остался по смерти своихъ родителей. Его св. Стефанъ „воспріемлетъ себѣ въ сына, и именуетъ во св. крещеніи Гавріила, и научаетъ его книгамъ и страху Божію... и постризаетъ осминадесятилѣтна, преименовавъ его Григоріемъ. Не по мнозѣхъ днѣхъ“, Стефанъ, изгнанный изъ Махрищи завистію злыхъ людей, оставляетъ Махрищу и вмѣстѣ съ Григоріемъ идетъ въ Авнену, поставивъ вмѣсто себя Махрищскимъ игуменомъ священника Илію. Путники остановились близъ рѣки Сухоны, при потокѣ Юрьевѣ. „Здѣсь первѣе всего (они) приносятъ жертву Богу на камени (и нынѣ камень тотъ нерушимъ стоитъ а сосудъ древянный на Шуѣ цѣлъ лежитъ)“. Вовторыхъ, строяху десятилѣтно церкви Живоначальныя Троицы, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и великомученика Георгія. Потомъ еще къ нимъ тутошній житель приходитъ, простолюдинъ, именемъ Костянтинъ и даетъ въ послушаніе, и скоро поемлетъ книжное ученіе, и двадцати трехлѣтъ пріемлетъ постриженіе и преименованіе Кассіаномъ. И пожи богоугодно вси купно тридесять пять лѣтъ“, продолжая созидать „лаврское строеніе всякими монастырскими потребностями, лѣсъ сѣкуще, и нивы и поля насѣвающе“. Далѣе, сказавъ вкратцѣ о возвращеніи преподобнаго Стефана, по волѣ великаго князя, въ Махрищскій монастырь, авторъ замѣчаетъ: „а болѣе о немъ (св. Стефанѣ) увѣдомиться не по чему, того ради, что здѣшніе жители не любопытствуютъ и къ нему не обыкоша“. „И о преставленіи и о погребеніи за давностію не свѣдомо, токмо по свидѣтельству обрѣтенія мощей преподобнаго Стефана на Махрищѣ, надъ гробомъ преподобнаго пречудно израстоша три древа березы и случившееся по многимъ явленіямъ. Съ прочими достойнѣйшими богоугодными (людьми) прилучися преподобный Арсеній Комельскій самовидецъ быти нетлѣнныхъ мощей сподобися и въ житіи своемъ пространно и ясно увѣдомилъ“ [4]. „А по

[4] Въ житіи преподобнаго Арсенія Комельскаго мы читаемъ слѣдующую замѣтку: „преподобный отецъ нашъ игуменъ Арсеній отхождаше, Махрищской

отшествіи отсюда преподобнаго Стефана, священномученики Григорій и Кассіанъ общее житіе имяху, другъ друга послушаніемъ и любовію почитаху, милостину нищимъ и сиротамъ и пришельцемъ милосердіе являху. Но благочестіемъ и ученіемъ здѣшняя страна не просвѣщена, а злобою, и завистію, и прелестію помрачена: по попущенію Божію, коварный супостатъ діаволъ, всѣхъ душъ человѣческихъ губитель, тогда самовластно живущимъ, малознающимъ, не боящимся Бога, вложи злую мысль чтобы ихъ (преподобныхъ) имѣнія разграбить и тѣлеса убить и огнемъ сожещи. Омрачишася піанствомъ, и несытствомъ, и завистію и вскорѣ тіи убіеніе священномученикамъ Григорію съ Кассіаномъ учиниша и огню предаша. И нигдѣ огнь чистительный (?) тѣлъ ихъ не язвилъ, но по пятидесяти лѣтѣхъ и болѣе на томъ мѣстѣ многія чудеса являхуся. А по убіеніи ихъ въ томъ монастырѣ вселишася татіе, и разбойници, и душегубцы, яко тѣ угодники показующе исперва подъ видомъ лицемѣрства лукавое монашеское житіе, а всѣмъ злымъ дѣламъ совершителіе: Васька Тяжоловъ — Капиъ, копеловъ Ванька, Чурчинъ баболдвъ и многія злыя дѣла и пакости дѣяху, грабяху насильно, убиваху и бабъ уводяху любодѣйствовати. И по многомъ томъ любодѣйствѣ и убійствѣ собрашася тутошнихъ жителъ многолюдство, чтобы ихъ за то злое дѣло убити, и они познаша сіе, и все монастырское строеніе зажгоша, и сами бѣжаша, и гнашася до мѣста многонароднымъ собраніемъ, гдѣ имъ прежде пристанище— до сельца Росцина. Изъ того сельца видятъ множество народа спомоществуютъ тѣхъ убійцъ ко убіенію и потребися память тѣхъ злотворцевъ съ шумомъ". Въ дальнѣйшемъ содержаніи разсказъ представляетъ рядъ благочестивыхъ разсужденій автора, фактическаго ничего не дающихъ.

Таково содержаніе второй редакціи. Являясь по своему содержанію нѣсколько подробнѣе повѣсти Іосифа, она очень не во многомъ разнится отъ нея, указывая иное мѣсто постриженія Стефана (Свято-

---

монастырь посѣщаше, игумена и братію. Того Махрищскаго монастыря игуменъ Іона возвѣщаетъ ему видѣніе, еже видѣ надъ гробомъ св. Стефана: подъ древомъ яко огнь горящь и окрестъ того мѣста, яко лучъ солнечный сіяя на долгъ часъ. Святый же отецъ Арсеній .. разумѣваетъ быти не простой вещи... и повелѣ поставити гробницу надъ гробомъ св. Стефана и гробъ его покровомъ покрыти и свѣщу велику поставити. Самъ же преподобный соверши божественную службу соборнѣ, игумена и братіи вельми учредивъ и устави вселѣтную память св. Стефану". Рукописное житіе преподобнаго Арсенія Комельскаго въ библіотекѣ Арсеніево-Комельскаго монастыря, л. 30.

Богоявленскій монастырь, вмѣсто Кіево-Печерской Лавры) и иныхъ разорителей Авнежской обители и убійцъ ея основателей. И едва-ли эта редакція является не болѣе вѣроятною сказанія Іоасафа. Не нужно забывать, что послѣдній былъ современникомъ покорителя Казанскаго царства. Въ его трудѣ не мало отводится мѣста панегиризму въ честь Грознаго, по поводу этого событія. Вслѣдствіе этого, для него весьма естественно было, по аналогіи съ другими многочисленными случаями, заключить, что причина разоренія Авнежскаго монастыря—нашествіе татаръ, а чрезъ это дать себѣ лишній поводъ къ восхваленію „во царѣхъ достохвальнаго". Во всякомъ случаѣ мы видѣли уже, что отчасти сказаніе второй редакціи подтверждается свидѣтельствомъ другихъ источниковъ. Это-же мы увидимъ и нѣсколько ниже. Въ заключеніе сказанія объ Авнежскихъ подвижникахъ, мы приведемъ нѣсколько чудесъ изъ редакціи Іоасафа, именно тѣ изъ нихъ, которыя соединяются съ исторіей обрѣтенія ихъ мощей. Эти чудеса являются интересными столько же для историка церковнаго, сколько и гражданскаго. „Въ повѣсти о чудесахъ, предшествовавшихъ открытію мощей и возстановленію Авнежскаго монастыря, пишетъ въ своемъ изслѣдованіи проф. Ключевскій, списатель сообщаетъ подробности, дѣлающія ее памятникомъ первостепенной важности для исторіи заселенія сѣверо-восточной русской окраины" [5].

Съ первымъ чудомъ соединяется разсказъ объ обрѣтеніи мощей. „Бысть-же въ лѣто ҂злв (1524) въ веси оной Авнезѣ человѣкъ нѣкій, именемъ Гавріилъ, посѣче лѣсъ, яко ту селитву сотворити хотяше. Егда-же сему бывшу лѣсу посѣчену и иссохшу, тако хврастіе оно огнемъ запаливъ: всему-же хврастію окрестъ оного мѣста, идѣже святіи лежаху, сгорѣвше, а идѣже древле бысть церковь и мощи святыхъ, ту хврастіе отъ огня не опалимо пребываше. Той же Гавріилъ собра множество хврастія и сотвори громаду велію и запаляше громаду многащи, паче она угасаше; и приспѣвши нощи, отходитъ той Гавріилъ на ложе свое опочивати. Во утрій же день пришедъ и видя громаду разметану, удивися, не разуме, яже что хощетъ быти: но тако отребивъ оставшаяся хврастія, и раломъ разоравъ, и нивы насѣяше, и храмины себѣ постави близъ мѣста онаго. Не по мнозѣ же времени паки индѣ отходитъ жити, во свое мѣсто оставляетъ нѣкоего человѣка, именемъ Ѳеодора. И тому живущу на ономъ мѣстѣ нѣколико время, абіе видѣ по вся нощи вечеръ и утро и свѣщу горящу, идѣже мощи святыхъ лежаху. И удивляшеся сему Ѳеодоръ,

[5] Стр. 279—280.

мняше бо привидѣніе и мечтаніе хощетъ быти или сокровищу нѣкоему ту положену быти отъ древнихъ невѣрныхъ человѣкъ... Утаися нощію, шедше, окопавше землю на ономъ мѣстѣ, идѣже свѣща являхуся, и обретѣ ту два гроба и убояся зѣло, и паки покры ихъ землею и иде въ домъ свой, возлеже на одръ да почіетъ отъ труда. Спящу же ему, явися ему мужъ среднимъ возрастомъ, русъ власы, широку имѣя браду, священническія бѣлы ризы носяй, глагола ему: Ѳеодоре, иди въ настоящій день въ ближнюю весь, къ церкви Живоначальныя Троицы, ко игумену Мисаилу и приставнику великаго князя Симеона Іоанну, пореклому Рылу, и во вторую недѣлю иди къ церкви Николая Чудотворца, къ іерею Іерофею и приставнику благовѣрнаго князя Петра, Іоанну же именемъ, въ третію же недѣлю иди къ церкви св. пророка Иліи, такъ же священнику Никитѣ и всѣмъ людемъ оныхъ церквей и рцы имъ, да поставятъ церковь св. великомученика Георгія, иже бѣ прежде .. Ѳеодору же вопросившу о имени его, повѣда ему имя Григорія, по сихъ же Ѳеодоръ, якоже речеся, шедъ, возвѣсти игумену и священникомъ и всѣмъ людемъ, они же не яша ему вѣры; преждепомянутіи же князи, господіе веси оноя, князь Симеонъ и князь Петръ, въ то время въ домѣхъ своихъ не были и по сихъ улучи ихъ при домѣхъ, повѣда имъ сіе. Тіи же князи идяста тамо, идѣже святіи лежаху, и повелѣша предъ собою копати онему Ѳеодору и видѣша князи два гроба цѣлы и нерушимы, во гробѣхъ же убояхуся смотрѣти и паки повелѣша покрыти и пѣти надъ ними молебная іереомъ, сами же пошли въ домы своя и паки оба князи поидоша противо поганыхъ на брань... Потомъ же явишася во снѣ преждепомянутому Іоанну Рылу два мужа, тожде слово рекоста ему, якоже и Ѳеодору". На этотъ разъ было освящено мѣсто упокоенія святыхъ и поставлена надъ ними гробница, при чемъ трудившіеся въ этомъ дѣлѣ Іоаннъ Рыло и Троицкій игуменъ Мисаилъ получили исцѣленіе отъ болѣзни.

Замѣчательное событіе изъ исторіи открытія мощей Авнежскихъ чудотворцевъ передается въ чудѣ четвертомъ (по спискамъ Вологод. монастырей). „Искони ненавидяй добра роду человѣческому діаволъ вложи въ сердцѣ нѣкоему человѣку, Гавріилу именемъ, по реклому Ушакъ. Еже не бы слышатися чудесемъ, бывающимъ отъ гроба святыхъ, бѣ бо село свое имѣя близъ чудотворцевъ, помышляше въ себѣ, глаголя: яко аще не престанутъ бывати чудеса отъ гроба святыхъ и паче множатися, имать мѣсто оное распостранитися и состроится монастырь, и вселятся ту мниси, и азъ не токмо мѣсто оное себѣ наслѣдую, но и села̀ отцетитися имамъ... И призываетъ къ себѣ той Гав-

ріилъ Глушицкаго игумена Іоакыма и старца Илинарха тогожде монастыря, саномъ суща священника. И сотвори на нихъ учрежденіе веліе, и съ ними о собѣ совѣтъ сотвори, и дары почте ихъ: даде игумену кожу медвѣжью, священнику же оному сто сребренникъ и поимъ ихъ съ собою, идеже святіи лежаху. Объюродеша піанствомъ, паче же завистію и несытствомъ разориша гробницу, иже надъ мощми святыми и святыя иконы, иже въ ней, повергше на землю и паки отъидоша"... Гавріилъ поплатился за свою дерзость: „не по мнозѣхъ днѣхъ возмятеся умомъ своимъ, и нападе нань страхъ и ужасъ, и во изступленіи ума хождаше по чащамъ лѣса, якоже дивіи звѣри. И тако ему страждущу десять мѣсяцевъ, едва въ себе пришедъ, позна своё согрѣшеніе, и пришедъ ко гробу святыхъ припадеся и со слезами моляся... и тако съ тѣлеснымъ здравіемъ обрѣте душевное, отходитъ въ домъ свой. Мисаилъ же игуменъ и приставникъ благовѣрнаго князя Симеона... шедше въ монастырь св. Димитрія, иже на Прилуцѣ и повѣда игумену Мисаилу тоя обители, какъ разорена бысть гробница и святыя иконы (ибо въ то время во градѣ Вологдѣ епископа не бѣ). Игуменъ-же Мисаилъ повелѣ паки поставити гробницу надъ мощми и внести святыя иконы.

Подобный разсказъ передается и въ пятомъ чудѣ. „Человѣкъ нѣкій, именемъ Онисимъ, сей помышляетъ въ сердцѣ своемъ, глаголя, яко идѣже гробъ святыхъ сокровище положено бысть нѣкое отъ древнихъ невѣрныхъ волхвованіемъ и сего ради бываютъ мечтанія и привидѣнія и не суть истинная чудеса. Се же ему помышляющу, шедъ къ ковачу и повелѣ ему сковати себѣ желѣзо въ длину яко сажени болѣ, конецъ же остръ и тако поимъ съ собою два человѣка, подобна себѣ и единомысленна на оно мѣсто, идѣже святіи лежаху. И никому же вѣдуще ихъ отшествіе, тако достиже въ пустыню, идѣже гробы святыхъ, чающимъ обрѣсти себѣ сокровище нѣкое, и тако концемъ желѣза водружаше острымъ въ землю, ищущемъ мнимаго имъ сокровища, и въ мощи святыхъ немилостивно прободаху, и внезапу же вся тріе разслабѣша тѣлесными всѣми уды... Сынове же оною Онисима, поискавше отца своего, едва обрѣтоша его въ пустыни, лежаща на земли разслабленнымъ съ совѣтники его".

Пострадавъ два лѣта и шесть мѣсяцевъ, Онисимъ обратился съ молитвою къ успѣвшимъ уже прославиться Авнежскимъ чудотворцамъ и получилъ здравіе. Заканчивая свое сказаніе объ Онисимѣ, списатель замѣчаетъ: „его же (Онисима) и азъ самъ видѣхъ очима своима, суща въ велицѣй старости, якоже лѣтъ сто и множае, украшена иноческимъ одѣяніемъ и нареченна именемъ Антонія".

Такъ нѣсколько лѣтъ продолжали совершаться чудеса и слава объ Авнежскихъ подвижникахъ прошла „повсюду, даже и до самаго града Москвы и до Самодержца великія Россіи царя Іоанна Васильевича, во царѣхъ достохвальнаго. Онъ же, сія слышавъ, возвеселился сердцемъ и возрадовася душею: бѣ бо теплъ вѣрою, еже ко святымъ... Той посылаетъ милостину довольну на монастырь св. Живоначальныя Троицы, что на Махрищѣ, и посылаетъ тамо Махрищскаго игумена Варлаама (бѣ бо мѣсто оно, идѣже святіи лежаху, отъ многихъ лѣтъ Махрищскаго монастыря бяше) и вручаетъ тому игумену все, еже на строеніе святаго оного мѣста, всю утварь церковную: святыя иконы и сосуды церковные отъ своея царскія казны и повелѣваетъ дати паволоку, сирѣчь покровъ, къ симъ же села даетъ на пропитаніе тамо живущимъ монахомъ и повелѣваетъ поставити церковь св. Троицы и великомученика Георгія и повелѣ собрати монахи и устроити монастырь“.

„По повелѣнію благочестиваго царя и по благословенію преосвященнаго Макарія митрополита, той игуменъ Варлаамъ достизаетъ пустыни, идѣже святіи лежаху и основа церковь, идеже гробы святыхъ, въ лѣто ҂ѕѯн (1560), индикта 4“.

Когда церковь была устроена, митрополитъ Макарій снова посылаетъ игумена Варлаама въ Авнегу для освященія церкви и при этомъ „хотя извѣстно разумѣти, еже истинна есть о чудесѣхъ слышанное“, поручаетъ ему „вопросити (о томъ) извѣстно ту сущихъ окрестъ мѣста оного“. Игуменъ въ праздникъ Покрова освятилъ церковь и при освященіи самъ сдѣлался свидѣтелемъ одного чуда (исцѣлился глухой Михаилъ), о чемъ и донесъ митрополиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ему разсказы „отъ ту сущихъ житель окрестъ мѣста того, истѣе слышавъ паче отъ нѣкоего старца, Антонія именемъ, иже бысть въ старости велицѣй, той самъ о себѣ сказавъ, како па ономъ мѣстѣ искавъ сокровища... и отъ пономаря ту суща, именемъ Алексія, о немъ же бысть чудо и исцѣленія“.

„Преосвященный же митрополитъ Макарій собра архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, и устави праздновати святымъ и посла книги своя Пермскому епископу Іоасафу, да идетъ тамо, идѣже святіи лежаху. Епископъ же посла книги своя во вся монастыри, сущіе подъ нимъ, да идутъ съ нимъ вси игумены въ ту пустыню, по повелѣнію преосвященнаго митрополита, видѣти своима очима слышанная. Самъ же епископъ со тщаніемъ сѣде въ ладицу, поимъ съ собою весь причетъ церковный и плыша тамо по рѣкѣ. Такожде и игумены, по повелѣнію епископа, тамо идуще. Въ нихъ

же бѣ игуменъ Иларіонъ Лопотова монастыря, яко тяжко сіе вня путное шествіе и якоже тщету нѣкую вмѣняя, глаголя въ себѣ, б бо яко маловѣріемъ одержимъ къ преподобнымъ, но боящеся преслу шати епископа... Егда же бысть близъ монастыря святыхъ разсвирѣ неся осля его и съ себѣ сокруши его (послѣ раскаянія онъ по томъ получилъ исцѣленіе). Егда же совершиша божественную ли тургію, повелѣ епископъ раскопати землю, идѣже святіи лежаху, обрѣте гробъ цѣлъ и открыша и видѣша мощи, составы нерушимы не имуще дебельства тѣла, яко кожа присохла къ костѣмъ. Другі же гробъ рушимъ отъ нѣкіихъ, якоже и прежде писахомъ"...—Вто рымъ почти современнымъ Григорію и Кассіану подвижникомъ Авнеж ской страны былъ преподобный Димитрій Прилуцкій. Мѣстомъ его кратковременныхъ подвиговъ была противоположная сторона Авнеж такъ враждебно относившейся къ подвижникамъ. Біографическія свѣ дѣнія о немъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ объ основателяхъ Авнеж скаго монастыря. Житіе преподобнаго Димитрія представляетъ из себя гармоническое сочетаніе историческаго содержанія съ искусствен но-агіобіографической формой. Оно написано со словъ Пахомія, бли жайшаго ученика и преемника по игуменству въ Прилуцкой обители рукою Макарія, пятаго Прилуцкаго игумена. Подробности житія, по словамъ проф. Ключевскаго [6], заставляютъ предполагать въ лицѣ списателя свидѣтеля жизни и трудовъ преподобнаго, хотя самъ он объ этомъ и не упоминаетъ [7].

---

[6] Стр. 270.

[7] Списки житія: ркп. житіе библіотеки Димитріевской Авнежской церкви. Начало: „Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Димитрій бысть родомъ Россійскаго царства, Московскія страны, отъ града Переяславля". Это, по Ключевскому, первая редакція, безъ предисловія и похвальнаго слова, съ пятью чудесами. Въ особой припискѣ прибавлено здѣсь чудо при устройствѣ церкви послѣ пожара (1542 г.) и описаніе торжества срѣтенія иконы преподобнаго, возвратившейся изъ Казанскаго похода (1503 г.) и, наконецъ, еще 29 чудесъ. Рукоп. Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 48—57,—редакція болѣе распространенная (вторая по Ключевскому) съ предисловіемъ. Начало: „Аще бо иногда еллинстіи баснотворцы и нечестивіи языци, иже Бога не знающіи, праздники и поклоненіе идоламъ приносяще... кольми паче намъ подобаетъ память святыхъ праздновати". Ркп. той же обители № 4/3, распространенная редакція (третья), с предисловіемъ и двумя похвальными словами. Начало житія: „Отъ славнаго града Переяславля, отъ благочестиваго корене израсте доброплодная розга". Сюда же относятся списки въ Соловецкихъ сборникахъ №№ 627/508, 616/518. Нако

Повѣствованіе о жизни преподобнаго въ родительскомъ домѣ отличается въ житіи обычною краткостію. Св. Димитрій родился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ отъ богатыхъ, „многу куплю творящихъ“, родителей. Но онъ не захотѣлъ продолжать ихъ профессіи и еще въ юности обнаружилъ иноческія наклонности. Придя въ возрастъ, онъ окончательно порвалъ свои связи съ міромъ и постригся „въ томъ же градѣ Переяславли, въ монастырѣ Пречистыя Богородицы, на Горицахъ“ [8]. Здѣсь онъ началъ свои иноческіе подвиги и вскорѣ сподобился „священства даръ пріяти“. Впрочемъ, онъ скоро покинулъ мѣсто своего постриженія и самъ началъ устроять монастырь съ церковію въ честь святителя Николая, близъ Переяславскаго озера. Около того же времени неподалеку отъ обители Димитрія устроилъ свой монастырь преподобный Сергій Радонежскій. Святые скоро сдѣлались друзьями и стали навѣщать другъ друга, подавая взаимные совѣты „како-бы общее житіе управити“.

Разсказъ о жизни Димитрія въ Переяславлѣ біографъ заключаетъ слѣдующими эпизодами. Преподобный Димитрій отъ юности обладалъ

нецъ, списокъ Соловецкой библіотеки № 638/835 составляетъ четвертую (испорченную) редакцію. Общее заглавіе житія: „Житіе и подвизи и отъ чудесъ похваленіе преподобнаго отца нашего Димитрія, иже на Прилукѣ, Вологодскаго чудотворца. Твореніе тоя же обители игумена Макарія“. Первыя три редакціи въ фактическомъ отношеніи не отличаются другъ отъ друга. Здѣсь житіе цитуется по первой редакціи.

[8] По изысканію автора „Исторіи Россійской іерархіи“ „о началѣ Горицкаго Богородицкаго монастыря ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ существуетъ изъ давнихъ лѣтъ“ (III, 144). Но преосвященный Филаретъ, ссылаясь на Прологъ, утверждаетъ, что этотъ монастырь основанъ великою княгинею Евдокіею, въ инокиняхъ Евфросиніею, въ 1392 году, который считается годомъ смерти преподобнаго Димитрія. (Архіеп. Филаретъ, Русскіе святые, 11 февраля). Поэтому онъ, а за нимъ и другіе (г. Суворовъ въ „Описаніи Спасо-Прилуцкаго монастыря“, стр. 2, гр. Толстой въ „Разсказахъ изъ Русской церкви“, стр. 215). полагаютъ, что Димитрій постригся не въ Горицкомъ, а въ другомъ, существовавшемъ тогда, Нагорномъ-Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Но Прологъ въ данномъ мѣстѣ противорѣчитъ самому себѣ: допуская, что Горицкій монастырь основанъ въ 1392 г., онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что Димитрій постригся въ немъ (Прологъ, 11 февраля). Есть, дѣйствительно, Горицкій монастырь, основанный княгинею Евфросиніею, но княгинею Старицкою, Горицкій Богородицкій, а не Воскресенскій; не мужской, а женскій. (Исторія Россійск. іерарх., III, 741—742). Не это ли обстоятельство ввело въ заблужденіе составителя Пролога, а за нимъ и архіеп. Филарета?

„благородствомъ и красотою, подобно Іосифу Прекрасному". Вслѣдствіе этого, онъ всегда имѣлъ обыкновеніе покрывать лице свое кукулемъ, скрывая его отъ посторонняго взора. Но „нѣкоего мужа славна жена", часто вмѣстѣ съ другими приходившая въ монастырь для молитвы „и слышащи прежнюю доброту, красоту и цѣломудріе преподобнаго, восхотѣ видѣти его". Послѣ долгихъ тщетныхъ стремленій удовлетворить своему желанію, она, наконецъ, пустилась на хитрость: „нѣкогда по прилучаю спроста увидѣ святого, готовящася къ божественной службѣ". Суровый взоръ подвижника привелъ въ смущеніе безстыдную жену „и абіе нападе на ню ужасъ великій и бысть разслаблена всѣмъ тѣломъ". Но святый, видя раскаяніе жены, простилъ ее и, благословивъ, возвратилъ ей здравіе.

Стоустая молва разглашала о подвигахъ Димитрія, такъ что „и самый тогда предержай начальство Россійскаго царствія благовѣрный и христолюбивый князь Димитрій Іоанновичъ, слышавъ о семъ преподобнѣмъ, съ радостію призываетъ его къ себѣ благословенія ради, и якоже другаго въ Россіи столпа, великаго Сергія Радонежскаго, тако и сего блаженнаго почиташе и умоли его, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія и церковными дары почте и велію честь воздаде ему".

„Видя себе преподобный въ велицѣй славѣ отъ человѣкъ похваляема... сего ради изыде отъ Переяславля и отъ обители своея, поимъ съ собою единаго ученика своего, достовѣрна и во всемъ подобна его житію, именемъ Пахомія, (иже той намъ много свидѣтельствова о житіи и чудесѣхъ его) и устремився къ сѣвернымъ странамъ... И походивъ непроходные лѣсы, и дебри пустыя, иже прилежаху града Вологды, обрѣте мѣсто пусто на рѣцѣ на Лежѣ и на Великой рѣцѣ [9], ту и церковь воздвиже во имя Воскресенія Христова" [10]. Однако преподобный не могъ долго оставаться здѣсь: „люди не благодарные отъ прилежащія веси (Авнега зовомыя) подняли ропотъ велій на него, глаголюще: отче! не угодно намъ твое здѣ пребываніе (помыслиша бо въ себѣ, яко аще сей великій старецъ близъ насъ жити будетъ и по малѣ времени соовладѣетъ нами и селы нашими). Слышавъ же святый ненависть ихъ и ропотъ, скоро возставъ, отъиде оттуду и пріиде на Вологду и видѣ градъ украшенъ многими святыми церквами... И возлюби преподобный мѣсто на Прилуцѣ, отъ града за

---

[9] Великая—притокъ рѣки Лежи.

[10] Эта церковь существуетъ и доселѣ подъ именемъ Воскресенской Великорѣцкой.

три поприща". Это мѣсто и избралъ онъ для устройства своей обители. „И тамо сущіе жителіе—мужъ благонравный, именемъ Илія, и сусѣдъ его—Исидоръ, зовомый Выпрягъ, дарствуютъ святому, по прошенію его, земли своея довольно, елико требуютъ на поставленіе обители, и за любовь свою, еже имяху къ нему, небрегутъ тогда и насѣянныя своя озимыя нивы, уже совершенныя классы издавшія, но въ попраніе ногамъ человѣческимъ быша".

Такъ же радостно и вся Вологда привѣтствовала Переяславскаго подвижника: „слышавше приходъ преподобнаго... вси маліи и велицыи, богатіи и убозіи, и всякъ возрастъ, другъ друга предваряюще, течаху благословеніе отъ святаго пріяти, своя имѣнія ему вручающе, кійждо по силѣ своей: инъ имѣнія, инъ древеса, а инъ потребныя церкви и монастырю, и вскорѣ великая церковь поставлена бысть въ честь честному и животворящему кресту (августа въ первый день)... И пача ту преподобный жительствовати съ братіею вкупѣ и мнози иноци пріидоша къ нему и отъ древнія его обители, иже въ Переяславли. Слышавъ же и благовѣрный великій князь Дмитрій Іоанновичъ, идѣже пребываетъ преподобный старецъ, прислаше ему довольно на потребу монастырскаго строенія. Такъ устроена была одна изъ знаменитыхъ сѣверныхъ обителей. Съ самаго же начала своего существованія она прославилась своею благотворительностію: „бяше бо, замѣчаетъ быто писатель, обитель его (преп. Димитрія) на распутіяхъ многихъ и мимоходящія отъ града Москвы даже и до великаго окіана-моря" находили всегда радушный пріютъ въ ней.

Устроивъ, такимъ образомъ, вторую обитель, преподобный Димитрій снова предался своимъ обычнымъ подвигамъ. „Ризную худость толико любляше, замѣчаетъ его біографъ, яко единъ отъ убогихъ; едину ризу всегда ношаше на себѣ и въ зимѣ и въ лѣтѣ отъ овчихъ жесткихъ кожъ: въ зимѣ студень, а въ лѣтѣ отъ тяготы потъ терпяше.. И по часту хождаше на село свое, презирая тамо дѣлателя своего, именемъ Григорія, сѣющаго жита его... Толико воздержательный постъ имѣяше, аще въ кій день уставъ повелѣваше утѣшенію братіи быти, онъ не ядяше, поставляему сущу предъ нимъ въ малѣ сосудѣ глиняннномъ, точію едину воду теплу и велій паръ испущающу съ малою просфорой хлѣба—сицева ядь его всегда бываше".

„Нѣкто отъ ближнихъ обители его жителей принесе братіи ястіе и питіе. Преподобный не повелѣ пріяти (не брашно хуля, но приносящаго показуя, да будетъ совершенно милостивъ ко всѣмъ) рече къ нему: отнеси сія въ домъ свой, еже намъ принеслъ еси, и яже суть раби и сироты въ дому твоемъ, сихъ напитай, да не гибнутъ гладомъ,

жаждою и наготою и тѣхъ избытка нашей нищетѣ донеси. Онъ же обѣщався тако сотворити и... едва умоли святаго, да возмутъ братія принесенная отъ него. По семъ святый мнози блага тому содѣла и отъ прилучившіяся нѣкія бѣды свободи его".

Любя уединеніе, преподобный и въ церкви своей „повелѣ устроити себѣ мѣстце особно, близъ алтаря на лѣвой странѣ... и тамо втайнѣ обычная молитвы къ Богу возсылая".

Своими подвигами святый достигъ высшаго совершенства и удостоился дара пророчества. Такъ, онъ предсказалъ братіи день кончины своего высокаго почитателя, великаго князя Димитрія Іоанновича, и гибель среди дикихъ людей купцу, брату своему, отправившемуся къ нимъ въ третій разъ для наживы и обогащенія.

Въ своихъ подвигахъ достигнувъ маститой старости, преподобный преставился въ 1392 году, назначивъ себѣ преемникомъ по игуменству ученика своего Пахомія.

ГЛАВА III.

Спасо-Каменный монастырь, какъ центръ монастырской колонизаціи сѣверной части Вологодскаго края.—Постриженики его преподобные: Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій, Іоасафъ Каменскій.— Преподобный Григорій Пельшемскій.

Многочисленныя Ростовскія владѣнія въ Вологодской землѣ сдѣлались мѣстомъ подвижничества, кромѣ ранѣе упомянутыхъ, многихъ и другихъ подвижниковъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательны Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій и Іоасафъ Каменскій. Эти преподобные мѣстомъ своего постриженія и первоначальнаго подвижничества имѣли замѣчательный въ исторіи Спасо-Каменный монастырь.

Древность сохранила намъ нѣсколько свѣдѣній объ этой обители, которыя заключаются въ лѣтописи ея, составленной знаменитымъ въ свое время старцемъ Паисіемъ Ярославовымъ. Въ этой лѣтописи помѣщаются краткія біографическія свѣдѣнія и упомянутыхъ трехъ подвижниковъ. Въ виду важнаго значенія въ исторіи древне-русскаго подвижничества личности самого автора этой лѣтописи и въ виду той же важности Спасо-Каменной обители, мы предварительно позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ и о другомъ.

Свѣдѣнія о Паисіѣ очень отрывочны. Преосвященный Филаретъ, не указывая источника, сообщаетъ, что Паисій самъ былъ постриженникомъ Спасо-Каменной обители [1]. Авторъ извѣстнаго посланія о

[1] „Обзоръ духов. литературы", I, § 106.

причинахъ вражды между монахами Кирилловскими и Іосифовскими сообщаетъ, что Паисій Ярославовъ былъ учителемъ Нила Сорскаго [2]. На этомъ основаніи можно думать, что около половины XV вѣка Паисій былъ инокомъ въ Кирилловѣ монастырѣ. Послѣ преставленія преподобнаго Кирилла, по свидѣтельству Іосифа Волоцкаго, нравы иноковъ Кирилловой обители стали сильно упадать. Даже сами настоятели, будучи „отъ иного монастыря, преданія и законы св. Кирилла не храняше и въ небреженіе полагаше". Вслѣдствіе этого „старѣйшіи и большіи старцы вси отбѣгоша отъ монастыря, не терпя зрѣти святаго Кирилла преданія попираема и отметаема" [3]. Можетъ быть, какъ догадывается авторъ „матеріаловъ для біографіи Нила Сорскаго" [4], въ числѣ такихъ старцевъ, „преданія святаго Кирилла теплѣ хранившихъ", былъ и Паисій Ярославовъ. Какъ бы то ни было, но нѣсколько позднѣе мы видимъ его уже въ Троицкомъ-Сергіевѣ монастырѣ. Во время игуменства Спиридона (1467—1474) онъ пишетъ здѣсь для сего послѣдняго житіе преподобнаго Кирилла, что явствуетъ изъ самаго списка этого житія [5]. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстенъ великому князю, по волѣ котораго, въ 1479 году, сталъ игуменомъ Троицкой обители. По замѣчанію лѣтописи, Паисій пользовался большимъ уваженіемъ великаго князя, который держалъ его „въ чести велицѣй" и даже просилъ быть воспріемникомъ своего сына [6]. Однако, по свидѣтельству одного древняго памятника, паденіе иноческой жизни въ обители преподобнаго Сергія заставило Паисія въ 1484 году отказаться отъ игуменства. Послѣ этого мы часто видимъ его въ Москвѣ. Въ 1484 году великій князь здѣсь совѣтовался съ нимъ о митрополитѣ Геронтіѣ и уговаривалъ его занять мѣсто послѣдняго: „великій князь нача думати съ Паисіемъ, пригоже ли его (м. Геронтія) опять взяти на митрополію... хотяше бо его самого на митрополію, онъ же не хотяше: принуди бо его великій князь и у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ игуменомъ быти и не може черцовъ превратити на путь Божій, и хотѣша его убити, и остави игуменство,

---

[2] „Письмо о нелюбкахъ" въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцовъ, т. X, 504. Здѣсь читаемъ: „да тутъ же (на соборѣ 1503 г.) былъ старецъ Паисій Ярославовъ и ученикъ его старецъ Нилъ, по реклу Майковъ".

[3] „Матер. для біографіи Нила Сорскаго". Соч. г. Архангельскаго, стр. 15.

[4] Ibidem.

[5] Ключевскій, Указан. соч., стр. 190.

[6] Софійскій временникъ см. въ указан. сочиненія г. Архангельскаго, стр. 16.

потому же и митрополію не восхотѣ [7]. Въ 1490 и въ 1503 годахъ мы снова видимъ Паисія въ Москвѣ участвующимъ на соборахъ. На послѣднемъ соборѣ, по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ, Паисій держалъ сторону заволжскихъ старцевъ. Паисій былъ хорошо извѣстенъ знаменитому обличителю жидовствующихъ, новгородскому архіепископу Геннадію. По поводу возбужденныхъ толковъ объ исходящей седьмой тысячѣ лѣтъ, Геннадій въ 1489 году, 25 февраля, писалъ Ростовскому архіепископу Іоасафу: „да чтобы послалъ еси по Паисея да по Нила, да съ ними бы еси о томъ посовѣтовалъ.. Да ты бы о томъ съ Паисіемъ да съ Ниломъ накрѣпко поговорилъ, чтобы и мнѣ отписалъ о томъ“ [8]. Въ другой разъ, въ письмѣ къ тому же архіепископу Геннадій выражаетъ намѣреніе позвать этихъ старцевъ къ себѣ, чтобы посовѣтоваться съ ними о волновавшей тогда русскіе умы ереси жидовствующихъ: „да и о томъ ми отпиши, мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу, о ересѣхъ тѣхъ съ ними поговорити“ [9]. Изъ этихъ писемъ Геннадія можно видѣть, что мѣстомъ жительства Паисія, послѣ отказа его отъ игуменства и митрополіи, были предѣлы Ростовской епархіи. Архіепископъ Филаретъ полагаетъ, что такимъ мѣстомъ служилъ Спасо-Каменный монастырь, въ которомъ Паисій скончался и въ которомъ, въ періодъ своего послѣдняго пребыванія составилъ свою лѣтопись [10].

Обращаясь къ этой послѣдней, мы въ заглавіи ея читаемъ: „Сказаніе извѣстно о Каменномъ монастыри. Отъ первоначальника Каменнаго монастыря, отъ приснопамятнаго старца Паисея святаго Ярославова. Той собра отъ многихъ книгъ послѣ пожара Каменнаго монастыря“. Такимъ образомъ, какъ будто все содержаніе лѣтописи заимствовано изъ письменныхъ источниковъ. Въ послѣднемъ извѣстіи замѣчаетъ проф. Ключевскій, позволительно усумниться, если не по отношенію ко всему содержанію лѣтописи, то, по крайней мѣрѣ, части

---

[7] Софійскій временникъ въ сочиненіи Архангельскаго, стр. 15—16, примѣч. 38, и у Соловьева въ Исторіи Россіи, т. V, стр. 204.

[8] Архангельскій, Указ. соч., стр. 30.

[9] Ibidem.

[10] Архіепископъ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I § 106. Ср. у Ключевскаго, Житія Святыхъ, стр. 191. Лѣтопись Паисія Ярославова издана въ Православномъ Собесѣдникѣ, за 1861 г., т. I, стр. 197—214. Въ рукописяхъ она обыкновенно служитъ приложеніемъ къ житію преподобнаго Іоасафа Каменскаго.

его. Она страдаетъ многими неточностями [11], что заставляетъ предполагать источникомъ ея не письменное, а устное монастырское преданіе. Изъ мочастырскихъ записокъ, можетъ быть, заимствованы Паисіемъ извѣстія объ Александрѣ Куштскомъ, Діонисіѣ Глушицкомъ и Іоасафѣ Каменскомъ. Однако, при всемъ томъ, сообщаемыя лѣтописью извѣстія о началѣ Спасо-Каменнаго монастыря, о состояніи христіанства въ сѣверномъ краѣ, подвижникахъ Каменскихъ, дѣлаютъ лѣтопись источникомъ первостепенной важности. Вотъ ея разсказъ о началѣ Каменнаго монастыря.

Въ 1342 году князь Глѣбъ Васильковичъ (ошибочно названный въ большинствѣ редакцій Борисовичемъ), внукъ князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, предпринялъ путешествіе воднымъ путемъ въ городъ Устюгъ [12]. Проплывъ благополучно Бѣлоозеро и рѣку Порозовицу, князь на Кубенскомъ озерѣ былъ застигнутъ бурею. Испу-

---

[11] Эти неточности указаны въ сочиненіи проф. Ключевскаго, стр. 191—192.

[12] Здѣсь годъ путешествія и имя великаго князя (Іоаннъ Даниловичъ) обозначены невѣрно. Авторъ „Исторіи Россійской іерархіи“ по этому поводу пишетъ слѣдующее: „Въ сказаніи о Спасо-Каменномъ монастырѣ, которое собралъ старецъ Паисій Ярославовъ, написано, что путешествіе Бѣлоезерскаго князя Глѣба Васильевича случилось якобы при державѣ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, въ лѣто 6849 (1341), но, по родословной книгѣ князей и дворянъ россійскихъ, князь Глѣбъ Васильковичъ жилъ въ половинѣ XIII в., а именно (по Зерцалу россійскихъ государей, изданному въ Спб. 1794, Малгинымъ, стр. 255) родился въ 1236, а скончался въ 1278 году. Также въ древлеписанномъ сказаніи объ Усть-шехонскомъ Бѣлоезерскомъ монастырѣ, построенномъ симъ же княземъ Глѣбомъ въ 1251 году, написано, что послѣ того уже онъ построилъ на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера Спасо-Преображенскій монастырь. Слѣдовательно, путешествіе князя Глѣба въ Устюгъ и начало Спасо-Каменнаго монастыря должно положить около 1260 г.“ (Ист. Росс. іерарх., IV, 327—328). Такимъ образомъ, здѣсь произошла ошибка почти на цѣлое столѣтіе (вмѣсто ҂ѕѯн—҂ѕѡн). Можетъ быть, она принадлежитъ переписчику, а можетъ быть и самому автору. При первомъ предположеніи, происхожденіе хронологической неточности можно объяснить такимъ образомъ. Пиша на основаніи устнаго преданія, многое позабывшаго и перепутавшаго, Паисій ошибочно сочелъ годъ основанія Троицкой Усть-шехонской обители—годомъ основанія Спасо-Каменнаго монастыря. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ годъ основанія перваго дѣйствительно отнесенъ къ 1241 г. (҂ѕѯн). Таковъ, напримѣръ, рукописный отрывокъ библіотеки Вологодскаго каѳедр. собора (ркп. № 16), начинающійся словами: „У великаго князя Василька Константиновича Ростовскаго были два сына“.

гавшись погибели, онъ началъ молиться и далъ обѣтъ: на мѣстѣ при
станица создать монастырь съ церковью въ честь того святаго пр
праздника, воспоминанію котораго будетъ посвященъ день спасені
Шестаго августа онъ былъ прибитъ волнами къ берегамъ Каменнаг
острова. Согласно обѣту, князь вознамѣрился создать здѣсь обител
Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали осуществленію этого намѣ
ренія: здѣсь князь нашелъ уже 23 старцевъ—иноковъ, которые уж
много лѣтъ подвизались на пустынномъ островѣ. Однако эти старцы
по замѣчанію лѣтописца, еще не имѣли церкви „за скудость имѣні
и нападенія невѣрныхъ человѣкъ, еще бо тогда не вси пріяша св
тое крещеніе, но было многое множество невѣрныхъ человѣкъ, живу
щихъ вкрай Кубенскаго езера великаго по брегомъ“ [13]. Но был
только у нихъ „молитвенный храмъ, сирѣчь часовня“, въ которой
собирались старцы для молитвы. Князь, согласно обѣту, построил
церковь во имя Преображенія Господня, украсилъ ее иконами и кни
гами и самъ отправился въ дальнѣйшее плаваніе, поручивъ начальств
надъ иноками старшему изъ нихъ Ѳеодору.

Здѣсь исторія Спасо-Каменнаго монастыря прерывается и дал
нѣйшій разсказъ ея относится ко второй половинѣ XIV вѣка. Разсказ
этотъ—о первомъ игуменѣ Спасо-Каменнаго монастыря Діонисіи Св
тогорцѣ, впослѣдствіи архіепископѣ Ростовскомъ. Въ княженіи Д
митрія Донскаго онъ пришелъ въ Москву, благосклонно былъ пр
нятъ великимъ княземъ и поселился въ Богоявленскомъ монастырѣ
Въ это время пришли въ Москву старцы изъ Спасо-Каменнаго мо
настыря просить себѣ игумена. Имъ былъ данъ Діонисій Святогорец
Его появленіе въ Каменномъ ознаменовано было введеніемъ строга
аѳонскаго устава. Благочестивая жизнь Святогорца привлекла къ нем
много учениковъ, среди которыхъ есть нѣсколько такихъ, которы
впослѣдствіи сдѣлались основателями монастырей и прославились св
тостію жизни, каковы Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій
Впослѣдствіи принялъ здѣсь постриженіе Заозерскій князь Андре
Димитріевичъ, переименовавшійся Іоасафомъ. Краткою біографіе
этихъ подвижниковъ и занимается дальнѣйшее содержаніе лѣтопис
Но разсказъ объ этихъ подвижникахъ послужилъ основою болѣе по
дробныхъ и обстоятельныхъ житій ихъ, къ которымъ теперь и обра
тимся.

---

[13] Подобное же замѣчаніе о состояніи христіанства въ сѣверномъ кра
дѣлаетъ Паисій и въ другомъ мѣстѣ: „...тогда не вся заволжская земя въ кре
щеніи бѣ, зане много некрещеныхъ людей“. (Ркп. Сол. библ. № 227, л. 66).

Жизнь и дѣятельность преподобнаго Діонисія Глушицкаго, положившаго основаніе цѣлому ряду монастырскихъ колоній среди лѣсовъ и дебрей Вологодскаго сѣвера, представляется въ высшей степени замѣчательною. Къ счастію, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы имѣемъ возможность прослѣдить жизнь этого подвижника и указать тѣ пути, по которымъ онъ слѣдовалъ въ своихъ трудахъ и подвигахъ. Этимъ мы обязаны житію преподобнаго Діонисія [14], довольно подробному и обстоятельному, являющемуся, послѣ лѣтописи Паисія, вторымъ источникомъ для біографическихъ свѣдѣній о немъ. Оно написано вскорѣ послѣ смерти святаго, какъ полагаютъ изслѣдователи [15], рукою Глушицкаго инока Иринарха, скрывшаго свое имя подъ анаграммой, изложенной по какой то „литарейной грамотѣ". Въ полномъ видѣ эта анаграмма сохранилась въ слѣдующей припискѣ къ одному древнему списку житія преподобнаго Діонисія: „лѣта 7003 (1495) списано житіе преподобнаго отца нашего Діонисія у Покрова Пречистыя на Глушицѣ, при игуменѣ Іоакымѣ, а писалъ Фадаѳагзонъ закивиміархъ пимаково вакрѣшный дакнокъ" [16]. Источники, на основаніи которыхъ писалъ Иринархъ, указаны имъ въ предисловіи къ житію: „всячески писати попекыйся, елико постигнѫти еже о немъ трѫды его и хожденіе, еже наоученъ отъ моихъ, глаголю же Анфилохія и дрѫгаго Макарія и Михаила, иже видѣли святаго извѣстно... ино же и своима

---

[14] Списки житія: рукоп. Солов. библ. № 1093/984, л. 227. Ркп. Вологодскаго каѳедральнаго собора № 3, л. 171—197. Ркп. сборникъ библіотеки Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 341—375. Начало предисловія: „Се бо нынѣ о семъ блаженнѣмъ свѣтлый учитель славный Павелъ вопіетъ". Начало житія: „Сей убо преподобный отецъ нашъ Діонисее бысть въ нощнѣй странѣ"... Это списки одной редакціи. Списокъ другой редакціи находится въ ркп. сборникѣ Соловец. библіотеки № 534/515, л. 4, безъ предисловія и похвальнаго слова. Начало: „Сей преподобный отецъ нашъ Діонисій измлада Христа возлюби". Какъ внутреннія, такъ и внѣшнія признаки обѣихъ редакцій не даютъ мѣста предположенію объ ихъ литературномъ родствѣ. Въ послѣдней редакціи многіе разсказы, имѣющіеся въ первой, опущены, а взамѣнъ ихъ помѣщено нѣсколько такихъ, которыхъ нѣтъ въ первой. Полное взаимное согласіе обѣихъ редакцій въ повѣствованіи объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ усугубляетъ степень ихъ достовѣрности.

[15] Строевъ, Описаніе рукописей Общества Исторіи и Древностей, № 321; архіепископъ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, I, § 104; Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 193.

[16] Барсуковъ, Источники русской агіографіи, стр. 116. Ср. съ Ключевскимъ, Житія святыхъ, стр. 193.

очима видѣхъ бывающая чудеса" [17]. Такимъ образомъ, источникомъ біографическихъ свѣдѣній, какъ можно судить изъ приведенной цитаты, являются устные разсказы о преподобномъ учениковъ его. Но профессоръ Ключевскій, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками рукописей, утверждаетъ, что списатель уже не могъ застать въ живыхъ названныхъ учениковъ святаго и въ своемъ трудѣ пользовался преданіемъ вторыхъ устъ: „изыскахомъ, читаетъ онъ въ своихъ рукописяхъ, елико слышахъ отъ нѣкыхъ, яже ученици его повѣдали тѣмъ" [18]. На этомъ основаніи, продолжаетъ онъ, для объясненія подробностей и точностей, составляющихъ рѣдкое качество житія Діонисія, необходимо предположить, что списатель въ своемъ трудѣ пользовался письменными источниками, хотя самъ онъ и умалчиваетъ объ этомъ. Но имѣющійся у насъ подъ руками списокъ Соловецкой библіотеки и другіе [19] читаются въ данномъ мѣстѣ нѣсколько иначе: „изыскахомъ, елика слышахъ, иже ученици его повѣдали" (л. 247). Такимъ образомъ, слѣдуя этому чтенію, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ объяснять сравнительное богатство содержанія и хронологическую точность житія Діонисія современностью списателя съ упоминаемыми имъ учениками преподобнаго, очевидцами его жизни, чѣмъ вмѣстѣ съ профессоромъ Ключевскимъ дѣлать предположеніе о какихъ либо письменныхъ источникахъ, о которыхъ нѣтъ никакого упоминанія въ его житіи. Этого мнѣнія держится, между прочимъ, и преосвященный Филаретъ [20].

---

[17] Ркп. Соловецкой библ. № 1093/984, л. 246.

[18] Ключевскій, стр. 194.

[19] Списокъ Вологодскаго каѳедр. собора № 3, л. 172, и списокъ Спасо-Прилуцкаго мон. № 37/36, л. 242.

[20] Обзоръ русской духовной литературы, т. I, § 104. Въ нашихъ спискахъ не находятъ для себя подтвержденія и другіе доводы проф. Ключевскаго въ пользу письменныхъ источниковъ житія Діонисія. „Въ одномъ мѣстѣ, пишетъ онъ, читаемъ о Діонисіѣ слова, которыя едвали могъ сказать отъ своего лица біографъ, писавшій въ 1495 году: „всѣмъ даяше образъ смиренія и *прежде ны* хождаше на пѣніе" (стр. 195). Но въ цитованной нами рукописи Соловецк. библ. это мѣсто читается нѣсколько иначе: „всѣмъ даяше образъ смиренія и *прежднiй* хождааше на пѣніе" (л. 258). Что касается дословнаго сходства разсказа о посѣщеніи Діонисіемъ соименнаго ему Ростовскаго архіепископа съ лѣтописью Пансія и надписи на нѣкоторыхъ отдѣлахъ житія: „а писалъ Макарій, ученикъ Діонисіевъ", то первый составляетъ повтореніе разсказа, помѣченнаго 1420 годомъ, о путешествіи Діонисія къ Ростовскому архіепископу за разрѣшеніемъ объ устройствѣ церкви въ Сосновцѣ и, можно думать, состав-

Въ предисловіи къ житію списатель сознается: „зѣло же взыскаховѣ и тружихомся о рожденіи его и възраста дѣтьска и не можахъ обрѣсти“ (л. 247). Поэтому, сказавъ кратко о мѣстѣ рожденія Діонисія: „въ нощнѣй странѣ, отъ града Вологды поприщъ четыредесять“, списатель прямо сообщаетъ о приходѣ святаго, вмѣстѣ съ братомъ Пахоміемъ на святую Луку: „близъ езера великаго, глаголемаго Коубаньскаго, обьсточнжю страноу солнечнаго въсхода, обихождасты мѣста многи, ища покой обрѣсти. И послѣди же пріиде въ весь, глаголемую святая Лжчица и възлюби мѣсто. Имѣ же съ собою брата, именемъ Пахомія“. Такимъ образомъ, о жизни преподобнаго до прихода на св. Луку житіе почти ничего не знаетъ. Этотъ пробѣлъ восполняетъ отчасти лѣтопись Паисія, повѣствующая слѣдующее: „пріиде (въ Спасокаменный монастырь) нѣкій оуноша, именемъ Димитрій, отъ града, нарицаемаго Вологды, и молитъ Діонисія игумена, дабы его постригъ. Игуменъ же Діонисій постригаетъ его и нарече имя ему Діонисій. Онъ же поживе въ послушаніи девять лѣтъ“, потомъ отправился на св. Луку [21]. Житіе относительно этого мѣста замѣчаетъ: „не бяше тогда церкви на томъ мѣстѣ“ (л. 248)—и только. Паисій же дѣлаетъ о немъ болѣе подробныя замѣчанія: „...и пріиде (св. Діонисій) въ весь, зовому святую Луку. Тамо общій монастырь запустѣніемъ запустѣ, и церковь падеся, небрегома никимъ же; церкви же была искони апостолъ Христовъ Евангелистъ Лука, и отголѣ та весь зовется св. Лука [22].

ляетъ позднѣйшую приписку (во второй редакціи его нѣтъ), а относительно подписи должно сказать, что, по замѣчанію самого же профессора Ключевскаго, подобнаго рода замѣтки часто указываютъ не на одного автора, но и на переписчика (стр. 196, примѣч. 1). Мнѣніе объ устныхъ источникахъ житія имѣетъ за себя и то основаніе, что обиліе хронологическихъ помѣтокъ, на которое такъ усиленно ссылается проф. Ключевскій, имѣетъ относительное значеніе, ибо помѣтки эти далеко не всегда отличаются точностію.

[21] Лѣтопись Паисія въ Правосл. Собесѣд., 1861 г., I, стр. 202.

[22] Что это за монастырь, кѣмъ и когда основанъ — свѣдѣній нигдѣ не находимъ. Въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о монастыряхъ и церквахъ“ Ратшина (стр. 72) объ этомъ монастырѣ читаемъ: „въ глубокой древности при деревнѣ св. Лука существовалъ общежительный монастырь, о времени основанія котораго никакихъ свѣдѣній нѣтъ“. „Исторія Россійской іерархіи“— не знаетъ его. Изъ одной повѣсти о Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Ростовскомъ) мы узнаемъ, что нѣсколько ранѣе Діонисія на св. Лукѣ подвизался нѣкоторое время преподобный Ѳеодоръ Ростовскій († 1409). Онъ поставилъ здѣсь келлію, въ которой и жилъ нѣсколько времени. Но „окрестъ живущіи неразумніи невѣгласы человѣкы, еще чудское изчадье, сего преподобнаго изгониша и келейцу

Съ поселенія преподобнаго на св. Лукѣ начинается болѣе подробная о немъ повѣсть въ житіи. Вмѣстѣ со спутникомъ они поставили себѣ келлію, а потомъ приступили къ устройству церкви. Въ это время пришелъ къ нимъ третій братъ, сдѣлавшійся ихъ сотрудникомъ. Когда церковь была устроена, „вземъ святый благословеніе отъ архіепископа Ростовскаго Григорія и освяти ю во имя святаго Николы въ лѣто ҂ѕї҃а (1393)[23]. Спустя нѣкоторое время, онъ принялъ на себя „чинъ священническій, рукоположеніемъ епископа Григорія“. Вскорѣ стали происходить нѣкоторыя нестроенія въ этомъ небольшомъ обществѣ: „зря братъ его (препод. Діонисія), Пахоміе, сице начастѣ молящася и видя труды его и подвизи, начася его срамляти и удалятися (236 л.). Можетъ быть, это обстоятельство и послужило ближайшею причиною намѣренія преподобнаго оставить св. Луку. „По времени нѣкоемъ, читаемъ въ спискѣ второй редакціи, пріиде къ нему нѣкій христолюбецъ и начатъ ему повѣдати о пустынѣ, иже на рѣцѣ Глушицѣ, отстоящей отъ великаго езера (Кубенскаго) пятнадесять и прищъ на восточную страну, яко мѣсто безмолвно есть и зѣло подобно къ составленію монастыря. Слышавъ же сіе святый отъ человѣка того

его разметаша“. (Толстой, Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 58, прим. 8). Можетъ быть преподобный Ѳеодоръ и былъ основателемъ Святолуцкаго монастыря, о чемъ не знаетъ эта повѣсть.

[23] Ростовскій архіепископъ Григорій посвященъ 14 марта 1396 года (см. Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 72). Поэтому, преосвященный Филаретъ (Русскіе святые, 1 іюня) считаетъ годъ освященія церкви выставленнымъ ошибочно. Можетъ быть это и такъ, но не было ли на Ростовской каѳедрѣ другаго Григорія? Замѣчательно, что подобное извѣстіе повторяется въ житіи другаго подвижника, преподобнаго Григорія Пельшемскаго (см. Макарьевскія четь-минеи изданіе Археографической коммиссіи, 30 сентября). Здѣсь это имя Ростовскаго архіепископа встрѣчается подъ 6902 (1394) годомъ. Это предположеніе поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ спискѣ Ростовскихъ архіереевъ, составленномъ графомъ М. Толстымъ (Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 68—80), замѣтенъ нѣкоторый пробѣлъ, падающій именно на это время. Такъ Іаковъ (святый), посвященный митрополитомъ Пименомъ въ 1386 г., вскорѣ послѣ своего посвященія былъ изгнанъ буйными ростовцами. Слѣдующій за нимъ Ѳеодоръ II рукоположенъ въ 1389 г. Константинопольскимъ патріархомъ Нилломъ. Но когда онъ прибылъ на Ростовскую каѳедру—неизвѣстно. Здѣсь упомянуто только, что въ 1395 г. онъ уже преставился. Можетъ быть въ промежутокъ между этими архіепископами и былъ Григорій. У Толстаго въ этомъ промежуткѣ цѣлый рядъ архіереевъ, безъ обозначенія времени ихъ служенія, хотя среди нихъ и не упоминается имени Григорія.

наипаче желаніе пріимъ, иже идти ему тамо" (л. 6_2). Онъ оставилъ на Лукѣ Пахомія и другаго брата, пришедшаго къ нему, а самъ пошелъ на Глушицу. Послѣ „обнощеванія", преподобный достигъ этой пустыни и здѣсь снова началъ устраивать себѣ жилище: „постави себѣ келейцу малу и нача жити въ ней. Келейца же мала при нѣкоемъ древѣ: есть же древо то внутрь юду монастыря и до сего дне, ягодичіе имать зовомо черамошье". Къ нему здѣсь снова начинаетъ стекаться братія: „малу же времени мимошедшу, пріиде къ нему нѣкій старецъ". „Преподобный радостенъ бывъ и моли его пребывати съ нимъ. Потомъ же нача приходити овогда единъ, иногда два и тріе". Когда собралась братія, приступлено бысть къ устройству монастыря. Хотя самъ преподобный не переставалъ трудиться, „дѣлая своима рукама, еже на потребу монастыреви", но усилій его и братіи было не достаточно: „въ лѣто ҂ѕі҃н (1400) посла преподобный нѣкоего отъ братіи ко князю Дмитрею, владущему округъ езера великаго, глаголемаго Кубаньскаго, моля его, да послетъ дѣлатель, иже истребятъ древіе" (254 л.). Князь охотно исполнилъ просьбу святаго. Посланные имъ „дѣлатели древіе истребиша, и огню предаша, и мѣсто расчистиша, елико довольно на созданіе монастыря" [24]. Послѣ этого приступлено было къ сгзданію обители: „начаста дѣло, прежде сотвориста себѣ келейци мали". Вслѣдъ затѣмъ преподобный предпринялъ путешествіе къ Ростовскому архіепископу за разрѣшеніемъ объ устройствѣ монастырской церкви: „въ лѣто ҂ѕг҃і (1402) епископу Григорію, града Ростова правящу апостольскій престолъ, пріиде къ нему преподобный пріяти благословеніе на составленіе обители". Григорій благословилъ его „и испытавъ разумомъ вся, ничтоже ино похвали, точію се, еже жити братіи вкупѣ. Посему, сказалъ епископъ, и азъ совѣтъ ти даю, яко составиши общій монастырь" (255 л.). По возвращеніи „въ лѣто ҂ѕі҃аі (1403) нача (преподобный) здати церковь малу во имя

---

[24] Объ этомъ участіи князя Димитрія въ устройствѣ Глушицкой обители сохранилось извѣстіе въ житіи и другаго подвижника, преподобнаго Іоасафа Каменскаго: „отецъ же сего блаженнаго отрока (Іоасафа) князь Дмитрій Васильевичъ состави обитель Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Покрова, иже есть Глушица. Въ та лѣта (т. е. въ началѣ подвижничества Іоасафа) Діонисее изыде изъ постриженія своего, съ Каменнаго отъ Спаса и походивъ многа мѣста, обрѣте мѣсто зовомо Глушица, и посылаетъ къ сему князю о древодѣлѣхъ: онъ же не токмо древодѣля посылаетъ, но и милостину довольну и села и деревни подаетъ монастырю". Рукоп. житіе преподобнаго Іоасафа Каменскаго, Соловецк. библ. № 227, л. 7—8.

Пречистыя Богородицы, честнаго ея покрова, и постави трапезу и келліи по чину и ина, елика потребна суть братіи". Согласно святительскому наставленію, святый заповѣдуетъ братіи: „никому же каковы любо потребы держати, и ничтоже звати свое, но вся обща" (256 л.). Такимъ образомъ создана была первая обитель преподобнымъ Діонисіемъ. Количество братіи ея стало возрастать и вскорѣ „дружины его стало до 15 братій". Обитель стала обогощаться подаяніемъ. Такъ, Боэтюжскій князь Юрій, въ вотчинѣ котораго находилась Глушица, услышавъ о созданіи преподобнымъ обители, призвалъ его къ себѣ, предлагая ему подаяніе на устройство монастыря: „иже, отче, хощеши, проси имѣнія на потребу и дамъ ти". Послѣ отказа преподобнаго князь сталъ просить его, чтобы хотя что нибудь взялъ изъ его имѣнія „да благословится отъ него". Преподобный, наконецъ, согласился принять милостыню и князь „отъ того дне нача удовляти, даяше потребная монастырю" [25]. Кромѣ того и другіе „мнози начаша приходити къ нему и приносиша потребная. Нѣцыи отъ христолюбцевъ даяху ему отъ имѣній своихъ на составленіе монастыря". На всѣ эти пожертвованія преподобный „устрой монастырскій скончаваше". Самъ онъ не переставалъ трудиться, дѣлая все своими руками. По замѣчанію біографа, преподобный Діонисій имѣлъ „художество живописца, писаше иконы и млатобійца бяше и спириды дѣлаше, сирѣчь лапти плетяше" (л. 257). Скоро число братіи его увеличилось настолько, что созданная церковь не вмѣщала всего числа ея: „по лѣтѣхъ же нѣкоихъ, умножися число братіи, яко не вмѣщатися имъ въ церкви. Братія же молиша святаго, да ину церковь поставитъ, больши сея". Преподобный исполнилъ просьбу братіи и создалъ „нову церковь, велію и прекрасну и украси ю иконами чуднѣ, въ лѣто ҂ѕіг҃ (1405).

Малая обитель такимъ образомъ превратилась въ большую лавру и святый „поставляетъ братію по службамъ: первіе же въ церкви

---

[25] Съ именемъ этого князя сохранилась и жалованная грамота Глушицкому монастырю слѣдующаго содержанія: „...Се азъ князь Юрій Ивановичъ пожаловалъ есмь монастырь Глушицкій Денисьевы пустыни игумена съ братіею, или кто по немъ игуменъ будетъ, што ихъ земли монастырскія и кто у ихъ на тѣхъ земляхъ на монастырскихъ иметъ жити... тѣмъ людямъ не надобе имъ моя ни которая княжа пошлина... А дастъ мнѣ игуменъ корму со всѣхъ своихъ людей на Рождество Христово полоть мяса да десятеро хлѣбовъ да баранъ, инъ за барана взяти ми пять бѣлъ, или полть нелюбъ, инъ за полть взяти ми тожо пять бѣлъ". (Исторія Россійской іерархіи, III, 704—706).

пономарха и прочая. Потомъ же оваго въ магерници, иного же магупа“ (варіантъ второй редакціи: „первіе въ ценкви еклисіарха, такъ же параеклисіарха .. оваго въ хлѣбницѣ, оваго въ поварницѣ, другаго же трапезаря и прочая по чину“). Вмѣстѣ съ тѣмъ преподобный далъ братіи монастырскій уставъ и ревностно слѣдилъ за его исполненіемъ. Одинъ инокъ утаилъ у себя „десять ногатъ... поживъ нѣколико преставися и обрѣтше у него имѣнія десять ногатыхъ и повелѣ преподобный сіе съ нимъ поврещи во свидѣтельство ему“. (267 л.). И только усиленная просьба братіи доставила прощеніе согрѣшившему. При этомъ святой заповѣдалъ братіи „даже ни единому ихъ коснутися ногатыхъ, но повелѣ поврещи ихъ вонъ изъ монастыря“. (268). Въ другой разъ „нѣкій старецъ, именемъ Антуфіе, не прія благословенія отъ отца дерзну рыбъ ливити и извлече много. Помышляше же въ себѣ, яко похвалену быти отъ отца... Преподобный же слышавъ повелѣ псомъ поврещи на съѣденіе... а сотворшаго сіе связа эпитиміею“. Впрочемъ, слезы разскаявшагося скоро склонили на милость строгаго старца и онъ „наказа его (Антуфія) съ тихостію, отпусти его“.

Но и на этотъ разъ не долго старецъ оставался во вновь устроенномъ имъ монастырѣ; вскорѣ онъ оставилъ его: „исшедше тай изъ обители, никому же вѣдуще... и устремися въ пустыню, въ полуденную страну отъ большія лавры. (Причину этого отшествія біографъ обычнымъ образомъ указываетъ въ слѣдующемъ: „яко же мнози бяху къ нему приходяще, безмолвіе пресѣцающе“). Проходя „блата и дебри непроходніи“, святый удалился отъ Покровской обители, „за четыре поприща“ и „обрете мѣсто на крои брегу, на рѣцѣ Глушицѣ, зѣло красно и превыше иныхъ мѣстъ. На томъ мѣстѣ обрѣте древо веліе, зовомо пѣвѣ, рекома сосна, имѣше бо округъ себе мѣры двѣ мѣримы, того ради зовомо мѣсто то Сосновецъ. Округъ же мѣста того инудѣ блата и дебри, мѣста непроходны. Сіе възлюби мѣсто преподобный“ и избралъ его для своего жительства. Но онъ не забывалъ и покинутой имъ обители: „обычай же имяще преподобный паки въ монастырь возвращатися“. На новомъ мѣстѣ преподобный такъ же возымѣлъ желаніе „церковь поставити“, а впослѣдствіи сдѣлалъ завѣщаніе, „чтобы на семъ мѣстѣ было положено тѣло его“. „И нача здати церковь во имя святаго Крестителя Іоанна и тако вскорѣ създа и вземъ благословеніе отъ епископа Діонисія града Ростова (1418—1425), освяти олтарь и церковь въ лѣто ѕѕ҃кн“ (1420). И созда ту келліи по чину и нѣкоихъ отъ братіи устрои тамо жити и рече имъ всяко требованіе пріимати отъ большія лавры“ (261).

Такимъ образомъ монастырская колонія все болѣе и болѣе разросталось; вмѣстѣ съ нею расло и внѣмонастырское населеніе. Съ теченіемъ времени оно стало настолько велико, что для него потребовалось устройство особой церкви. „По времени нѣкоимъ нача умножатися близъ монастыря фмикливніи (варіантъ второй редакціи; „умножашися села близъ монастыря“) и създа преподобный отъ большія лавры въ нощнѣй странѣ далѣ дву поприщъ церковь во имя святителя Христова Леонтія, епископа Ростовскаго, да тамо на мольбу приходятъ изъ фмиклевень“. При этой церкви преподобный учредилъ женскій монастырь: „и устрои тамо инокынямъ пребываніе... и устави (надъ ними) мужа говѣйна, сѣдинами честна, и уреченъ имъ потребная отъ фмиклевней“ (л. 273). Но эта церковь была не послѣднею изъ устроенныхъ неутомимымъ Глушицкимъ подвижникомъ.

Увеличеніе окрестнаго внѣмонастырскаго населенія побудило его создать еще двѣ церкви. Одну изъ нихъ онъ создалъ „отъ большія лавры въ полуденной странѣ, далѣ 18 поприщъ, во имя Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, внизъ рѣки Глушицы, близъ рѣки большія Пиѳарухоны (Сухоны), на брезѣ, на прихожденіе православному христіанству“ (275 л.). Другую церковь создалъ преподобный въ Двиницкой веси: „пріидоша же нѣкогда отъ веси, глаголемыя Двиници, христолюбивіи людіе, молиша святаго, да съзиждетъ имъ церковь святаго Николы. Преподобный, послушавъ ихъ моленія, създа имъ церковь и украси ю иконами“.

Принимая милостыню отъ другихъ, преподобный и самъ былъ щедрымъ раздаятелемъ ея. Во время свирѣпствовавшаго голода въ Вологодской странѣ цѣлыя толпы голодныхъ искали въ Глушицкомъ монастырѣ себѣ пропитанія. Преподобный никому ни въ чемъ не отказывалъ. Щедрость его была такъ велика, что часто вызывала ропотъ братіи. Желая положить предѣлъ такой щедрости, братія разъ рѣшилась искусить святаго: „послаша юношу нѣкоего, въ образѣ странницѣ нищія... и пришедъ къ преподобному, глагола ему: помилуй мя, честный отче, яко раба есмь нѣкоего человѣка, дай же ми искупъ и дѣтемъ моимъ... искупъ имѣю сто сребренницъ. Онъ же отверзе келія оконца, вда ей сто сребренницъ... (искушающіи же смотряше) и принесше даде искусителемъ. Они же рѣша, что се несмысленно раздаетъ. И пришедъ блаженный на вечернее пѣніе, они же, искусители, принесше сребро, предъ святаго положиша, глагола ему: честный отче, похабъ пріиде къ тебѣ, прося, ты же не разумѣ далъ еси ему сребро; мы же взяхомъ у него — се есть“. Преподобный возбранилъ имъ и, призвавъ мнимую странницу, возвратилъ ей сребренники, сдѣлавъ при

этомъ наставленіе братіи: „престаните, сказалъ онъ, искушающе собою, на немилосердіе мене въздвижуще“ (273).

Глушицкой обители не мало приходилось страдать и отъ зланомѣренныхъ людей. Вотъ что повѣствуетъ біографъ преподобнаго: „бывшу же ми вопрошающу прилежнѣ о житіи отца нашего, мужъ нѣкто возрастомъ старъ зѣло повѣда ми: нѣкогда пріидоша нѣцыи людіе, зовоми Василіе Тяжоловъ и Иванъ Чурчинъ[26], похитиша у святаго есмь коней и бѣжаша“. Но нечестивцамъ не суждено было воспользоваться добычей: „они бѣжаша въ нѣкую весь, зовомо Мольское, сташа на нѣкоемъ мѣстѣ, идѣже класи събираются и вѣтромъ очищаются. Въ полуденное же время, спящимъ имъ, огнь попали ихъ и они же бѣжаша, и кони ихъ огнь пожже и ино, что ихъ бѣша“.

Святость жизни Глушицкаго подвижника привлекла къ нему многихъ учениковъ; нѣкоторые изъ нихъ также прославились своими подвигами. Первымъ по времени изъ таковыхъ былъ преподобный Макарій Глушицкій. Исторія прихода его къ преподобному очень не сложна. Разъ преподобному Діонисію случилось быть „во градѣ Ростовѣ, у нѣкоего человѣка, именемъ Агаѳона“. У послѣдняго былъ братъ Матвѣй, возрастомъ двѣнадцатилѣтній. Онъ привлекъ къ себѣ вниманіе святаго, который сталъ звать его въ свою обитель и „приведе его въ монастырь, иноческаго житія сподобляетъ и нарече имя Макарія и взя къ себѣ во внутреннюю келію... и зѣло любляше его за цвѣтущія въ немъ добродѣтели“. Впослѣдствіи, по ходатайству преподобнаго, „святи его (Макарія) архіепископъ Діонисій Ростовскій руковозложеніемъ священствомъ... и бысть послѣ преподобнаго большія лавры игуменъ“.

„По времени нѣкоемъ пріиде нѣкто инокъ отъ близъ поморія, отъ восточнаго въсхода, имый чинъ священническій, именемъ Амфилохіе... Въ то время имѣ ученика себѣ преподобный, именемъ Макарія прежденомянутаго“. И этотъ инокъ просилъ преподобнаго принять себя въ монастырь и „сочетать съ братіею“. Просьба его была исполнена и онъ сдѣлался новымъ сподвижникомъ и возлюбленнымъ ученикомъ Глушицкаго пустынника.

---

[26] Замѣчательно, что эти же самыя имена мы встрѣчаемъ въ числѣ разбойниковъ, разграбившихъ Авнежскую обитель и убившихъ ея основателей, какъ повѣствуетъ о томъ вторая редакція сказанія объ ихъ жизни. Это обстоятельство, на нашъ взглядъ, еще разъ подтверждаетъ историческую достовѣрность этой редакціи.

Монастырь преп. Діонисія послужилъ временнымъ пріютомъ еще для одного замѣчательнаго сѣвернаго подвижника. „Пріиде же нѣкто, повѣствуетъ біографъ, отъ града Галича, бывый архимандритъ во градѣ Ростовѣ, Григоріе именемъ. Сей моли преподобнаго дати ему келлію". Преподобный, видя его благочестіе, „дастъ ему келлію, идѣже создалъ церковь въ пустынѣ, зовомой Сосновецъ. Елма же видѣ въ добродѣтелѣхъ мужа слюбися съ нимъ духовною любовію. „Но пришедшій подвижникъ самъ скоро выразилъ желаніе „составить общую обитель" и, простившись съ Діонисіемъ, и шедъ въ восточную страну отъ тоя пустыни, далѣе двадцати восьми поприщъ, обрѣте мѣсто пустынное на рѣцѣ на Пелышмѣ и созда церковь во имя Пречистыя Богородицы, честнаго ея собора, въ лѣто ҂ѕ҃ідд (1426) и общее житіе состави. Пріиде же преподобный (Діонисій) на посѣщеніе съдружебника своего и похвали мѣсто и дастъ ему иконы и книгы, зовомы Прологъ. Поживе же Григорій лѣта довольна суть и къ Господу отъиде. И положиша мощи его въ своемъ ему монастыри и по преставленіи своемъ бѣснаго исцѣли".

Около того же времени, „въ лѣто ҂ѕ҃іл (1422), пріиде старецъ, пустынный житель, именемъ Павелъ, постническое житіе имѣя, близъ тоя Глушицкія пустыни—два поприща имѣ разстояніе: постави себѣ келлію и живяше едино лѣто въ той пустынѣ и хотя церковь поставити. Посла же ему преподобный нѣкоего отъ братіи, рече ему (Павлу): молитъ тя съдружебникъ твой Діонисее: трудна бо ми есть и печальна душа моя, духовный отче, якоже хощеши монастырь создати близъ нашея пустыни, но не подобаетъ сицевому дѣлу быти, зане близъ сущ, но подобаетъ тебѣ единому сущу въ сицевѣ мѣстѣ жити... Старецъ же Павелъ, се слышавъ... оставивъ поклоненіе и миръ содружебнику своему, изыде оттуду". (261) [27].

---

[27] Догадываются, что это былъ преп. Павелъ Обнорскій, долго странствовавшій по сѣвернымъ дебрямъ и жившій нѣкоторое время по сосѣдству съ Глушицкимъ монастыремъ въ обители Кирилла Бѣлоезерскаго. (См. печатный Прологъ, 10 января). Но въ такомъ случаѣ хронологія этого разсказа въ житіи Діонисія ошибочна. Павелъ, по разсказу его житія, когда поселился въ Комельской пустынѣ, изъ которой уже не удалялся, засталъ еще здѣсь въ живыхъ препод. Сергія Нуромскаго, преставившагося въ 1413 году. Впрочемъ, вѣроятно, есть списки житія Діонисія съ иною хронологіею въ этомъ разсказѣ. Въ одномъ изъ списковъ житія Павла Обнорскаго (ркп. Вологодскаго каѳедр. собора, № 3, л. 142), въ видѣ приложенія, выписанъ приведенный разсказъ о пустынножителѣ Павлѣ, причемъ время обитанія его на Глушицѣ отнесено къ 1393 году (҂ѕцд).

Немного спустя Глушицкая пустыня сдѣлалась мѣстомъ подвиговъ и еще одного замѣчательнаго ученика препод. Діонисія: то былъ Тарасій, игуменъ (варіантъ архимандритъ) Пермскій. „Въ лѣто ѕгїде (1427) пріиде отъ Великія Перми игуменъ Тарасій, пастухъ и цѣлитель людемъ заблудшимъ въ земли Пермстѣй, иже Бога мало знавшей“ и по просьбѣ былъ принятъ въ число братства Діонисіева монастыря. Это былъ новый сподвижникъ Глушицкаго игумена за послѣдніе годы его земнаго существованія: „поживе же при животѣ преподобнаго десять лѣтъ; самъ же поживе послѣди много лѣтъ и въ глубоцѣй старости ко Господу отыде, при игуменѣ Амфилохіи“. (286 л.).

За нѣсколько лѣтъ до преставленія преподобнаго обитель его была посѣщена Ростовскимъ архіепископомъ Ефремомъ (1427—1454), который благословилъ братію, сдѣлалъ ей поученіе и далъ монастырю „милостину довольну“.

Чувствуя приближеніе смерти, преподобный еще за семь лѣтъ приготовилъ для себя мѣсто упокоенія въ своемъ любимомъ Сосновцѣ. Прощаясь предъ смертію съ братіею, онъ завѣщалъ свое игуменство любимому изъ учениковъ своихъ Амфилохію. Преставился этотъ замѣчательный изъ сѣверныхъ подвижниковъ 1 мая 1437 (ѕїїме) года, въ день воскресный, въ шестомъ часу дня, седмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

Заканчивая обозрѣніе жизни преподобнаго Діонисія нельзя не повторить словъ профессора Ключевскаго: „развитіе и значеніе Глушицкаго монастыря при жизни основателя изображены съ такою полнотой въ редакціи Иринарха, что послѣдняя, въ смыслѣ историческаго источника, принадлежитъ къ числу немногихъ превосходныхъ житій, какія можно найти въ древне-русской литературѣ“ [28].

Одновременно почти съ преподобнымъ Діонисіемъ принялъ постриженіе въ Спасо-Каменномъ монастырѣ другой сѣверный подвижникъ, преподобный Александръ Куштскій. Свѣдѣнія о его жизни заключаются также частію въ житіи его, а частію въ лѣтописи Паисія Ярославова. Біографъ преподобнаго почти цѣликомъ переписываетъ Паисіево сказаніе, частію, впрочемъ, пополняетъ его и новыми фактами [29]. Источникъ послѣднихъ списатель, принадлежавшій, вѣроятно,

---

[28] Житія святыхъ, стр 195.

[29] Списки: ркп. библ. Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л 124—141, съ предисловіемъ, молитвой и похвальн. словомъ; ркп. Вологодскаго каѳедр. собора № 3, л. 189—210, безъ предисловія и похв. слова. Начало предисловія: „Се убо о семъ блаженнѣмъ свѣтлый учитель славный Павелъ вопіетъ“.

къ числу иноковъ Куштскаго монастыря [30], указываетъ въ предисловіи къ житію: „всячески писати подвигохся... еже наученъ отъ отецъ моихъ, иже слышали отъ ученикъ его, много жившихъ со святымъ, глаголю же Савватія и другаго Симеона, иже видѣли святаго... инако и своима очима видѣхъ бывающая чудеса“ (л. 124 прил. сп.). Время написанія житія, по мнѣнію профессора Ключевскаго, опредѣляется на основаніи слѣдующаго не очень яснаго указанія, сдѣланнаго въ похвальномъ словѣ: „прародитель благовѣрнаго царя государя Іоанна Васильевича самодержецъ и великій князь Кіевскій Владиміръ уподобился купцу, ищущему добраго бисера“ (л. 139). „По этому неясному намеку, говоритъ Ключевскій, можно заключить, что житіе написано въ царствованіе Грознаго“ [31]).

Въ своемъ предисловіи списатель повторяетъ заключительныя слова предисловія біографіи преподобнаго Діонисія Глушицкаго, оказавшей на него довольно сильное и очень прозрачное литературное вліяніе: „начало повѣсти сея блаженнаго и добляго и правдиваго его житія зѣло взыскахомъ и трудихомся, о рожденіи, возраста дѣтского и не може обрѣсти, понеже въ забытіе пріиде, по токмо взыскахомъ отъ многа мало постническаго житія сего, елика слышахомъ, иже ученици его повѣдаша“ (125 л.). Въ началѣ самой біографіи авторъ выписываетъ очень скудную въ фактическомъ отношеніи повѣсть объ Александрѣ изъ лѣтописи Паисія: „пріиде же въ Каменный монастырь ко игумену Діонисію юноша, именемъ Алексѣй, отъ града, нарицаемаго Вологды, моляся игумену Діонисію одѣяти его во мнишескій образъ. Игуменъ же Діонисій... „не презрѣ моленія его“... одѣваетъ его въ монашескій образъ „и нарече имя ему Александръ“. Краткимъ замѣчаніемъ о подвигахъ его въ Спасо-Каменномъ и заканчивается лѣтопись Паисія. Дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни преподобнаго Александра заимствуются изъ разсказовъ о преподобномъ слышавшихъ о немъ отъ учениковъ его Савватія и Симеона. Не сообщая о количествѣ времени пребыванія преподобнаго въ Спасо-Каменномъ, списатель прямо переходитъ къ повѣствованію о жизни его послѣ ухода отсюда: „изыде изъ Спасо-Каменнаго монастыря, прохождаше мѣста многи, ища покоя... Послѣди же пріиде въ весь, зовому Сян-

---

Начало житія: „Пріиде въ Каменный монастырь ко игумену Діонисію юноша, именемъ Алексій“.

[30] Говоря о препод. Александрѣ, онъ выражается не иначе, какъ „преподобный отецъ нашъ Александръ“ (см. л. 126 прил. сп. и др.).

[31] Ключевскій, стр. 300.

жему, идѣже и донынѣ Евфиміевъ монастырь, округъ же того мѣста блати и дебри непроходимы для человѣка. И возлюби преподобный Александръ мѣсто... созда себѣ келейцу малу" (126 л.). Но услышавъ, что „имать быти не пустынное мѣсто, занеже ту христіане близъ" и, вѣроятно, изъ опасенія непріятныхъ столкновеній съ ними, „вниде ему помыслъ отъити оттуду... И отъиде вдалѣе яко осмдесятъ и пять поприщъ въ нощнѣй странѣ, близъ езера, глаголемаго Кубенскаго" и поселился на рѣкѣ Куштѣ, „въ двухъ поприщахъ отъ озера на восточную страну солнечнаго восхода", гдѣ уже ранѣе поселился другой подвижникъ, преподобный Евфимій, устроившій себѣ келлію. Такимъ образомъ подвижники встрѣтились и нѣкоторое время жили вмѣстѣ. Но потомъ, „возлюби преподобный отецъ нашъ Александръ мѣсто то на устроеніе пустынное и исповѣда помышленіе свое преподобному Евфимію. Преподобный Евфимій... по времени малѣ... даде ему келлію, юже самъ созда, благослови его и самъ благословися отъ него и отъиде въ предиреченную пустыню на Сянжему". Здѣсь Евфимій создалъ церковь „во имя Пресвятыя Богородицы велію и прекрасну и украси ю иконами и книгами чуднѣ и поживе Евфимій лѣта довольна съ миромъ почи о Господѣ".

Оставшись на Куштѣ преподобный Александръ вознамѣрился создать церковь и съ этою цѣлію предпринялъ путешестіе въ Ростовъ, къ архіепископу Діонисію, чтобы испросить его разрѣшеніе. Діонисій разрѣшилъ ему и снабдилъ всѣмъ необходимымъ на устроеніе пустынное [32]. Александръ по возвращеніи создалъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и освятилъ ее. Въ устройствѣ монастыря ему много помогалъ извѣстный благотворитель сѣверныхъ обителей—Заозерскій князь Дмитрій Васильевичъ: „въ та времена владяше отчиною округъ езера великаго Кубенскаго князь Дмитрій и князь Симеонъ Ярославскіе. Слышавъ же христолюбивый князь Димитрій, яко близъ его державства хочетъ сей преподобный обитель воздвигнути, тогда даде ему потребная на созиданіе обители" [33]. Дѣло благотворительности

---

[32] Объ этомъ путешествіи св. Александра къ Діонисію сохранилась замѣтка и въ лѣтописи Паисія: „посемъ (послѣ прихода къ архіеп. Діонисію соименнаго ему Глушицкаго подвижника) пріиде прежденомянутый ученикъ его Александръ, прося у его благословенія, хотя сотворити обитель на рѣцѣ на Куштѣ. Епископъ же благослови его... дастъ ему вся потребная на устроеніе обители". (Правосл. Собесѣд. 1861 г. т. I, стр. 206).

[33] Объ этомъ сохранилось извѣстіе въ житіи преп. Іоасафа Каменскаго, сына по плоти этого князя Димитрія. Біографъ его замѣчаетъ: „благовѣрный

раздѣляла съ княземъ и супруга его Марія, часто посылавшая пре подобному „ово питія, ово яденія“. По смерти своего супруга, павшаг въ г. Ярославлѣ, въ битвѣ съ татарами, она часто приходила на бо гомолье въ Александрову пустыню. Преподобный предсказалъ ея кон чину за двадцать дней. Съ теченіемъ времени самъ преподобный до стигъ глубокой старости и, предчувствуя свою кончину, призвалъ къ себѣ двухъ упомянутыхъ учениковъ своихъ Савватія и Симеона, пе редалъ имъ свое завѣщаніе о созданіи церкви во имя святаго Нико лая и указалъ для нея мѣсто. Преставился онъ 1439 года (ѕѕі҃ мѕ), 60 лѣтъ отъ роду. Ученики исполнили его завѣщаніе: создали церков во имя св. Николая и въ день памяти его освятили ее.

Спустя нѣкоторое время послѣ преподобныхъ Діонисія Глушиц каго и Александра Куштскаго въ Спасо-Каменномъ монастырѣ при нялъ постриженіе сынъ извѣстнаго благотворителя сѣверныхъ обите лей Заозерскаго князя Димитрія Васильевича, князь Андрей Димитріе вичъ, въ иночествѣ Іоасафъ. Въ этихъ словахъ заключается почти все что древность сохранила намъ объ этомъ подвижникѣ. Лѣтопись Пан сія къ этому прибавляетъ очень немногое. Она повѣствуетъ, что княз Андрей Димитріевичъ принялъ постриженіе, имѣя отъ роду двѣнад цать лѣтъ, въ игуменство Кассіана [83] и послѣ пятилѣтнихъ подвиговъ скончался. Что касается житія Іоасафа, то во всей массѣ агіобіографиче скихъ памятниковъ едва ли можно найти какое либо другое житіе болѣе

князь Димитрій Васильевичъ не токмо сію (Діонисіеву) обитель устрояетъ, но и подобну сей—Александрову зовому, на рѣкѣ на Куштѣ, такожде села и деревни подаде многи на прокормленіе братіи“. (Ркп. Солов. библ. № 227, л. 8).

[34] Вотъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ игуменѣ. Думаютъ, что онъ былъ постриженникъ Спасо-Каменнаго монастыря; долго жилъ въ Кирилловѣ еще при жизни его основателя, а съ 1448 года былъ Кирилловскимъ игуменомъ. Отсюда, вѣроятно, онъ былъ вызванъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и Московскимъ митрополитомъ Іоной, дважды посылавшими его къ Константинопольскому патріарху съ вопросами „о церковномъ исправленіи“. Послѣ исполненія этого порученія, онъ, по собственному желанію, былъ отпущенъ въ Каменный монастырь игуменомъ, въ которомъ и скончался при великомъ князѣ Іоаннѣ III. (Лѣтопись Пансія Ярославова въ Правосл. Соб., 1861 г., т. I, стр. 210—211; благословенная грамота старцу Кассіану Ростовскаго архіепископа Ефрема отъ 11 апрѣля 1448 г. у Суворова, въ „Описаніи Спасо-Каменнаго монастыря“, въ Вологод. епарх. вѣдомостяхъ, 1871 г., № 2, стр. 46; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 319—320).

скудное, въ смыслѣ историческаго источника [35]. Безъ опасенія впасть въ преувеличеніе можно сказать, что изслѣдователь едва-ли встрѣтитъ здѣсь хотя одинъ исторически-вѣрный фактъ, по отношенію къ житію преподобнаго Іоасафа. Содержаніе житія заключаетъ въ себѣ обширнѣйшія тирады, буквально списанныя съ другихъ житій, или сказанія апокрифическаго и легендарнаго характера. Если списатель, объявившій свое имя въ очень вычурной анаграммѣ [36], иногда и вставляетъ разсказы какъ будто съ историческимъ содержаніемъ, то эти разсказы, въ большинствѣ случаевъ, являются перепутанными и извращенными. Чтобы не быть голословными послѣдуемъ за списателемъ и приведемъ нѣсколько образцовъ изъ составленной имъ біографіи.

Предисловіе авторъ списываетъ буквально частію съ Василіевой біографіи Евфросина Псковскаго [37]), частію съ другихъ житій. Въ результатѣ его дѣятельности получается слѣдующая неудоборазбираемая путаница: „прежде насъ, пишетъ авторъ въ предисловіи, написана быша труды его (пр. Іоасафа) и хожденіе нѣкоимъ списателемъ, о имени его писаніе не изъяви“ (л. 4 по Соловец. сп.). Съ другой стороны, въ самомъ житіи списатель говоритъ: „много лѣтъ трудихся о томъ (собраніи свѣдѣній о пр. Іоасафѣ) и отъ живущихъ тоя обители отцей вопрошахъ и отъ писанія увѣрихся: отъ присноп амятнаго старца Паисея святаго Ярославова“ (л. 31). Здѣсь же нѣсколько выше онъ замѣчаетъ: „многа лѣта преидоша, отнели же сей блаженный бысть, даже и до днесь о житіи его никтоже воспомяну“ (л. 29). Списывая

---

[35] Списки: ркп. житіе Соловецкой библ. № 227; ркп. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 144—169; ркп. Павло-Обнорскаго монастыря (очень ветхая, безъ начала). Къ каждому списку, въ видѣ приложенія, присоединяется лѣтопись Паисія. Начало предисловія: „Иже святое житіе поживших и вѣру божественную сохранишихъ“... Начало житія: „Сей благовѣрный и христолюбивый князь Андрей Дмитріевичъ родися отъ благовѣрнаго князя Дмитрія Васильевича Меньшого“.

[36] Вотъ эта анаграмма: „Аще хощеши списателево имя увѣдѣти, и ты начатай сице и глаголи четверицею по пяторицѣ и еще по пяторицѣ, и тогда обрящеши одинъ безъ числа; и паки шестерицею по пяторицѣ, и еще шестерицею по пяторицѣ, и паки четверицею по пяторицѣ, и тогда обрящеши съ десяторицею и вторую десяторицу, и тогда обрящеши съ сотицею наканчеваемый еръ; то списателево имя“ (л. 48 Соловец.).

[37] Ср. житіе Іоасафа № 227 (солов. сп.), л. 1—6, съ житіемъ Евфросина (ркп. той же библіотеки № 661/514, л. 522—526).

изъ Евфросинова житія похвальное слово Іоасафу [87]), онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „радуйся, иже по преставленіи своемъ къ Богу списателя въ недоумѣніи бывша о твоемъ добродѣтельнѣмъ житіи, ты же съ наставникомъ своимъ, игуменомъ Кассіаномъ, и Пречистою Богородицею Маріею явленіемъ своимъ увѣрилъ еси“ (л. 54—55). И далѣе: „ты же о невѣдомѣй тайнѣ столпа философа, мнѣніемъ превозносящася, посрамилъ еси“.

Такіе же пріемы употребляетъ авторъ при составленіи и самаго житія. Здѣсь также часто приходится встрѣчаться съ болѣе или менѣе обширными выдержками изъ житія Макарія Калязинскаго [88]), Стефана Махрищскаго [89]) и другихъ. Эти выписки чередуются въ житіи съ сказаніями слѣдующаго содержанія: (св. Іоасафъ) „великій подвигоположникъ бысть... поминая молитву св. Іоанна Златоустаго, въ ней же писа сице: аще кто сію молитву глаголетъ, яко изъ позри дыханія по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій, по другомъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святый, по третьемъ лѣтѣ вселится въ него Отецъ Небесный и вшедъ въ его обитель въ немъ сотворитъ св. Троица и пожретъ молитва сердце и сердце пожретъ молитву и начнетъ клицати безпрестани день и нощь и будетъ свободенъ всѣхъ сѣтей вражіихъ“ (л. 20). Въ другомъ мѣстѣ авторъ описываетъ бесѣду пр. Іоасафа со Спасомъ: „во единъ убо отъ дній, сѣдящу Іоасафови во своей келліи и божественную пѣснь во устѣхъ имѣющу, явися ему Спасъ. Миръ тебѣ глагола, возлюбленному угоднику моему Іоасафу. Онъ возставъ, страхомъ и трепетомъ одержимъ, Христе человѣколюбче Спасе, рече, что о мнѣ мнится, Владыко, Твоей благости? Кая вина Твоему схожденію? Онъ рече: зриши-ли пустыни сея, елико должину и широту имать, тебѣ ради славящихъ имя Мое исполню пустынники... Іоасафъ падъ на земли рекъ: Владыко Господи... молю же Тя Твоей благостыни разумѣти, откуду будетъ потреба нужнымъ, подвизающимся въ ней? Спасъ-же рече: вѣру ими, яко истинну рекъ... Азъ промышленіе о тѣхъ имѣю. Таже рече божественный Іоасафъ: како хотя удобь сѣти вражія преити и лютаго искушенія? Спасъ же рече: аще Моя заповѣди соблюдутъ, не точію

---

[88] Ср. житіе Іоасафа, № 227, л. 49—58, съ житіемъ Евфросина Псковскаго, № 661/514, л. 634 (по Соловец. сп.).

[89] Ср. л. 13—14 житія Іоасафа съ житіемъ Макарія Колязинскаго, ркп. Соловец. библ., № 629/511, л. 168.

[90] Ср. л. 29—30 житія Іоасафа и 357 л. житія Стефана Махрищскаго (ркп. Соловец. библ. № 586, Анзер. 79).

уготованнымъ бранемъ и лукавыхъ навѣтъ, превыше тѣхъ сотворю, но и царствію небесному и вѣчныхъ жилищъ наслѣдники сотворю. Сія рекъ, Спасъ со славою взыде на небеса" (л. 24). Далѣе авторская фантазія переносится на небеса и созерцаетъ, какъ св. Іоасафъ „на молитвѣ убо ставъ яко крилоша обрѣтеся на небесѣхъ. Прежде убо красная райская зряще, исполненъ веселіемъ. Потомъ же превѣчную церковь на небесѣхъ узрѣвъ, пищи невещественнѣй причащаяся" (л. 28). Должно быть такое „плетеніе словесъ" и самому списателю казалось невѣроятнымъ, а потому онъ счелъ нужнымъ къ своему повѣтствованію присовокупить такое послѣсловіе" „да не мнитъ мя кто, яко не истинну пишуща: обычай бо есть невѣрію пользу погубляти" (л. 29). Въ своемъ увлеченіи, наконецъ, онъ доходитъ до того, что выписывая откуда-то извѣстіе: „се уже въ лѣта ѕцпє (1477) совершающуся по преставленіи святаго, (чудеса преподобнаго Іоасафа) не отъ кого же преписаны быша" (л. 38), онъ какъ будто и не замѣчаетъ грубой хронологической ошибки по отношенію къ своему времени, ибо его первоисточники, а въ томъ числѣ и лѣтопись Паисія, по происхожденію своему, относятся къ болѣе позднему времени. Въ житіи, какъ на источникъ, онъ, между прочимъ, ссылается на старцевъ Каменнаго монастыря, но, кромѣ сказанія Паисія, и двухъ-трехъ замѣчаній о родителяхъ Іоасафа (л. 7—9), о его постриженіи и посѣщеніи его дядею—княземъ Борисомъ Васильевичемъ Ржевскимъ (л. 24—26), болѣе у него ничего не находимъ. Вдобавокъ, и эти свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, являются или искаженными или прямо ложными. Такъ, по сказанію житія, Андрей-Іоасафъ внукъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго (л. 2), а по сказанію лѣтописи Паисія и житія преподобнаго Александра Куштскаго—внукъ князя Василія Ярославскаго [41]). Житіе повѣствуетъ, что Андрей прежде иночества женился и одинъ годъ жилъ съ женой (л. 7), лѣтопись же говоритъ, что онъ постригся еще двѣнадцатилѣтнимъ (л. 210). Наконецъ, житіе сообщаетъ, что юный князь-инокъ, послѣ своего постриженія, былъ порученъ иноческому воспитанію старца Григорія, „иже послѣди бысть епископъ Ростову" (л. 16), но Григорій умеръ за долго еще до рожденія Андрея, въ 1416 году.

Итакъ, въ біографіи преподобнаго Іоасафа приходится ограничиться тѣми краткими свѣдѣніями, заключающимися въ лѣтописи Паисія Ярославова, которыя мы сообщили въ началѣ настоящаго обозрѣнія.

---

[41] Такого же мнѣнія держится и Карамзинъ. И. Г. Р., т. IV, прим. 160.

Продолжателемъ дѣла сѣверныхъ подвижниковъ въ окрестностяхъ страны, омываемой водами озерами Кубенскаго, явился св. Григорій Пельшемскій, бывшій нѣкоторое время въ числѣ учениковъ преподобнаго Діонисія Глушицкаго. Сохранившееся до насъ, сравнительно обильное въ фактическомъ отношеніи, житіе этого подвижника страдаетъ разнорѣчіями въ двухъ различныхъ редакціяхъ, темнотою и спутанностію хронологическихъ данныхъ [42]). Во второй редакціи разсказъ о погребеніи святаго начинается такимъ образомъ: „бѣ нѣкій мнихъ, именемъ Тихонъ; сей бѣ имѣя воспріятіе своего постриженія въ его (пр. Григорія) обители. Сей повѣда, глаголя сице: еще сущу ми въ монастырѣ пребывающу... и служа рабу Божію, именемъ Григорію“... и далѣе начинается разсказъ о преставленіи святаго. На основаніи этого можно думать, пишетъ проф. Ключевскій, что и все житіе Григорія написано или въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка [43]). Списатель остался не извѣстенъ. Сходство въ разсказѣ житія о пребываніи преподобнаго Григорія въ Сосновцѣ съ такимъ же разсказомъ въ житіи пр. Діонисія Глушицкаго навело архіепископа Фила-

---

[42] Одна редакція (первая по Ключевскому, см. указ. соч., стр. 196) въ ркп сборникѣ Вологодскаго каѳедр. собора, № 3, л. 210—225, съ предисловіемъ, но безъ похв. слова. Начало предисловія: „Добро и полезно зѣло, иже божественныхъ мужъ житія почитати“. Начало житія: „Отъ славнаго града Галича, отъ славныхъ родителей боярска роду родися сей св. отрокъ Григорій“. Другая редакція въ Макарьевскихъ Четьи-Минеяхъ, изданныхъ Археографическою комиссіею, за 30 сентября. Это вторая редакція, по Ключевскому. Въ его обозначеніи редакцій замѣчается, впрочемъ, очевидная ошибка. Первою редакціею онъ считаетъ редакцію Макарьевскихъ Четьи-Миней, второю—Милютинскихъ. Но изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что на самомъ дѣлѣ за первую редакцію онъ принимаетъ Милютинскую. „Вторая редакція, по его словамъ, имѣетъ нѣкоторыя фактическія черты, которыя или опущены въ первой или прямо противорѣчатъ ей: къ нимъ относится замѣчаніе о лѣтахъ жизни Григорія и о томъ, что кончина святаго описана со словъ инока Тихона, который прежде служилъ Григорію, а по смерти его постригся въ Пельшемскомъ монастырѣ“ (Ключевскій, стр. 196). Но это, какъ можно судить на основаніи изданія Археографической комиссіи, признаки редакціи Макарьевскихъ, а не Милютинскихъ Четьи-Миней. Начало предисловія второй (Макарьевской) редакціи: „Добро убо и полезно зѣло, иже божественныхъ мужей житіе повѣствовати“. Начало житія: „Отъ славнаго града Галича, отъ благочестиваго корене, израсте доброплодная розга“. Первая редакція—краткая, фактически болѣе основательна, чѣмъ вторая, впадающая иногда въ противорѣчіе сама съ собой.

[43] Ключевскій, стр. 196.

рета на предположеніе что списателемъ и Григоріева житія былъ Глушицкій инокъ Иринархъ—авторъ житія пр. Діонисія [44]). Но это, какъ замѣчаетъ г. Ключевскій, свидѣтельствуетъ о томъ только, что у послѣдняго заимствованъ этотъ разсказъ списателемъ житія преподобнаго Григорія [45]).

Авторъ очень мало знаетъ о жизни Григорія до его постриженія. „Отъ славнаго града Галича, отъ славныхъ родителей боярска роду родися сей святый отрокъ Григорій... И бысть святый 15 лѣтъ и восхотѣ родители его сочетати браку, онъ же не повинуяся совѣту родителей своихъ... и потомъ... времени мало минувшу, родители святаго преставишася“ (л. 211 по списку первой ред.). Вотъ все, что сообщается здѣсь за этотъ періодъ жизни преподобнаго. По смерти родителей, онъ захотѣлъ сдѣлаться инокомъ и съ этою цѣлію „восходитъ въ монастырь Пресвятыя Богородицы, въ Галицкой державѣ, близъ езера“. Здѣсь, вскорѣ послѣ своего постриженія [46]), онъ „сподобляется и священства санъ пріяти“. Скоро, однако, одно обстоятельство заставило Григорія удалиться отсюда. Это обстоятельство, по разсказу его біографа, заключалось въ томъ, что пребываніе Григорія здѣсь стало извѣстно „сродникомъ его и всѣмъ вельможамъ Галицкой земли и онъ сдѣлался предметомъ празднаго любопытства. Вслѣдствіе этого онъ оставилъ монастырь и удалился „къ полуденной странѣ, во градъ Ростовъ, въ монастырь преподобнаго Авраамія“. „Не по мнозѣ времени, правящу апостольскій престолъ града Ростова архіепископу Діонисію (знаемъ бѣ отъ святителя преподобный)-.. пріидоша мниси того-же града Ростова отъ Всемилостиваго Спаса съ песку къ архіепископу Діонисію архимандрита просити во свой монастырь. Архіепископъ же Діонисій пача увѣщевати преподобнаго Григорія на архимандритію (л. 213). Послѣдній и былъ поставленъ [47]).

---

[44] Обзоръ русской духовной литературы, I, § 154.

[45] Ключевскій, стр. 197.

[46] Вторая редакція мѣстомъ постриженія Григорія считаетъ монастырь преподобнаго Макарія Желтоводскаго, который будто бы собственноручно и совершилъ его постриженіе. Но въ этомъ случаѣ она противорѣчитъ и себѣ самой; по ея разсказу преподобный Григорій преставился 1449 г., 127 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно за долго еще до рожденія Маварія. См. у Ключевскаго, стр. 197.

[47] Въ изложеніи біографическихъ свѣдѣній о преподобномъ Григоріи мы слѣдуемъ первой редакціи. Параллельный разсказъ второй редакціи представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Сшедъ отъ родителей своихъ, отъ дому отца

Но и здѣсь, однако, недолго оставался преподобный Григорій: „поживе два лѣта въ монастырѣ томъ... утаився всѣхъ изыде нощію и оттолѣ устремився къ сѣвернымъ странамъ, иже близъ студеного моря океана... И пріиде преподобный во градъ Вологду... и около града исходивше непроходимая пустыня и лѣсы, иже прилежаху граду Вологдѣ... пріиде къ преподобному Діонисію Глушицкому и моли преподобнаго дати ему келлію... и даде ему (пр. Діонисій) келлію, идѣже созда церковь, на полуденной странѣ отъ большія лавры, въ пустыни, иже зовома Сосновецъ“ (214 л.) [48]). Дальнѣйшій разсказъ о преподобномъ—о пребываніи его въ Сосновцѣ, объ отставленіи обители Діонисія и отшествіи на Пельшму, какъ уже мы замѣтили, заимствованъ здѣсь изъ житія Глушицкаго подвижника, такъ что снова приводить его здѣсь было-бы повтореніемъ. Оставивъ Сосновецъ, преподобный Григорій избралъ новое мѣсто для своихъ подвиговъ, „отъ града Вологды далѣе 30 поприщъ, а отъ великія рѣки Сухоны—три поприща“, на рѣчкѣ Пельшмѣ [49]). Вскорѣ по приходѣ сюда стала стекаться къ нему

своего (а не по смерти ихъ, какъ повѣствуетъ первая редакція) иде въ монастырь ко игумену Макарію, зовомо Желтовоцкій... Игуменъ Макарій возложи нань иноческій образъ“... Здѣсь же, какъ будто, онъ принимаетъ и санъ священства. Потомъ преподобный сдѣлался игуменомъ „у святыя Богородицы честнаго ея рождества, близъ езера“. Между прочимъ замѣчаетъ эта редакція, что во время игуменства въ этомъ монастырѣ преподобный Григорій сдѣлался извѣстнымъ князю Юрію Дмитріевичу, отъ котораго „и умоленъ бывъ, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія. И пронесеся слава о немъ и до самаго великаго князя Василія Дмитріевича“; онъ призываетъ его къ себѣ „благословенія ради... и того умоли быти архимандритомъ Ростову граду, благословеніемъ архіепископа Григорія, въ лѣто 6902 (1394)“. Но при изложеніи біографіи преподобнаго Діонисія Глушицкаго мы упоминали, что въ спискѣ Ростовскихъ архіереевъ у графа М. Толстаго („Древнія святыни Ростова великаго“) имени Григорія за это время не встрѣчается.

[48] Вторая редакція здѣсь опять расходится съ первой. По ея разсказу поставленіе Григорія въ санъ архимандрита совершилось въ 1394 году, а отшествіе Григорія на Глушицу—въ 1412 году. Между тѣмъ, по разсказу первой редакціи преподобный оставался архимандритомъ только два года. Сопоставляя послѣднее извѣстіе съ годами архіепископства въ Ростовѣ Діонисія Святогорца (1418—1425), поставившаго Григорія на архимандритію, мы придемъ къ выводу, что отшествіе Григорія изъ Ростова въ Вологодскіе предѣлы совершилось не ранѣе двадцатыхъ годовъ XV столѣтія.

[49] По разсказу второй редакціи время оставленія препод. Григоріемъ Діонисіева монастыря и прихода на Пельшму относится къ 1422 г.

братія. „Времени же малу минувшу, пріиде къ нему нѣкій человѣкъ, а саномъ попъ, именемъ Алексій... и моли преподобнаго, да облечетъ его во ангельскій чинъ. Преподобный же постриже его и нарече ему имя Александръ и по преставленіи преподобнаго бысть игуменъ мѣсту тому. И потомъ начаша приходити къ нему овогда единъ, иногда же два". Такимъ образомъ собралась братія и преподобный сталъ заботиться о созданіи монастыря. „По времени же нѣкоемъ, замѣчаетъ біографъ, посла нѣкоего отъ братіи къ христолюбивому мужу, именемъ Мартину и инѣмъ... моля ихъ, да пошлютъ дѣлатель своихъ въ пустыню къ преподобному помощи". Дѣлатели расчистили мѣсто для монастырскаго строенія и создали келліи для иноковъ. Потомъ приступлено было къ устройству церкви. „Въ лѣто ѕ҃ѕ҃ідд (1426), въ то время содержай апостольскій престолъ града Ростова архіепископъ Ефремъ [50]), пріиде къ нему преподобный благословеніе пріяти о составленіи обители". Испросивъ благословеніе, преподобный въ томъ же 1426 году [51]) „созда церковь во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго ея собора и поставляетъ трапезу и вся, елика потребна суть братіи". Когда церковь была устроена къ преподобному пришелъ на посѣщеніе бывшій его учитель—св. Діонисій. Онъ принесъ съ собою „образа Господни и книгу, глаголемую Прологъ", освятилъ новосозданную церковь и ушелъ въ свой монастырь.

Послѣ посѣщенія Діонисіемъ преподобнаго Григорія, вторая редакція передаетъ весьма замѣчательный разсказъ изъ жизни послѣдняго. Въ лѣто 6939 (1431), по нѣкоемъ времени, шедшу блаженному въ славный градъ Москву, тогда бо власть пріимшу великаго княженія Юрію Дмитріевичу, а князю Василію Васильевичу градъ Коломна, занеже зависти ради изгнаша его, и глагола ему блаженный: „о княже Юріе! подобаше ли ти власть пріяти?.. не по Божіему строенію хощеши власть пріяти". Князь Юрій, послушавъ преподобнаго, „отъиде на отца своего благословеніе въ Галичъ" [52]).

Обѣ редакціи, затѣмъ, передаютъ слѣдующій подобный же фактъ изъ жизни Пельшемскаго подвижника: „въ лѣта ѕ҃ѕ҃лн (1430) пріиде

---

[50] Въ спискѣ ростовскихъ архіереевъ графа М. Толстаго посвященіе Ефрема во епископы отнесено къ 1427 году. Указ. соч., стр. 72.

[51] Въ опредѣленіи года основанія церкви обѣ редакціи, наконецъ, соглашаются

[52] Этотъ разсказъ, а равно и послѣдующій—объ увѣщаніи преподобнымъ Григоріемъ Шемяки, опустошавшаго Вологодскіе предѣлы, приводитъ въ своей „Исторіи Россіи" С. М. Соловьевъ, ч. IV, стр. 317—318.

князь Димитрій Юрьевичъ въ зимнее время съ силою многою и около града Вологды села воеваша и христіанство губяще, а градскимъ людемъ во градѣ сѣдящимъ въ осадѣ и не смѣяху съ княземъ братися. Православное христіанство мнози побіени быша воинствомъ князя того немилостиваго: овіи гладомъ умроша, иніи мразомъ померзоша и мнози безвѣстно погибоша и разыдошася. Пріидоша же много христіанъ въ монастырь къ преподобному Григорію и жиша дни мнози, питашеся отъ монастырскія пищи... И видя святый въ толицѣ бѣдѣ суща христіанство... вземъ жезлъ свой и скоро иде ко князю и моля князя, глагола ему не обинуяся, не бояхся ярости князя". Вотъ какъ передается этотъ разговоръ преподобнаго съ Шемякою въ первой редакціи: „о княже Димитріе, нѣси-ли челъ божественнаго писанія: безъ милости судъ не сотворшимъ милости. И рече князь блаженному — кія? Святый же нача глаголати князю жестокая: не своя дѣла, княже, твориши, но поганская, а ты князь православныя вѣры, а свою Русь воюешь; православное христіанство горькой мести предаютъ воинство твое, и аще, княже, но останешися отъ таковаго кровопролитія, то вскорѣ отпадеши славы и княженія своего отщетишися"... (л. 220). „Слышавъ глаголы сія, князь возъярися на блаженнаго и повелъ его съ мосту ринути... Преподобный же, лежавъ на земли многъ часъ, еле живъ воставъ... пойде въ пустыню свою". Вскорѣ послѣ этого преподобный впалъ „въ сосуды смертные" и преставился, 1449 года 30 сентября, 127 лѣтъ отъ роду, передавъ игуменство свое ученику своему Александру. „Князь же Димитрій Юрьевичъ вскорѣ повелѣ всему воинству своему собратися и отъидоша въ Галичъ и тамъ побіени быша" (л. 221) [53]).

---

[53] Относительно этого разсказа о ходатайствѣ преподобнаго предъ Шемякою прежде всего должно замѣтить, что хронологія его въ первой редакціи невѣрна. (Вторая редакція избѣгаетъ въ этомъ случаѣ хронологической точности и выражается обще: „въ тѣ лѣта"). Профессоръ Ключевскій по поводу этой неточности замѣчаетъ слѣдующее: „другое заимствованіе изъ этого житія (преп. Димитрія Прилуцкаго) даетъ новый образчикъ путаницы, какую вносили редакторы въ составленныя ими біографіи. Біографъ Григорія передаетъ любопытный для исторіи нравовъ разсказъ о ходатайствѣ святаго предъ Димитріемъ Шемякой за вологжанъ, разоряемыхъ войсками князя. Этотъ разсказъ поставленъ здѣсь въ связь съ выписаннымъ изъ житія Димитрія извѣстіемъ о нападеніи Шемяки зимой на Вологду. Изъ подробностей этого разсказа видно, что рѣчь идетъ о событіи, описанномъ въ лѣтописяхъ подъ 1450 годомъ, слѣдовательно уже случившимся послѣ смерти Григорія" (Указ. соч., стр. 197—198). Нельзя отрицать, что разсказъ о нападеніи Шемяки на Вологду выписанъ изъ житія преп.

ГЛАВА IV.

Колонизаторы южной части Вологодскаго края. Ученики преподобнаго Сергія Радонежскаго: святые Сергій Нуромскій, Павелъ Обнорскій и Арсеній Комельскій.

Далѣе, исторія монастырской колонизаціи переноситъ насъ съ сѣвера въ южные предѣлы Вологодскаго края, въ область глухихъ лѣсовъ и пустынь, среди которыхъ протекаютъ рѣчки Нурма и Комела. Рядъ подвижниковъ, основавшихъ монастырскія общины въ этихъ

Димитрія Прилуцкаго. Но нужно имѣть въ виду и то, что во многихъ, болѣе раннихъ, редакціяхъ житія Димитрія, вслѣдъ за разсказомъ о разграбленіи войсками вѣроломнаго князя окрестностей Вологды дѣлается замѣчаніе и о приходѣ къ нему преподобнаго Григорія: „слышавъ же сіе преподобный отецъ нашъ Григорій игуменъ, иже на Пельшмѣ рѣцѣ (еще бо живъ бѣ тогда), по ревности за христіанство распаляемъ, скоро пріиде ко граду и много съ прещеніемъ и обличеніемъ наказавъ сего князя Димитрія о злобѣ его на христіаны, яко за сіе (глагола) имаши погибнути. И нестерпѣ обличенія его князь и повелѣ его съ мосту въ ровъ низринути“. (См. списокъ Димитріевской Авнежской церкви Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36 и др.). Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, едва ли профессоръ не ошибается, увѣряя, что нашествіе Шемяки на Вологду описано въ лѣтописяхъ подъ 1450 годомъ. Несомнѣнно, что въ IV-й Новгородской лѣтописи это событіе отнесено къ болѣе раннему времени. Здѣсь читаемъ: „Въ лѣто 6956 (1448) великій князь Василій (Темный) выбѣже въ Тверь и пріѣхаша къ нему князи, и бояре, и татари; и слышавъ князь *Дмитрій* и князь Иванъ Можайскій и выѣхаша за Волгу—въ Галичъ и на Кострому и на *Вологду*“. Едва ли говорятъ въ пользу мнѣнія профессора и другія лѣтописи, напримѣръ, въ Воскресенской лѣтописи читаемъ слѣдующее: „въ лѣто 6958 (1450) ходилъ князь великій на князя Димитрія, хотя идти къ Галичу и бысть ему вѣсть, что Димитрій пошелъ къ Вологдѣ и князь великій пойде на Иледамъ да на Обнору. Бывшу же ему у Николы на Обнорѣ, пріиде вѣсть, что опять (Шемяка) воротился къ Галичу“... Князь пошелъ туда и 28 января одержалъ надъ нимъ побѣду. (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, ч. VIII, стр. 122. Ср. Софійск. вторая лѣтопись, ч. VI, стр. 178). Такимъ образомъ здѣсь 1450 годъ несомнѣнно относится къ побѣдѣ Василія надъ Шемякою подъ стѣнами Галича, о чемъ со всею ясностію говоритъ Софійская первая лѣтопись (ч. V, стр. 270), а не къ разграбленію Вологды войсками Шемяки, которое, безъ сомнѣнія, случилось ранѣе 1450 года, ибо въ январѣ этого года князь успѣлъ только догнать Шемяку у Галича. Дѣйствительно, въ Вологодскомъ лѣтописцѣ нашествіе Шемяки на Вологду отнесено къ 1448 году. Поэтому, нашъ взглядъ, въ этомъ разсказѣ не можетъ быть противорѣчія житію, по сказанію котораго преподобный преставился 1449 года 30 сентября. Что касается того соображенія

предѣлахъ, начинается преподобнымъ Сергіемъ Нуромскимъ. Біографъ, отдѣленный отъ преподобнаго болѣе чѣмъ столѣтіемъ, очень немного могъ сообщить о преподобномъ въ составленномъ имъ житіи, которое является, поэтому очень скуднымъ по своему содержанію. Но это необильное въ количественномъ отношеніи содержаніе, по замѣчанію профессора Ключевскаго (стр. 302) является цѣннымъ въ качественномъ отношеніи, ибо заимствовано изъ достовѣрныхъ источниковъ. Въ предисловіи списатель дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія касательно своего лица, времени составленія житія и своихъ источниковъ: „написано же бысть житіе сего святаго во времена и лѣта Богомъ вѣнчанна, благочестиваго Государя-царя великаго Россійскаго государства богопочтеннаго Самодержца, великаго князя Іоанна Васильевича... преосвященному митрополиту тогда бывшу Діонисію, епископу Варлааму Великопермскому, въ лѣто ҂ζуѳ (1584). Житіе преподобнаго не написано бысть и по сія лѣта. Братія же ученици блаженнаго въ скорби и печали бѣша зѣло, яко не написано житіе святаго за многи лѣта и сего ради въ забысть пріиде многимъ... Написа же житіе се инокъ Іона, иже бысть въ та лѣта у Покрова Пречистыя обители Діонисія чудотворца, иже на Глушицѣ, игуменъ... Написахъ, елика въ слухы моя достиже и елика въ свитцѣхъ обрѣтохъ написана“. (№ 1007/1116, л. 105—107). Касательно послѣдняго замѣчанія „о свитцѣхъ“ интересныя подробности и разъясненія читаемъ въ другомъ мѣстѣ: „се убо жительство труды и подвизи святаго... извѣстно вѣдый духо-

---

проф. Ключевскаго, что будто бы „по самому изложенію разсказа въ житіи можно замѣтить, что авторъ сопоставляетъ два различныхъ событія: согласно своимъ источникамъ онъ говоритъ, что Шемяка осаждалъ городъ безуспѣшно, но, однако, тутъ же замѣчаетъ, что святый приходилъ ко князю „во градъ“, то оно также не достаточно убѣдительно. Вопервыхъ, замѣчаніе „во градъ“ находится въ худшей въ историческомъ отношеніи Макарьевской редакціи (въ первой же редакціи сказано просто „во князю“). Вовторыхъ, еслибы и такъ, то едва ли возможно прилагать во всей строгости требованіе точности выраженія къ древнему грамотею, для котораго, безъ сомнѣнія „во градъ“ и „ко граду“ не представляло большаго различія и часто употреблялось одно вмѣсто другаго.

[1] Списки житія: рукоп. Соловец. библіот. № 1007/1116 (отдѣльное житіе со службою); Лавсаикъ и Патерикъ той же библіотеки № 489/508, л. 763—860; рукоп. сборникъ Вологодскаго каѳедр. собора № 3, л. 82—122. Начало предисловія: „Въ послѣдняя времена явлься древнимъ святымъ подобенъ“. Начало житія: „Сей убо преподобный отецъ нашъ Сергій начало и корень имѣя отъ святыя горы“.

венъ инокъ, по реклому Алексѣй, иже бысть послѣди первый игуменъ преподобнаго Павла (Обнорскаго, друга и собесѣдника Сергія). Сей же игуменъ Алексѣй ангельскій образъ пріятъ отъ руки преподобнаго Сергія, Нуромскаго чудотворца. Преподобный же Сергій даде его во ученіе преподобному Павлу... Той же игуменъ Алексѣй имѣя ученика у себе, именемъ Антонія... Тому же ученику своему... повѣда вся подробну, яже о отцы нашемъ Сергіѣ .. Той же Антовій повѣда ученику своему Геннадію, тако зовому ограднику сущу обители великаго Павла. Той же Геннадій оградникъ повѣда Протасію иноку. . Той же Протасій послѣди игуменъ бысть во оградѣ преподобнаго Павла написано имѣ у себе во свитцѣхъ, яже слыша о преподобномъ отъ оградника оного Геннадія .. Сія же вся азъ здѣ по ряду вчинихъ" (л. 54—57). Конечно, такое преданіе, нѣсколько разъ переходившее изъ устъ въ уста, не могло отличаться подробностями своего содержанія. Дѣйствительно, въ житіи мы находимъ двѣ-три черты изъ жизни преподобнаго, облеченныя по правиламъ искусственной агіобіографіи въ реторическую мантію житія. Заканчивая свое предисловіе, авторъ намѣчаетъ себѣ слѣдующій планъ: „...како пріиде на мѣсто сіе святое и откуду пріиде, и како поживе единъ въ пустыни сей прежде собранія братіи, и како поживе съ братіею вкупѣ, и како обитель созда, и како собесѣдникъ бысть преподобному Павлу. Родъ же его и воспитаніе и обѣщаніе иноческаго житія никто же вѣсть" (л. 32—33). Насколько авторъ выполнилъ свою задачу, показываетъ самое изложеніе его біографіи. „Сей преподобный начало и корень имѣя отъ святыя горы, якоже повѣдасте ми братіе и вселися въ Московскомъ самодержавствѣ, въ предѣлѣхъ Радонежскія области и пріиде къ великому Сергію, Радонежскому чудотворцу, еще въ жизни сей жительство имущему, и пребысть у сего преподобнаго время довольно" (л. 33). Съ теченіемъ времени, оставивъ Радонежскую область, преподобный Сергій устремился „къ сѣвернымъ странамъ. И пришедъ въ облежащія веси области обдержанія, дебри и лѣсы великіе, мха и блата, обрѣте мѣсто предлежащей веси, Обнорскія волости, на великомъ лѣсу, на рѣцѣ на Нурмѣ". („Въ то время преподобный великій Павелъ Обнорскій (бѣ) во внутренней пустыни, великія же обители у преподобнаго Павла не бысть еще"). Это мѣсто преподобный Сергій избралъ для своего жительства, поставилъ часовню, создалъ себѣ „келейцу малу и ту пребысть лѣта довольна". Здѣсь два раза нападали на него рвзбойники и въ одинъ разъ избили его до полусмерти; но это не могло уничтожить любви преподобнаго къ мѣсту своего избранія. Вскорѣ убѣжище его сдѣлалось открытымъ и „мнози начаша при-

ходити къ нему... овіи и въ тѣлесныхъ потребная приношаху ему. Мнози же и отъ обителей иноци прихождаху къ нему и съ жители бываху" (л. 46). Съ собраніемъ братіи явилась нужда въ устройствѣ обители: „братіи же числомъ исполняющимся четыредесяти и церкви же не бѣ тогда на собраніе молитвенное и келій нѣсть. Блаженный нача здати церкви и келліи и воздвиже церковь во имя Всемилостиваго Спаса и келліи постави и обитель возгради".

Между тѣмъ какъ Сергій трудился надъ созиданіемъ Нуромской обители, вблизи его подвизался преподобный Павелъ Обнорскій. „Въ то время великому отцу нашему Павлу единственное житіе проходящу во внутренней пустыни на той же рѣцѣ Нурмѣ, отъ тоя же пресловущія лавры Россійскаго свѣтила Сергіева монастыря пріиде великій Павелъ" и поселился въ двухъ поприщахъ отъ обители преподобнаго Сергія. „Бяше же великій Павелъ съ преподобнымъ Сергіемъ собесѣдники... и прихождаста другъ ко другу. Бяше бо преподобный Сергій великому Павлу духовный отецъ... Иногда же, пришедшему сему святому Сергію ко отцу нашему Павлу и обрѣте великаго Павла внѣ келлія стояща, кормяща изъ рукъ птицы: множество малыхъ птицъ сѣдяще на главѣ преподобняго Павла и на плещахъ его. Вкупѣ же предстояху ему и великій звѣрь, еже глаголется медвѣдь и лисица съ зайцемъ". Вскорѣ и преподобный Павелъ, подобно Сергію, началъ „братію пріимати и строити монастырь и церковь во имя Троицы". Между тѣмъ преподобный Сергій достигъ уже глубокой старости и въ 1413 (ѕцка) году преставился. По прошествіи многихъ лѣтъ послѣ его кончины были обрѣтены его мощи по указанію нѣкоего старца Никифора.

Нѣсколько ранѣе житія Нуромскаго подвижника составлена біографія его друга и собесѣдника преподобнаго Павла Обнорскаго. Въ числѣ чудесъ болѣе позднихъ списковъ житія Павлова помѣщено чудо обрѣтенія мощей преподобнаго, которое совершилось въ 1546 году, при игуменѣ Протасіѣ [2]. Болѣе же ранніе списки, не содержащіе въ себѣ этого разсказа, по мнѣнію профессора Ключевскаго [3], мо-

---

[2] Таковы списки: въ ркп. сборникѣ Прилуцкой библіотеки № 37/36, л. 74—122; въ сборникѣ Вологодскаго каѳедр. собора № 3, л. 122—170. Начало предисловія: „Яже изрядныхъ мужей житія полагати"... Начало житія: „Сей убо преподобный отецъ нашъ Павелъ родися отъ благородныхъ и благочестиву родителю".

[3] Ключевскій, Житія святыхъ. стр. 271.

гутъ быть отнесены къ началу XVI столѣтія [4]. Относительно личности біографа можно сказать только то, что онъ былъ однимъ изъ позднѣйшихъ иноковъ Павлова монастыря. Объ этомъ говорятъ слѣдующія его выраженія: „духовный праздникъ составимъ, достойную честь, яко ученици учителю воздяюще“ (№ 819, л. 233); „уподобимся отцемъ нашимъ, каковымъ жестокимъ житіемъ сѣдоша здѣ безмолвіемъ“ (№ 818, л. 417) и другія. Біографъ, какъ видно, не засталъ въ монастырѣ и очевидцевъ святаго: „не отъ слышанія токмо пріемъ, замѣчаетъ онъ въ своемъ предисловіи, но и многихъ получивъ, иже о ономъ списаній, яже отъ древнихъ, видѣвшихъ святаго, и отъ инѣхъ многихъ, слышавшихъ о житіи святаго“ (№ 819, л. 232). На основаніи такихъ источниковъ онъ могъ создать скудную своимъ содержаніемъ біографію, обильную общими типическими мѣстами.

Преподобный Павелъ родился въ Москвѣ отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, въ домѣ которыхъ и провелъ свое дѣтство. Когда достигъ возраста, родители его вознамѣрились „законному браку сочетати“, но онъ воспротивился ихъ намѣренію и „оставль родителя... въ двадесять второе своего возраста лѣто... всѣхъ утаився, отъиде и достиже обители Рождества Христова на рѣцѣ Волзѣ и въ томъ монастыри воспріятъ на ся ангельскій образъ“. Вѣроятно, не долго онъ оставался здѣсь. Услышавъ, что преподобный Сергій основалъ свою обитель въ окрестностяхъ Москвы, онъ удалился къ нему. Здѣсь сначала онъ проходилъ монастырскія службы въ поварнѣ и хлѣбопещницѣ. Спустя нѣкоторое время, испросивъ благословеніе преподобнаго Сергія, св. Павелъ „отъиде вдалѣ отъ монастыря во отходную келлію и пребысть въ ней лѣтъ пятнадесять“. Когда мѣсто его уединенія было открыто, онъ снова возвратился къ Сергію и просилъ его „да благословитъ жити въ пустынѣ“. Получивъ въ благословеніе мѣдный крестъ изъ рукъ своего учителя, и до сихъ поръ хранящійся въ Павловой обители, преподобный, въ своихъ иноческихъ стремленіяхъ, предпринялъ цѣлый рядъ странствованій по монастырямъ и пустынямъ русскаго сѣвера. Относительно этого періода жизни преподобнаго указанная нами редакція замѣчаетъ обще: „во многихъ пустыняхъ живяше лѣта довольно“. Но другая, краткая редакція, составленная, по мнѣнію В. О. Ключевскаго [5], вскорѣ послѣ первой, т. е. около половины XVI столѣтія, сообщаетъ въ этомъ слу-

---

[4] Таковы Соловецкіе списки въ Четьи-Минейныхъ сборникахъ: № 818, л. 386—434, и № 819, л. 230—266.

[5] Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 272.

чаѣ любопытныя подробности. Въ указанномъ мѣстѣ редакція эта по рукописному и печатному прологу [6] читается такимъ образомъ. Оставивъ обитель Сергія, преподобный Павелъ „абіе пріиде въ обитель Пречистыя Богородицы и къ преподобному Кириллу Бѣлоезерскому и тамо во отходной келліи пребываше. И посемъ пріиде на Одромъ рѣку и ту пребывъ мало во отшествіи. И отъ того мѣста пріиде въ Галичъ и въ велицей пустыни у Пречистыя Богородицы живяще во отшествіи. И отъ того мѣста изгнанъ бысть игуменомъ того монастыря и паки отъиде на Городецъ и на низу у св. мученика Ѳеодора во обители пребываше. И оттолѣ во иныхъ мѣстѣхъ пустыхъ живяше святый лѣта довольна“ [7]. Можетъ быть, въ числѣ этихъ „иныхъ пустыхъ мѣстъ“ разумѣются и окрестности Глушицкаго монастыря, въ которыхъ около этого времени жилъ какой то пустынножитель Павелъ, какъ сообщаетъ о томъ житіе преподобнаго Діонисія.

Послѣ этихъ путешествій преподобный Павелъ, пришелъ „на Комельскій лѣсъ, на рѣчку Грязавицу и обрѣте липу дупляну, поживе въ ней три лѣта“. Потомъ онъ поселился на берегахъ Обноры, построилъ себѣ келлію и выкопалъ колодезь. Въ этомъ мѣстѣ онъ уже подвизался до конца жизни среди звѣрей и пернатыхъ. „Звѣри дивіи, замѣчаетъ его біографъ, человѣкоядцы суще и ядовитіи, прихождаху къ нему. Яко и великій звѣрь уена (=медвѣдь) и лисица со заяцемъ вкупѣ къ нему приходяще, пищу пріимаху“. Здѣсь стала стекаться къ преподобному братія и онъ сталъ заботиться объ устройствѣ монастыря. Прежде всего онъ предпринялъ путешествіи въ Москву, къ митрополиту Фотію, испрашивая его разрѣшенія на созданіе обители. Фотій сначала сурово принялъ подвижника; „митрополитъ же не внимаше словесѣмъ преподобнаго, но и жестока нѣкая глагола ему“. Но потомъ, устрашенный соннымъ видѣніемъ, онъ приказалъ отыскать ушедшаго старца и далъ ему свое разрѣшеніе, а при отшествіи святаго на обратный путь далъ ему на монастырь милостыню довольну „и ризу съ себе даде ему“. Отправляясь въ Москву, преподобный взялъ съ собою одного изъ учениковъ своихъ, именемъ Алексія [8], который, по его просьбѣ, рукоположенъ былъ Фотіемъ въ санъ пресвитера. По возвращеніи на Обнору, преподобный создалъ церковь во имя св. Троицы и устроилъ монастырь. Митропо-

---

[6] См. у архіепископа Филарета, Русскіе святые, январь, примѣч. 49.

[7] Печатный Прологъ, 10 января.

[8] О немъ, какъ ранѣе замѣчено, упоминаетъ біографъ преп. Сергія Нуромскаго, какъ очевидцѣ и свидѣтелѣ жизни этого подвижника.

литъ Фотій по просьбѣ преподобнаго, послалъ для новосозданной церкви антиминсъ, вмѣстѣ съ поучительной грамотой, въ которой наставляетъ „како подобаетъ быти строящу человѣческія души“ [9]. Вышеупомянутый Алексій сдѣлался священникомъ новоустроенной церкви и первымъ игуменомъ Павлова монастыря. Самъ же преподобный, какъ сообщаетъ вторая редакція, отказался отъ игуменства и пребывалъ въ затворѣ, въ своей отходной келліи [10]. Когда собралось въ монастырь „братіи довольно“, преподобный „общее житіе составляетъ и законоположенія предаетъ по древнихъ св. отецъ преданію. И заповѣда всей братіи коемуждо еже въ келліяхъ ничтоже веляше имѣти, ниже своимъ звати, но вся обща имѣти, тѣмъ же сребро и прочая вся избыточная стяжанія отнюдь въ братіи не именовашеся, кромѣ монастырскія казны. Отуду бо вся, яже къ потребѣ, братія имяху, по завѣщанію Великаго Василія и прочихъ св. отецъ повелѣнію. Жаждою же аще кто одержимъ бываше, въ трапезу идяху; хлѣбъ же и ина снѣдная и питіе каково никакоже въ келліи не обрѣташеся ни у кого же, кромѣ руки умыти вода. И аще кому случашеся пріити брату въ келлію, ничтоже въ ней бяше видѣти, развѣ иконы или книги... Заповѣда имъ преподобный смиреніемъ и любовію превосходити другъ друга, первѣе на пѣніи въ церкви обрѣтися, не веляше бесѣдовати въ церкви и на обѣдѣ ядущимъ братіи.., и никого-же бяше слышати, токмо чтеца единаго. По обѣдѣ же и по вечерни никтоже въ иного келлію приходитъ... такожде и обходити не веляше и топты творити, ниже другъ съ другомъ стояти празднословити... и въ рукодѣліи повелѣ комуждо труждатися... овѣмъ отъ нихъ въ сокальници повелѣ быти и помогати служащимъ, овѣмъ же въ трапезной службѣ. Заповѣда всѣмъ братіямъ, сущимъ въ дѣлѣ, не празднословити никогда же, но съ молитвою дѣло творити... Тѣмъ же умѣющіи рукодѣліе и дѣлающіе, то въ казну отношаху, себѣ же ничтоже безъ благословенія никтоже дѣлаше... Питіе піанственнаго отнудь весьма никакого же въ монастыри обрѣтатися повелѣ... Аще ли кто нѣчто иметъ изъ общаго житія и чина раззорити, прочіе изъ монастыря изгонятъ таковаго“. Изнуренный подвигами и достигшій маститой старости Обнорскій подвижникъ въ 1329 году (ѕ҃ѿ҃ѧ҃) преставился, 112 лѣтъ роду.

Заключая свое повѣствованіе о жизни преподобнаго, біографъ замѣчаетъ: „сице бысть жизнь его: двадесяти дву лѣту отъ рожденія

---

[9] Она издана въ „Русской исторической библіотекѣ“, т. VI, стр. 487—491.
[10] Печатный Прологъ, 10 января.

его пріиде во иноческій чинъ, по разнымъ пустынямъ въ безмолвіи поживе лѣтъ 50, въ томъ же святѣмъ своемъ монастыри пребысть лѣтъ 40".

Вмѣстѣ съ Нурмою мѣстомъ иноческой колонизаціи служила другая сосѣдняя рѣчка—*Комела*, имя которой увѣковѣчилось въ житіи трехъ подвижниковъ: Арсенія, Иннокентія и Корнилія.

Біографъ преподобнаго Арсенія, въ концѣ своего труда, въ небольшомъ предисловіи къ разсказу о чудесахъ, сообщаетъ слѣдующія извѣстія касательно его происхожденія: „въ лѣто ҂зрд (1597) во обители святаго (Арсенія) погорѣ церковь во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго, ея-же блаженный Арсеній самъ, телѣснѣ еще живъ сый, благослови по обѣщанію воздвигнути, церкви же той сгорѣвши со всѣмъ украшеніемъ, съ книгами и со всею освященною утварію, тогда сгорѣло ту и написаніе о житіи святаго и чудесѣхъ его. Игумену же и братіи, тогда въ недоумѣніи и размышлыніи бывшимъ и глаголющимъ, како отецъ нашъ Арсеній отъ времени сего безъ написанія будетъ. Бывше же тогда свидѣтели святому житію его и чудесѣмъ и преставленію. Еще же обыскавши въ дохеѣ монастырской написанія, обрѣтохъ малу хартію, въ ней же написано согласно тѣмъ свидѣтелемъ. Игумену же и братіи мене убогаго раба Божія Іоанна понудивше житіе святаго преписати. Азъ же о преподобнѣмъ житіи распросивъ и хартію преписавъ, а иныя многія чудеса своима очима видѣхъ, истинно толико мало потщахся написати житіе и чудеса святаго вкратцѣ". Житіе по своему характеру удаляется отъ общепринятыхъ правилъ агіобіографіи, отличается простотою разсказа, но вмѣстѣ съ тѣмъ его сухостію и отрывочностію. Профессоръ Ключевскій считаетъ житіе преп. Арсенія однимъ изъ лучшихъ образчиковъ тѣхъ житій, которыя, съ углубленіемъ агіобіографической литературы изъ центровъ въ глухія пустыни, освобождались отъ искусственнаго стиля; краски его здѣсь тускнѣли, слогъ становился проще, типическія мѣста сокращеннѣе [11].

---

[11] Два списка житія преподобнаго Арсенія находятся въ библіотекѣ Арсеніева Комельскаго монастыря. Одинъ списокъ временъ императора Петра Ѳеодоровича, имя котораго упоминается въ церковныхъ пѣсняхъ службы преподобному, приложенной къ этому списку. Другой списокъ болѣе древній. Указанное мѣсто церковной пѣсни въ немъ читается такъ: „царю и великому князю имя рекъ". Оба списка по содержанію тожественны. Начало предисловія: „Слава Тебѣ Христе Боже, сотворшему всяческая". Начало житія: „Сей преподобный рожденіе

О доиноческомъ періодѣ жизни біографъ знаетъ очень не много. Сказавъ, что преподобный родился въ Москвѣ „отъ благостиву родителю боярска рода Сухарусовыхъ,“ онъ замѣчаетъ: „о возрастѣ его не обрѣтено нами, колики лѣты вниде во образъ иноческаго житія прехожденія ради многихъ лѣтъ“. Дальнѣйшій разсказъ біографіи отличается бо́льшею подробностію. Принявъ постриженіе въ обители преподобнаго Сергія Радонежскаго, преподобный посвятилъ ей первые годы своего иночества Въ числѣ другихъ иноческихъ подвиговъ біографъ отмѣчаетъ слѣдующее: „и книга святыя почиташе и переписоваше со всякимъ вниманіемъ“ [12]. Поживъ „лѣта довольна“ въ Сергіевой обители, преподобный въ 1525 году сдѣлался ея игуменомъ [13]. Это обстоятельство не измѣнило жизни подвижника, оставшагося прежнимъ аскетомъ. Біографъ изъ этого періода жизни преподобнаго разсказываетъ слѣдующій случай. Во время игуменства Арсеніева, по обычаю, пріѣхалъ на богомолье въ Сергіеву лавру великій князь Василій Іоанновичъ. Встрѣченный въ монастырѣ игуменомъ, онъ не мало дивился „странному образу“ подвижника и его „худымъ, многошвейнымъ и раздранымъ ризамъ“. Строгость подвижника не препятствовала любви къ нему братіи, которая, узнавъ о намѣреніи преподобнаго покинуть ее, ради стремленія къ безмолвію, просила прибывшаго князя „понудить“ святаго остаться въ ихъ лаврѣ. Просьба подѣйствовала на преподобнаго и онъ нѣкоторое время рѣшился остаться въ прежней обители.

Однако, это пребываніе подвижника въ Сергіевой лаврѣ продолжалось не долго. Мы видимъ, что послѣ двухлѣтняго игуменства, пре-

---

имѣя Россійскаго царства, во единомъ отъ мѣстъ богоспасаемаго града Москвы“. Рукописное житіе преподобнаго Арсенія встрѣчается очень рѣдко.

[12] Какъ доказательство этой любви преподобнаго Арсенія къ книжному искусству сохранилось въ его монастырѣ евангеліе-автографъ преподобнаго, что можно читать въ слѣдующей припискѣ къ нему, сдѣланной рукою переписчика: „въ лѣто ҂ѕді (1506) сіе Евангеліе почато бысть писати октября мѣсяца 18, а кончилъ марта мѣсяца 12. При благочестивомъ великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ и при архіепископѣ Симонѣ митрополитѣ, на престолъ великаго чудотворцъ Николы, еже есть на Комьѣ, повелѣніемъ всѣхъ православныхъ христіанъ Никольскаго приходу. Писано же бысть со стараго списка, съ Печеньги. А добывалъ ево князь Юрій Васильевичъ. Сіе же писалъ Евангеліе многогрѣшный чернецъ Арсеньишко Сухарусовъ“.

[13] Историческое описаніе Троице-Сергіевой лавры. Москва 1742 г., стр. 67. (См. у архіеп. Филарета, Русскіе святые, 24 августа).

подобный, въ 1527 году, покинулъ лавру [14] и направился къ сѣвернымъ предѣламъ. По обычаю сѣверныхъ подвижниковъ, обходя „многіе лѣсы и мѣста пустынныя, ища мѣста покойна обитель составити“, преподобный пришелъ „въ Вологодскій уѣздъ, во Олоновъ конецъ, близъ рѣки Лежи яко съ полъ-поприща, на Кохтыжъ рѣку, отъ града Вологды яко за двадесять пять поприщъ. Мѣсто бо тогда блатно бысть ту и водяно, пути людскаго не бысть мимоходящимъ людемъ“. Дойдя до этого мѣста, святый настолько былъ утомленъ тяжестью болотнаго пути, что „ноша, юже ношаше съ нуждною потребою на своихъ рамѣхъ, отторжеся отъ него, отпаде“. Не имѣя болѣе силъ къ продолженію пути, святый поселился въ этомъ болотѣ и поставилъ себѣ келлію. Но и здѣсь онъ не нашелъ для себя покоя и желаемаго безмолвія. Противъ него возстали здѣсь „злонравные люди“, причиняя святому „мнози скорби и пакости“. Это обстоятельство заставило преподобнаго обратиться съ жалобой къ великому князю и здѣсь искать себѣ защиты. Содержаніе этой жалобы дошло до насъ полностію въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Іоанновича старцу Арсенію, которая была отвѣтомъ на просьбу старца къ великому князю. Вотъ текстъ этой грамоты: „се азъ, князь великій Василій Ивановичъ [15], пожаловалъ есми старца Арсенія Сухарусова: билъ ми челомъ, а сказываетъ, что поставилъ себѣ пустыню въ Вологодскомъ уѣздѣ, на Комельскомъ лѣсу, на рѣчкѣ Кохтыжѣ, и къ той-де его пустынѣ крестьяне лѣсъ сѣкутъ, и починки ставятъ и съ выжляты (гончими собаками) гонюютъ и бѣлуютъ (по своей волѣ владѣютъ), а мнѣ бы пожаловати, около тое пустыни крестъянамъ лѣсу сѣчи, и починковъ ставити, и съ выжляты гоняти и бѣловати не велѣти: азъ великій князь старца Арсенія... съ братіею пожаловалъ, крестьянамъ моимъ около тое пустыни лѣсу сѣщи и починковъ ставити и съ выжляты гоняти и бѣловати не велѣлъ около тое пустыни за двѣ версты во всѣ четыре стороны“. Это, однако, не только не оградило старца отъ притѣсненій „злонамѣренныхъ людей“, но, напротивъ, еще болѣе вооружило ихъ противъ него. Въ своей дерзости послѣдніе дошли даже до того, что „подруга преподобнаго, старца, бивше безъ милости злой

---

[14] Историческое описаніе Троице-Сергіевой лавры, стр. 67—въ указанной цитатѣ архіепископа Филарета.

[15] Въ копіи этой грамоты, помѣщенной въ Исторіи Россійской іерархіи, т. III, стр. 280, имя великаго князя обозначено ошибочно: она подписана 1530 годомъ, а князь именуется Иваномъ Васильевичемъ. Но тогда былъ еще Василій Ивановичъ.

смерти предаша". „Святый дастъ мѣсто гнѣву и отъиде отъ того мѣста за тридесять поприщъ, на дикій лѣсъ Шилегоцкой, на рѣчку Шингорь, и тамо вселися". Здѣсь онъ поставилъ себѣ „молитвенный храмъ" и къ нему стали стекаться иноки. Но и на этотъ разъ спокойствіе преподобнаго скоро опять было нарушено по причинѣ нашествія Казанскихъ татаръ на Вологодскіе предѣлы. Жители, спасаясь отъ преслѣдованій грабителей, проникли въ новое мѣсто уединенія преподобнаго, которое, такимъ образомъ, наполнилось народомъ. Въ числѣ бѣглецовъ были и жены, которыя, поселившись вблизи обиталища преподобнаго, стали рождать дѣтей. Все это заставило преподобнаго снова возвратиться въ покинутое имъ мѣсто первоначальнаго своего убѣжища. „И пріиде ему желаніе возвратитися на Комельскій лѣсъ, на свое предиреченное мѣсто, во Олоновъ конецъ". Здѣсь онъ и сталъ продолжать свою подвижническую жизнь, „имѣя у себе брата, именемъ Герасима, духовна и добродѣтельна старца, и иныя братія поживе съ нимъ". Въ этомъ мѣстѣ подвижникъ по прежнему началъ „труждатися вельми, лѣсы сѣчаше и нивы насѣваше, имѣя у себе доилици". Съ теченіемъ времени преподобный взялъ благословеніе „отъ святители Алексія, епископа Пермскаго и Вологодскаго, въ лѣто ҂ѕмѕ" (1539) [16] на созданіе церкви во имя положенія ризъ Пресвятыя Богородицы, которая и была окончена постройкою въ ҂ѕмѳ (1541) году, 2 іюня. Преподобный устроилъ ее чудно святыми иконами и книгами и создалъ ограду около монастыря. Устроивъ обитель, онъ испросилъ для нея у великаго князя села и угодья. Отъ временъ Грознаго дошли до насъ двѣ жалованныя грамоты на имя старца Арсенія, изъ которыхъ одна (отъ 1539 года, 13 іюля) утверждаетъ за его обителью право на владѣніе землею въ размѣрѣ пяти верстъ кругомъ монастыря, а другая (отъ 1543 года) утверждаетъ за монастыремъ пять починковъ, возникшихъ на монастырской землѣ [17]. Живя въ Комельской обители, преподобный не забывалъ и прежней своей пустыни. Біографъ его замѣчаетъ: „преподобному Арсенію прехожденіе творящу въ предиреченную свою пустыню, на рѣчку Шингорь... печаляшеся всегда о Шилегоцкой пустынѣ" [18]. Этими краткими замѣча-

---

[16] Епископъ Алексій управлялъ Вологодскою каѳедрою съ 1525—1542 г. См. „Описаніе Арсеніево-Комельскаго монастыря", составленное Н. Суворовымъ, стр. 5, примѣч. 2. Ср. Исторія Россійск. іерархіи, т. I, стр. 350.

[17] Исторія Россійской іерархіи, т. III, стр. 283—286.

[18] Обѣ первоначально основанныя преподобнымъ пустыни продолжали свое существованіе и послѣ оставленія ихъ преподобнымъ: первая—подъ именемъ

ніями и заканчивается біографія преподобнаго. Онъ преставился 24 августа 1550 года (ѯнн).

ГЛАВА V.

Послѣдніе колонизаторы Вологодскаго края—ученики и послѣдователи устроителей и законоположниковъ русскаго иночества, преподобныхъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго: святые Иннокентій и Корнилій Комельскіе. Краткія свѣдѣнія о позднѣйшихъ святыхъ: Игнатіѣ Прилуцкомъ и Галактіонѣ Вологодскомъ.

Почти одновременно съ преподобнымъ Арсеніемъ въ Комельской пустынѣ подвизался святый Иннокентій, ближайшій ученикъ и послѣдователь преподобнаго Нила Сорскаго, біографія котораго стоитъ въ весьма близкомъ отношеніи къ біографіи устроителя и законоположника русскаго скитничества.

Свѣдѣнія о Комельскомъ подвижникѣ очень скудны. Причину этого біографъ его видитъ въ слѣдующемъ: „бысть писанія немало о преподобномъ Иннокентіи и грѣхъ нашихъ ради бысть нашествіе поганыхъ татаръ-казанцовъ на Русскую землю, на предѣлы Вологодскіе и тогда пустыню преподобнаго отца Иннокентія погани раззориша и церковь Іоанна Предтечи сожгоша и все строеніе огню предаша. И написаніе о преподобномъ Иннокентіи тогда сгорѣло, а иное писаніе нѣцы отъ братія изъ пустыни его отъидоша, амо же восхотѣша, и писаніе о немъ съ собою снесоша во иные монастыри, и тако въ его монастырѣ не оста писанія объ немъ, мы же вкратцѣ написаше о святомъ“ [1]. Эта краткая біографія, составленная на основаніи устнаго преданія, многое забывшаго и многое спутавшаго, является весьма скудною, въ смыслѣ историческаго источника. Вслѣдствіе этого, свѣдѣнія о преподобномъ Иннокентіи приходится заимствовать изъ другихъ источниковъ и главнымъ образомъ изъ біографіи учителя его Нила Сорскаго [2].

Арсеніево-Маслянской, а вторая—Александро-Коровиной. Свѣдѣнія о нихъ заключаются въ описаніи Арсеніево-Комельскаго монастыря, составленномъ Н. Суворовымъ, стр. 20—26.

[1] Ркп. житія преп. Иннокентія Комельскаго въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ „Описаніи рукописей Императорской публичной библіотеки“ Ѳ. Бычкова, стр. 15—16.

[2] Источники: Ѳ. Бычковъ, Описаніе рукописей Императорской публичной библіотеки, ч. I, §§ 4 и 27, стр. 15—16; 96—98. А. Архангельскій, „Матеріалы для біографіи Нила Сорскаго“ въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“, т. I. Статья о Нилѣ Сорскомъ А. В. Горскаго въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ“, т. VI, стр. 141—155. „Преподобнаго отца на-

Исторія впервые застаетъ обоихъ подвижниковъ—ученика и учителя иноками Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря. Изъ доиноческой жизни ихъ она передаетъ лишь то, что Нилъ происходилъ изъ рода бояръ Майковыхъ, а Иннокентій—изъ бояръ Охлѣбининыхъ [3]. Одновременно или нѣтъ поселились они въ Кирилловѣ—достовѣрно не извѣстно. Равнымъ образомъ не извѣстно и то, теперь ли Иннокентій сдѣлался ученикомъ Нила или впослѣдствіи. Мы упоминали, что авторъ „письма о нелюбкахъ" называетъ Нила ученикомъ Паисія Ярославова, каковое учительство и происходило, вѣроятно, въ стѣнахъ Кириллова монастыря.

Слѣдя за первыми моментами иноческой жизни Нила и Иннокентія, можно думать, что зародыши ихъ созерцательнаго аскетизма стали развиваться въ нихъ еще до ихъ совмѣстнаго путешествія по востоку, во время ихъ первоначальныхъ подвиговъ въ русскихъ обителяхъ. Правда, эти аскетическія воззрѣнія восточнаго происхожденія, но къ этому времени онѣ несомнѣнно въ нѣкоторой степени успѣли уже распространиться и въ Россіи. Въ XV и XVI в. сношенія Россіи съ Востокомъ были особенно часты. Мѣсто павшаго Константинополя замѣнила теперь святая гора (Аѳонъ), сдѣлавшаяся съ этихъ поръ просвѣтительнымъ центромъ Россіи. Туда теперь стало направляться множество русскихъ людей, равно какъ многіе святогорцы стали тяготѣть къ Россіи, гдѣ всегда былъ для нихъ радушный пріютъ. Такъ, мы знаемъ, что въ концѣ XIV вѣка прибылъ въ Россію извѣстный Діонисій Святогорецъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи архіепископомъ Ростовскимъ. Около того же времени

шего Нила преданія ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ". Изданіе Оптиной пустыни. Москва 1849 г.

[3] Напрасно г. Архангельскій и его рецензентъ проф. О. Миллеръ (Историческій Вѣстникъ, 1882, т. IX, стр. 430—434), увѣряютъ, что Нилъ происходилъ изъ крестьянскаго рода, опираясь на его слова: „о себѣ же не смѣю говорити что, понеже невѣжда и *поселянинъ* есмь". Слово поселянинъ, по мнѣнію ихъ, въ рукописяхъ XV и XVI в. употребляется въ смыслѣ *крестьянина*. Но едва ли это такъ. Слово поселянинъ вовсе не имѣетъ такого исключительнаго употребленія: это—ходячая фраза иноческаго смиренія, которую употребляетъ и Нилъ Сорскій въ одномъ изъ своихъ произведеній, употребляли и многіе списатели житій, напримѣръ, списатель житія преп. Стефана Махрищскаго, Даниловскій игуменъ Іоасафъ, неизвѣстный списатель житія преп. Іоасафа Каменскаго и др. Кромѣ того, эта фраза, какъ и многія ей подобныя, вовсе не русскаго, а восточнаго происхожденія, какъ замѣчаетъ въ своемъ трудѣ проф. Некрасовъ (Пахомій Сербъ, писатель XV вѣка—въ Запискахъ Императорскаго Новороссійскаго университета, т. VI, стр. 14).

пришелъ въ Россію преподобный Сергій Нуромскій, нѣкоторое время подвизившійся въ обители Сергія Радонежскаго, а потомъ основавшій свою обитель и другіе. Сколь часты были путешествія русскихъ иноковъ на Аѳонъ—это видно изъ того, что въ этотъ періодъ времени они сдѣлались какъ бы нѣкоторою потребностью: „ради *нужды нѣкія*, пишетъ Епифаній Премудрый въ похвальномъ словѣ Сергію Радонежскому, не взыска царствующаго града, ни святыя горы, ни Іерусалима, яко азъ окаянный и лишенный разума, ползая сѣмо и овамо, и преплавая сюду и овуду, и съ мѣста на мѣсто преходя“ [4].

Нилъ и Иннокентій мѣстомъ своихъ первоначальныхъ подвиговъ и избрали именно ту обитель, въ которой вліяніе Востока могло быть наиболѣе сильнымъ. Такова была обитель Кириллова, находившаяся въ предѣлахъ Ростовской епархіи, гдѣ еще такъ недавно святительствовалъ Діонисій Святогорецъ. Въ руководство себѣ они избрали Паисія, постриженика Спасо-Каменнаго монастыря, и если не заставшаго здѣсь Діонисія, то, во всякомъ случаѣ, постригшагося здѣсь вскорѣ послѣ его ухода. Неизвѣстно, долго ли Нилъ и Иннокентій жили въ Кирилловѣ. Дальнѣйшее извѣстіе говоритъ уже объ ихъ совмѣстномъ путешествіи на Востокъ [5]. Подробности этого путешествія остаются въ тѣни. Нилъ упоминаетъ только, что вмѣстѣ съ Иннокентіемъ они были: „во святѣй горѣ и во странахъ Цареграда и во иныхъ мѣстѣхъ многа суть такова пребыванія [6]. Здѣсь, безъ сомнѣнія, иноки и завершили свое образованіе въ томъ созерцательномъ направленіи, которое выразили потомъ въ своихъ твореніяхъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ образованія былъ, конечно, Аѳонъ, въ которомъ въ это время такое аскетическое направленіе было господствующимъ. Въ это время происходили здѣсь споры Валаамитовъ и Паламитовъ; гнѣздились здѣсь и многія другія ереси [7], вызывавшія обширную полемику со стороны борцовъ за православіе. Изъ числа послѣднихъ мы встрѣчаемся здѣсь съ именами Паламы, двухъ Каллистовъ, Аѳанасія, впослѣдствіи патріарха Кон-

---

[4] Архангельскій, Указ. соч., стр. 19, примѣч. 59.

[5] Объ этомъ свидѣтельствуетъ „письмо о нелюбкахъ“ въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ, т. X, стр. 504; а также, посланіе Нила къ старцу Герману и его уставъ скитскаго житія (гл. XI). Житіе Иннокентія не знаетъ о пребываніи его въ Кирилловѣ: оно прямо начинается разсказомъ о приходѣ его къ Нилу, когда послѣдній основалъ свой скитъ на р. Сорѣ. Бычковъ, Опис. рукоп., стр. 15. Ключевскій, стр. 304.

[6] Уставъ Нила Сорскаго, гл. XI.

стантинопольскаго, а также Григорія Синаита, особенно любимаго и часто цитуемаго Ниломъ Сорскимъ, и другихъ.

Послѣ своего путешествія оба подвижника возвратились въ Кирилловъ монастырь. Біографъ Нила, по поводу его возвращенія, замѣчаетъ: „пріиде преподобный отецъ нашъ, чудотворецъ Нилъ съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ отъ Палестинскихъ странъ, изъ Аѳонскія горы, при животѣ преподобнаго Кирилла Бѣлоозерскаго“ [8]. Но онъ, очевидно, ошибается, ибо пр. Кириллъ преставился въ 1427 году, когда Нилъ († 1508) едва ли еще и родился. Послѣ недолгаго пребыванія въ Кирилловѣ, иноки опять оставили его и удалились на рѣчку Сору. Причину своего удаленія высказываетъ Нилъ въ письмѣ къ своему почитателю старцу Герману Польному [9]: „удаленіе мое изъ монастыря, писалъ онъ ему, не было ли ради душевной пользы? Ей, ради ея. Я видѣлъ, что тамъ живутъ не по закону Божію и преданію отеческому, а по своей волѣ и человѣческому разсужденію. Много еще и такихъ, которые, поступая такъ, неправильно, мечтаютъ, будто проходятъ житіе добродѣтельное“ [10]. Здѣсь Нилъ и основалъ

---

[7] Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1860, кн. I, стр. 5.

[8] Ркп. Императорской публичной библ. № 260, л. 56, въ цитатѣ г. Архангельскаго, стр. 2.

[9] Долго не было открыто истинное назначеніе этого посланія и изслѣдователи относили его къ различнымъ лицамъ. Преосвященный Филаретъ адресатомъ его считалъ Вассіана Патрикѣева (Русскіе святые, 7 апрѣля). А. В. Горскій думаетъ, что оно писано было къ Иннокентію Охлѣбинину (Прибавленія къ твор. св. отцовъ, т. VI, стр. 142). Позднѣе открыты были два списка, разрѣшавшіе спорный вопросъ въ пользу старца Германа Польнаго. Архангельскій, стр. 49.

[10] А. Филаретъ, Русскіе святые, 7 апрѣля. Подобное же свидѣтельство о состояніи иноческой жизни въ Кирилловѣ монастырѣ по смерти его основателя мы читаемъ и у Іосифа Волоцкаго. По скончаніи блаженнаго Кирилла, пишетъ онъ, нравы Кирилловскихъ иноковъ стали упадать: „во обители его настоятель въ наша лѣта отъ инаго монастыря, иже нѣкая преданія и законы св. Кирилла не храняше и въ небреженіе полагаше. Въ лѣта Геронтія митрополита (братія) избраша себѣ игумена, иже бысть постриженникъ Кириллова монастыря, многа же лѣта поживе во иныхъ монастырѣхъ, иже той такожде начатъ многая развращати св. Кирилла преданія, сущіи же въ то время старци о семъ оскорбишася и на соборѣ и наединѣ глаголаху ему о семъ; онъ же не брежаше ихъ глаголы. Тогда старѣйшіи и большіи старци вси отбѣгоша отъ монастыря, нетерпяще зрѣти преданія св. Кирилла попираема или отметаема“. (Отвѣщаніе любозазорнымъ—въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, 1847, т. VII, стр. 4—5, и у Архангельскаго, стр. 15).

свой скитъ, знаменитый въ исторіи русскаго иночества. Сколько времени жилъ съ нимъ его любимый ученикъ—не извѣстно. Житіе Иннокентія утверждаетъ, что послѣдній, по смерти своего учителя, оставилъ Сорскій скитъ и пришелъ „въ Вологодскіе предѣлы, на рѣчку Еду, въ весь нарицаемыя Комельскія волости и вселися ту“ [11]. Но другая рукопись свидѣтельствуетъ, что преподобный Иннокентій пришелъ сюда еще при жизни своего учителя: „и провидѣвъ (препод. Нилъ) свое къ Богу отшествіе, ученика своего Иннокентія посла въ Вологодской уѣздъ, на Мурму рѣку и прорекъ ему: Богъ тя имать прославити тамо и твоя обитель будетъ обща, а моя пустыня будетъ, какъ при животѣ моемъ, такожде и по смерти моей, и братія по единому имутъ жити въ келліяхъ своихъ“ [12]. Но если ошибается біографъ Иннокентія, увѣряя, что приходъ его въ Комельскую пустыню совершился по смерти Нила, то нельзя вполнѣ довѣрять сказанію и втораго источника. Свидѣтельство его объ основаніи преподобнымъ Иннокентіемъ *общежительной* пустыни не находитъ для себя подтвержденія въ дошедшихъ до насъ письменныхъ его произведеніяхъ. Эти послѣднія со всею ясностію говорятъ намъ, что и его пустыня была устроена по образцу Ниловой, т.-е. скитомъ. Въ своемъ краткомъ завѣщаніи преподобный говоритъ слѣдующее: „а еже *како пребывати* въ пустынѣ нашей, о молитвѣ и о пѣніи, и како питатися и когда подобаетъ исходити потребы ради на рукодѣліе сія вся вчинена суть въ писаніи господина и учителя моего старца Нила“ [13]. Это же самое видно и изъ другой рукописи, принадлежащей Иннокентію, подъ заглавіемъ „о келліяхъ“: „аще кто братъ нашъ поставитъ себѣ келлію въ пустыни нашей и потомъ аще отъидетъ изъ пустыни сея и тѣхъ келей ни продати, ни отдати никому, но владѣютъ тѣми келліями настоятель и ту живущая братія“ [14] и проч. Очевидно, обитель Иннокентія не была общежитіемъ, но была такимъ же скитомъ, какъ и обитель Нила. Вѣроятно не долго жилъ Иннокентій въ своей Комельской пустынѣ: онъ не успѣлъ при жизни даже создать въ ней

---

[11] Бычковъ, Опис. рукоп., § 4.

[12] Сборникъ Императорской публичной библіотеки, № 260—въ приложеніяхъ къ „Матеріаламъ для біографіи Нила Сорскаго“.

[13] Завѣтъ Иннокентія изданъ въ Исторіи Россійской іерархіи, т. V, стр. 215, и въ болѣе исправномъ видѣ въ приложеніяхъ къ „Матеріаламъ для біографіи Нила Сорскаго“.

[14] „Матеріалы для біографіи Нила Сорскаго“, прилож. 1, и „Описаніе ркп. Императорской публичной библіотеки“, § 27.

церкви. Хотя житіе его и повѣствуетъ, что онъ соорудилъ церковь во имя Іоанна Предтечи, но это показаніе опровергается свидѣтельствомъ его завѣщанія: „живущая наша братія, иноци, въ пустыни нашей аще начнутъ богоугодно жити и хранити заповѣди Божія и восхощутъ церковь Божію воздвигнути, то есть на Божіемъ благоволеніи и па ихъ изволеніи. Аще и благоволитъ Богъ, да будутъ церкви во имя святаго великаго Іоанна Предтечи, третіе обрѣтеніе честныя его главы“ [15]. Преставленіе Иннокентія, по единогласному свидѣтельству всѣхъ списковъ его житія, послѣдовало 19 марта 1491 года [16]. На могилу его, замѣчаетъ біографъ, былъ положенъ камень, на которомъ обозначенъ годъ и мѣсяцъ его преставленія.

Кромѣ упомянутыхъ нами произведеній преподобнаго Иннокентія, ему приписываютъ еще нѣсколько другихъ. Къ числу такихъ относится интересное его завѣщаніе „о самочинникахъ“. „Аще который въ пустыни нашей братъ нашъ инокъ не восхощетъ управляти свое жительство по божественныхъ заповѣдей и по написанію господина и учителя моего старца Нила и по сіему нашему писанію, но убо самочиніемъ и самовольствомъ восхощетъ водитися, таковаго настоятель и братія да накажутъ. Аще и по показаніи не исправится, сего убо настоятель и братія измещутъ изъ пустыня, яко плеву отъ жита по сіему нашему завѣщанію. Аще той братъ въ чувство пріидетъ и восхощетъ *управляти свое жительство* по Бозѣ и святыхъ отецъ преданію... сего убо настоятель и братія паки пріимутъ въ пустыню сію. Сія убо азъ инокъ Иннокентій написахъ, яко да и по смерти моей тако творима будутъ“ [17].

Другое сочиненіе, приписываемое преподобному Иннокентію и служащее болѣе полнымъ выраженіемъ его иноческихъ воззрѣній, есть „Надсловіе“ къ уставу скитскаго житія учителя его преподобнаго Нила Сорскаго. Долго неизвѣстно было, кому принадлежитъ это „На-

---

[15] Ibidem.

[16] Нѣтъ особенныхъ причинъ не довѣрять этому показанію. Оно, по свидѣтельству преосвящ. Филарета, повторяется въ нѣкоторыхъ редакціяхъ рукописныхъ святцевъ (Русскіе святые, 7 апрѣля). Но почему то онъ болѣе довѣряетъ сказанію отенскихъ святцевъ, гдѣ кончина Иннокентія отнесена къ 1522 году. Но едва-ли въ послѣднихъ не произошла ошибка. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно есть одинъ Вологодскій подвижникъ, скончавшійся въ 1522 году, но только то былъ Игнатій Вологодскій, а не Иннокентій.

[17] Сборникъ твореній преподобныхъ Нила и Иннокентія—въ Описаніи рки. Императорской публичной библіотеки, § 27, л. 18.

словіе", но, наконецъ была открыта рукописъ, въ которой, въ заглавіи этого произведенія, сохранилось имя Иннокентія [18].

Въ общемъ „Надсловіе" это является повтореніемъ иноческихъ воззрѣній преподобнаго Нила, проповѣдующимъ его „умное дѣланіе" и „внутреннее моленіе". Инокъ не погубляетъ своего правила, пишетъ авторъ „Надсловія", оставляя многое псалмопѣніе, каноны же и тропари и все свое тщаніе обращая на умную молитву, но паче пуможаетъ сіе. Инъ есть разумъ внѣшняго моленія, а инъ внутренняго: оный бо, исполняя числомъ пѣніе, уповаетъ къ Богу, оставляя же сіе, осуждаетъ себе; сей же ударяемъ бываетъ своею совѣстію по всечастныхъ грѣсѣхъ и терпя нашествіе прилоговъ, присно вопіетъ ко Христу... Якоже невозможно сіе житіе не ядуще, не піюще жити сице невозможно безъ храненія умнаго ни во что духовно и угодно Богу достигнути души" [19].

Въ частности же, здѣсь сильнѣе и послѣдовательнѣе проводится полемическій элементъ, съ цѣлію доказать преимущество „умнаго дѣланія" предъ „внѣшнимъ моленіемъ". Въ достиженіи этой цѣли авторъ между прочимъ, касается тѣхъ нестроеній иноческой жизни, которыя явились результатомъ обрядоваго направленія иноческаго благочестія и въ этихъ мѣстахъ трудъ его получаетъ живой историческій интересъ. Сообразно съ этимъ, все содержаніе „Надсловія" дѣлится на двѣ части: въ первой части авторъ излагаетъ свое ученіе объ „умномъ дѣланіи" и, сопоставляя его съ „внѣшнимъ моленіемъ", выводитъ несомнѣнныя преимущества перваго, а во второй—касается современныхъ ему нестроеній иноческой жизни.

Первый отдѣлъ представляетъ изъ себя развитіе слѣдующихъ положеній:

1. „Святіи отцы, иже едиными заповѣдьми Христовыми учатъ охуждати страсти и очищати сердце отъ помысловъ злыхъ, двоя сія уставляютъ, аки крѣпчайшая орудія имѣти дѣлателемъ: си есть страхъ Божій и память Бога, ту суща".

2. „Добра убо сія добрымъ и благоговѣйнымъ мужемъ (испытаннымъ и совершеннымъ въ иночествѣ)... Въ новоначальныхъ же монасѣхъ самый умъ скоро притупляется къ таковымъ памяти и бѣжитъ отъ нихъ, аки пчела отъ воскуренія дымна".

---

[18] Матеріалы для біографіи Нила Сорскаго, стр. 60.

[19] Надсловіе къ преданію отца нашего Нила Сорскаго ученикомъ своимъ о жительствѣ, скитскомъ стр. XX, XVII и IX (по изданію Оптиной пустыни).

3. „Духовнѣйшіи и искуснѣйшіи отцы явиша и еще бо́льшее и несравненное добро, могущее и зѣло немощнымъ помощи“.

4. „Перваго убо подобіе и образъ —мелющіи въ жерновахъ своима си рукама и силою; второго — мелющіи въ млинѣ водою и художествомъ: яко же бо вода сама о себѣ движетъ кола и камень, *тако и пресладкое имя Іисусово всеисполнѣнне живущаго во Іисусѣ подвижетъ умъ въ молитву и душа, благодѣема и услаждаема отъ Іисуса, съ радостію нѣкою и любовію Благодѣтелю хвалу возсылаетъ*“.

5. „Первымъ бо образомъ, аще и было бы успѣяніе, кромѣ умнаго вниманія, обаче зѣло косно и приболѣзненно. Вторымъ же симъ скоро и легко приближается дѣлатель къ Богу. Тамо бо бываетъ едино внѣшнее моленіе, здѣсь же обоя—внѣшнее и внутреннее“.

6. Да не думаетъ кто, что эти правила могутъ быть примѣнимы къ инокамъ опытнымъ и испытаннымъ, а „не новоначальнымъ и страстнымъ: пріемли разсужденіе и рѣшеніе таковыхъ вещей, како всякъ новоначальный и страстный осуждается сими повседневными грѣхами и страстьми.

Первый отдѣлъ своего труда заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „аще кто речетъ, яко мощно есть и кромѣ умнаго дѣланія очиститися отъ грѣховъ... сему... отвѣщается сице: поставими, о таковый, отъ единыя страны заповѣди Христовы, отъ другія же всегдашнюю молитву. Даждь ми и предложеніе истинное, еже не преступати единыя заповѣди... и внимай прилежно, колико на всякъ день чрезъ твое предложеніе преступиши заповѣди и коликими грѣхами, страстьми и злыми помыслы уязвишися. Еда-ли и самъ не признаеши невозможну быти вещь, еже вмѣститися сицевому вниманію во внѣшнемъ моленіи кромѣ единаго умнаго дѣланія“ [20].

Вторая часть труда, какъ мы замѣчали, посвящена обличенію современныхъ нестроеній иноческой жизни. „Святіи отцы на три точію чины раздѣляютъ все монашеское жительство: первое—общество; второе—царскимъ путемъ или среднимъ нарицаютъ; еже въ двухъ или тріехъ живуще, общее стяжаніе нужныхъ, общую пищу и одѣяніе, общій трудъ и рукодѣліе и всякое промышленіе житію имѣти. Третіе же уединенное отшельничество, еже совершенныхъ и святыхъ мужей дѣло. Нынѣ же нѣцыи, не внемлюще силѣ святаго писанія, изобрѣтоша себѣ четвертый чинъ или житіе: зиждуще бо келліи всякъ, идѣже аще хощетъ, или далече или близу, живутъ уединенно, всякъ свою

---

[20] Надсловіе къ преданію отца нашего Нила Сорскаго, стр. VII—XLIV. (Изданіе Оптиной пустыни).

волю предпочитая и стяжаніе съ попеченіемъ гоня: и по таковому ихъ чину и жительству подобни суть самочинникомъ и самопретыкателемъ: само по себѣ изобрѣтше житіе, сами въ немъ и претыкаются, не могуще мирно и постоянно на немъ пожити, аки не по своей ихъ мѣрѣ и пряслу... И сему житію образъ есть и прописаніе юный оный братъ, иже вселився единъ въ келлію, вопрошающимъ отвѣщаше: се уже отшельствую; его же сведше отцы отъ келліи, повелѣша всѣхъ обходя просити, глаголя, яко нѣсмь отшельникъ. Посемъ рѣша отцы, аще видиши юна, на небо восходяща, емъ за нозѣ, восторгни его на землю".

„Возмнѣся нѣкіимъ, яко еже жити не общежительно, но близъ или далече въ своихъ келліяхъ особь и сходитися временемъ на совѣтъ—се-есть путь средній и царскій; но нѣсть тако, нѣсть... При обители св. Герасима на Іорданѣ и на таковомъ житіи древлѣ и нынѣ многое множество страстныхъ и немощныхъ повредишася. Сего ради повелѣваютъ святіи отцы въ двухъ или тріехъ жити общежительно, яко да другъ другу во страсѣ Божіи повинующеся, познаваемъ свою немощь" (ibid).

Иннокентію же приписываютъ слѣдующее за „Надсловіемъ"—„Пристеженіе" [21], рѣшающее одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ древнерусскаго благочестія—касательно поста. Рѣшеніе это, какъ и все ученіе „объ умномъ дѣланіи", въ сравненіи съ существовавшими взглядами, является вполнѣ оригинальнымъ. „Съ разумомъ причащаяся брашенъ и съ разумомъ удаляяся сихъ, не погрѣшитъ всяко. Легчайше бо съ разумомъ вино пити, нежели съ презорствомъ воду. Къ тому да не укориши, ни да похвалиши вещь брашенъ и питія, но да ублажиши или укориши разумъ, или добрѣ или злѣ пріемлющихъ сія. Да вѣмы, яко ниже снѣдь что есть по истиннѣ, ниже питіе, но вѣра, любовію и дѣлы спростираема". Далѣе авторъ цитуетъ слѣдующее мѣсто изъ твореній преподобнаго Кассіана: „безмѣрный постъ или разрѣшеніе, аще и обоя суть отъ діавола, обаче безмѣрный постъ и неразсудное воздержаніе большій вредъ приноситъ, нежели до сытости яденіе. Не въ яму бо насъ св. наши отци поревающе, но паче отъ ямы удаляюще, повелѣваютъ намъ средній путь гонити, а не на высокій безвременно тещи". Указывая на аскетическія подвиги св. отцовъ, авторъ замѣчаетъ: „не самый постъ, ниже иные труды добродѣтель быти вмѣниша,

---

[21] С. Шевыревъ. Исторія русской словесности, т. IV, стр. 183. Архангельскій. Указ. соч., стр. 105 и др.

но едино тое, еже по естеству поставити себе Христови... Нѣцыи же подобострастніи и неразсудніи поревноваша постъ и труды святыхъ не добрымъ разумомъ и предложеніемъ, вмѣняюще сія, яко добродѣтель проходятъ. Присѣдяй же діаволъ повергаетъ во чрево ихъ сѣмя радостнаго мнѣнія, отъ него же зачеишися воспитуется внутренній фарисей“ [22].

Таковы аскетическія воззрѣнія препод. Иннокентія. Въ то время какъ его учитель сосредоточивалъ свое вниманіе на внутренней психологической сторонѣ „умнаго дѣланія“, стараясь уловить незримый процессъ его, воздѣйствіе психическихъ актовъ однихъ на другіе и результаты его—измѣненіе всего душевнаго настроенія, ученикъ его является, такъ сказать, популяризаторомъ воззрѣній своего учителя, изъяснителемъ и толкователемъ ихъ, обращающимъ вниманіе не столько на внутреннюю сторону психическихъ актовъ, сколько на внѣшнюю, практическую сторону благихъ плодовъ „умнаго дѣланія“. Такимъ образомъ учитель и ученикъ въ своихъ воззрѣніяхъ пополняютъ другъ друга. Ихъ взгляды, являясь по своему характеру совершенно новыми для того времени, безъ сомнѣнія, не могли получить большой распространенности и, можетъ быть, не переходили за предѣлы ихъ обителей. Но какъ бы то ни было, то дѣло, за которое они ратовали, не могло пройти безслѣдно для послѣдующихъ поколѣній.

Для біографіи третьяго Комельскаго подвижника, преподобнаго Корнилія, мы имѣемъ предъ собою житіе его, являющееся по своимъ фактическимъ подробностямъ и по исторической достовѣрности однимъ изъ самыхъ лучшихъ произведеній древнерусской агіобіографіи [23]). Въ своемъ предисловіи авторъ называетъ себя ученикомъ преподобнаго: „мы бо аще и недостойни ученици его нарицатися, но убо рукоположенію отъ святаго сподобихомся“... Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія, въ видѣ приписки, уцѣлѣла замѣтка автора, что житіе было написано въ 1589 году, рукою „многогрѣшнаго Нафанаила Корнильевскаго“ [24]. Обстоятельства происхожденія своего труда біографъ ука-

---

[22] Надсловіе, стр. XLIV—XLVIII.

[23] Списки: Рукоп. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, №$^{37}/_{36}$, л. 202—247. Сборникъ Вологодскаго каѳ. собора № 3, л. 21—56 (здѣсь предъ житіемъ помѣщается монастырскій уставъ Корнилія). Ркп. житіе со службою библіотеки Корниліево-Комельскаго монастыря, № 1 (по монастырской описи). Начало предисловія: „Разумъ убо православнымъ христіаномъ духовныхъ мужъ житія пользы ради испытовати“. Начало житія: „Отъ славнаго града Ростова, отъ благочестиваго корене израсте доброплодная розга“.

[24] Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Ундольскаго, стр. 237.

зываетъ слѣдующимъ образомъ: „мы убо здѣ въ монастыри сѣдяще, отъ многихъ слышимъ помышляющимъ и глаголющимъ, како въ малое се время сей святой обители цвѣтущей и впредь поступающей, паче видяще и чинъ и строеніе и благочиніе веліе, и просяще кожде ихъ: дадите намъ житіе написано святаго старца вашего, господина нашего Корнилія". Свои источники списатель также указываетъ въ своемъ предисловіи: „мы же, вѣдуще нравъ старца своего, желаемъ писанію предати, яже видѣхомъ и слышахомъ изъ устъ св старца" (202 л. Прилуц. сп.). По поводу упоминанія о своихъ источникахъ авторъ замѣчаетъ далѣе, что хотя ранѣе и не было составлено житія преподобнаго, но память о немъ была жива среди учениковъ его: „мы бо аще и недостойни есми ученици его не во извѣстныхъ словесѣхъ память держимъ св. старца, но между собою въ обители пребывающе, глаголемъ о немъ и пишемъ, поощряюще свою совѣсть, и просвѣщаемъ души наша памятію отца нашего" (203 л.).

Близкимъ знакомствомъ біографа съ преподобнымъ и объясняются тѣ качества, которыя дѣлаютъ житіе Корнилія весьма рѣдкимъ, въ смыслѣ историческаго источника, если не исключительнымъ въ своемъ родѣ. Подробный въ фактическомъ отношеніи разсказъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію профессора Ключевскаго [25]), отличается простотою и ровностію, даже сухостію и сжатостію, что еще болѣе возвышаетъ его цѣну.

Преподобный Корнилій родился въ городѣ Ростовѣ, „отъ славныхъ родителей, иже многимъ богатствомъ цвѣтуще паче всѣхъ во градѣ Ростовѣ", каковы были бояре Крюковы. Отца его звали Ѳеодоромъ, мать—Варварой. „Той же Ѳеодоръ не незнаемъ сый и самодержавному всея Россіи, еже и преселитися ему отъ Ростова повелѣно бысть во имя великія княгини Маріи, послѣди же (во инокиняхъ) Марѳы, ея же имя именито паче всѣхъ прежде бывшихъ благочестіемъ и милостынею". Это переселеніе въ Москву состоялось при посредствѣ его брата Лукіана, который „прежде сего за много время" держалъ „діаческій санъ сея присноименитыя княгини Маріи". Четвертый сынъ Ѳеодора — „отецъ нашъ (Корнилій), еще сый въ юности въ написаніи бысть единъ отъ всѣхъ двора сея великія княгини". Въ старости Лукіанъ оставилъ дворъ и принялъ постриженіе въ Кирилловѣ монастырѣ. Его примѣру послѣдовалъ и юный Корнилій „еще сый тогда двоюнадесяти лѣтъ". Здѣсь и прошли юношескіе годы Корнилія подъ руководствомъ опытнаго въ иноческой жизни

---

[25]) Указ. соч., стр. 304.

старца Геннадія. „По седьми лѣтѣхъ (преп. Корнилій) изыде изъ монастыря и шедъ во свое отечество Ростовъ, и увѣща своего брата, именемъ Акинѳа, и приведе и въ монастырь, инока сотвори и нарече имя ему Анѳимъ". Послѣ этого Корнилій снова продолжалъ свое иноческое послушаніе въ Кирилловѣ, „тяжкими работами дручаше тѣло свое: кто бо не знаетъ Кирилловскія хлѣбни?... И желѣзы тяжкими связоваше тѣло свое. Къ симъ и книги писаше въ церкови, свидѣтели же симъ и нынѣ книги его въ Кирилловѣ". Подвиги преподобнаго вызывали иногда глумленіе людей неблагонамѣренныхъ изъ братіи: „и нѣкто бо отъ ту сущихъ братъ поругася ему и обольсти его коварствомъ. Виною благоговѣйною вземше у него ихъ же пошаше желѣза и повелѣ изъ нихъ прековати топоры". Можетъ быть, это обстоятельство и было причиною удаленія преподобнаго изъ Кириллова. Оставивъ эту обитель, Корнилій „по лѣствичному послѣдованію вдаде себе странничеству и обшедъ монастыри и пустыни и когождо добрыя правы житія смотривъ... Потомъ же пріиде въ Новъ-градъ, ко архіепископу Геннадію и пребысть у него время немало". „Архіепископъ же, позна святость старчу, возлюби его вельми, послѣди же и священству его сподобити хотя, аще тому и не хотящу, непщеваніемъ да держитъ его у себе. Старецъ же отъ архіепископа священническій санъ пріяти сподобитися [26]) и священнодѣйствовати и жити у него не восхотѣ, но умоли его, да безмолвствуетъ въ пустыни. И отпущенъ бысть отъ него и пребывая въ пустыни близъ великаго Новаграда". Архіепископъ не забывалъ старца и въ пустынѣ: „многажды потребныхъ посылаше къ нему въ пустыню, самого же старца призываше къ себѣ часто бесѣды ради духовныя. Послѣди же и самъ пріиде архіепископъ въ пустыню къ старцу, посѣщенія ради. Старецъ же тяжко сіе быти помышляя, таже и множество народа начаша приходити къ нему и пресѣцаху ему безмолвіе, остави мѣсто то и отъиде къ Твери и тамо водворися близъ Савватіевы пустыни. Но и тамо познанъ бысть... и ту остави пустыню. Таже покусився не во

---

[26] Таково чтеніе списка библіотеки Корниліева монастыря; два же другіе списка, указанные нами, допускаютъ въ этомъ случаѣ противорѣчивую описку— въ нихъ читаемъ: „старецъ-же отъ архіепископа священническій санъ пріяти *сподобися* и священнодѣйствовати и жити у него не восхотѣ" (Списокъ Вологод. каѳедр. собора, стр. 22; Прилуцкій списокъ л. 204, ср. списокъ Корниліевской библіотеки, л. 71—72). Между тѣмъ далѣе во всѣхъ спискахъ говорится, что преподобный получилъ санъ священства отъ руки митрополита Симона, съ именемъ котораго и хранится въ монастырѣ его ставленная грамота.

единѣмъ мѣстѣ безмолвствовати"... но и теперь каждый разъ уединеніе его скоро дѣлалось открытымъ. „Послѣди же, при державѣ великаго князя Іоанна Васильевича и благословеніемъ Симона митрополита, отъ него же іерей бысть въ лѣто 7005 (1497), пріиде блаженный Корнилій на Комельскій лѣсъ, бѣ бо тогда непроходимъ, и ту обрѣтъ храмину разбойническу и вселися въ ню; и нача отребляти мѣсто то и поткну кущу и ту всяку страсть претерпѣ"... Разбойники вступились за свою обитель и нѣсколько разъ пытались нападать на святаго. Однажды они ограбили занятую имъ келію, не найдя, впрочемъ, въ ней ничего, кромѣ книгъ, которыя и взяли съ собою. Но проблудившись всю ночь, они снова на утро очутились близъ келліи святаго, пришли къ нему и, возвративъ похищенныя книги, удалились, оставивъ святому свое обиталище.

Овладѣвъ мѣстомъ своего поселенія, святый началъ „труждатися вельми на мѣстѣ томъ и помышляше трудами питати себе и сущихъ съ нимъ: лѣсъ сѣкій и нивы насѣвая, приходящія пріемля и мимоходящія кормляще. И по малу церковь постави во имя Введенія Богородицы... Но кто доволенъ словесы обличити и сказати повѣсть ми, яже сотвори труды и подвизи на томъ: ово убо отъ злодѣй біенъ бысть, едва дышаше пріиде, ово же древо паде нань безъ вѣтра и болѣзнуя близь смерти дванадесять седмицъ со одра недвижимъ пребысть, и едва оздоровѣ отъ болѣзни тоя, пріиде же нѣкогда къ дѣлателемъ и сѣде на страмнинѣ и абіе внезапу падеся долѣ и возболѣ паче перваго и отъ сего едва смерти гонзну, а иногда же приведенъ бысть зѣльне главу язвену имѣя отъ древа, падшаго на него. Всѣ же навѣти, зависти и ненависти отъ чужихъ и отъ своихъ, клеветы и досады и до самого державнаго доидоша нань. Скудость же, поношеніе и прещеніе како могу исписати?..

„Братіи же множашеся — нужда есть мѣсто распространити... святый же начатъ, елико силы есть дѣлу касатися... распространи мѣсто и собра множество братій. Увѣдено же бысть боголюбивому и великому князю Іоанну Васильевичу о старцѣ Корниліи... и чтяше его вельми. Таже и отъ всѣхъ познанъ бысть и начаша отовсюду приходити къ нему и моляху его пріяти иноческій образъ". Умножившужеся стаду словесныхъ овецъ, церковца же бѣ мала прежде. Святый же старецъ совѣтъ сотвори, создати понуждаше бо́льшу церковь".

Подъ руководствомъ старца снова закипѣла работа, въ которой принималъ участіе каждый изъ братіи, кто чѣмъ могъ: „овому художество къ возгражденію стѣнъ церковныхъ, другимъ же мудрость пи-

сати образа св. иконъ, инѣмъ же рѣзати честные кресты, другимъ же писати книги“ и прочее. Такимъ образомъ, „труды блаженныхъ ученикъ святаго, паче же постомъ и слезами, создана бысть церковь превелика“ и освящена въ 7023 (1515) году, „при державѣ великаго князя Василія Ивановича, благословеніемъ преосвященнаго Варлаама митрополита, по пришествіи старца Корнилія на мѣсто то въ лѣто девятое на десять, украсиша ю благолѣпнѣ, яко невѣсту предобру,— образы святыхъ иконъ и книгами; и служители церковныя устави, священники и діаконы и чтецы и пѣвцы и еклисіархъ и весь чинъ, якоже лѣпо быти въ великихъ лаврахъ. И потомъ созда другую церковь со трапезою и освяти олтарь во имя Антонія Великаго. И посемъ келейное начатъ зданіе и устроивъ четвероуглено образъ монастырю, келію къ келіи совокупи, ихъ же посредѣ стоятъ церкви, яко нѣкія очи, зряще всюду. И потомъ постави больницу и хлѣбопещницу, и поварю и богадѣльню внѣ монастыря, страннымъ и нищимъ на покой. Устави же монастырскому строенію келаря и прочая служебники, хлѣбопечцы и нарядники дѣлателемъ. Самъ же во вся службы призираше и всѣхъ обхождаше видѣти труждающихся и въ монастыри и на нивахъ всѣхъ посѣщаше“...

„Множество людей отъ многихъ странъ прихождаху къ святому, овіи благословеніе хотя получити, овіи вопросити, о нихъ же имяху недоразумѣваемыхъ, иніи разрѣшеніе ищуще различныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ“. Святый никому ни въ чемъ не отказывалъ; предметомъ его особенныхъ заботъ были люди бѣдные и несчастные. Для нищихъ всегда были открыты монастырскія сокровищницы. Однажды къ храмовой праздникъ, когда въ монастырь собралось особенно много бѣдныхъ, имъ раздана была вся монастырская казна, такъ что болѣе давать уже было нечего. Въ это время случилось, что великій князь Василій Іоанновичъ послалъ въ монастырь милостыню на поминъ себя и великой княгини „двадесять рублевъ съ рублемъ“— и эти немедленно были розданы. Въ другой разъ сильный голодъ свирѣпствовалъ въ Вологодской странѣ: четверть ржи продавалась по рублю и болѣе. Въ эти дни монастырь постоянно осаждали цѣлыя массы голодныхъ; дѣло дошло даже до того, что матери повергали своихъ дѣтей предъ вратами монастыря. Святый всѣмъ благотворилъ и насыщалъ всѣхъ голодныхъ.

Одною изъ главныхъ заботъ святаго былъ надзоръ за поведеніемъ братіи: „обычай имяше преподобный въ вечеръ глубокъ келіи обходити, слушая кто что творяше. И аще кія обрѣташе бесѣдующихъ не на пользу души и празднословящихъ, о сихъ негодоваше и уда-

ряя персты въ оконце, симъ предзнаменуя свой приходъ... Еда же поучаше братію на соборѣ, воспоминаше имъ и о семъ, а не на имя когождо обличаше, но кождо вѣдый себѣ такова суща, мняше, его ради поученіе сіе бысть и обличеніе".

Съ теченіемъ времени, устрояя монастырскую жизнь, преподобный написалъ для своей обители „уставъ иноческаго житія" [27], явившійся результатомъ его иноческихъ и игуменскихъ опытовъ. Несмотря однако на всѣ эти заботы преподобнаго, въ жизни братіи встрѣчалось не мало уклоненій отъ правилъ иноческой дисциплины. Такъ, одинъ разъ хлѣбопекарь безъ благословенія настоятеля, какъ того требовалъ монастырскій уставъ, испекъ хлѣбы. По распоряженію игумена они были вывезены изъ монастыря и брошены на большой дорогѣ. Встрѣчались и болѣе сильныя уклоненія отъ монастырскаго устава и болѣе тяжкіе пороки. Инокъ Ананія, сидѣвшій въ часовнѣ съ блюдомъ для принятія приношеній въ пользу обители, сталъ утаивать послѣднія и употреблять въ свою пользу. Онъ также изобличенъ былъ бдительнымъ старцемъ.

Строгость преподобнаго создала много недовольныхъ имъ среди братіи и слугъ монастырскихъ. Нашлись злые люди, которые рѣшились покуситься даже на жизнь строгаго игумена. Это были два брата — нарядчики рабочихъ. Нѣсколько разъ они прятались подъ мостомъ чрезъ рѣку Нурму, подстерегая святаго, чтобы исполнить свой злой умыселъ; но каждый разъ у нихъ не хватало рѣшимости, такъ что, наконецъ, они, мучимые совѣстію, рѣшились исповѣдать предъ игуменомъ грѣхъ свой.

Подобнаго рода нестроенія монастырской жизни, можно думать, и были причиною удаленія изъ монастыря отягченнаго трудами старца. Въ одинъ разъ онъ „призываетъ къ себѣ весь ликъ своея ограды, избра отъ нихъ дванадесять ученикъ своихъ и тѣмъ вручаетъ монастырское строеніе, прося отъ нихъ отпущенія... И взятъ мало отъ братій, отъиде вдали отъ монастыря, яко поприщъ семдесятъ, на мѣсто пусто, зовомо Сурское озеро, на лѣсъ, близь Костромы рѣки... Братія же совѣтъ сотвориша, послаша нѣкіихъ отъ братіи къ отцу своему, моли его, дабы не оставилъ чадъ своихъ сирыхъ... Святый же отречеся имъ"...

„Тоя же зимы изволися великому князю Василію Ивановичу шествовати на Бѣло-езеро въ Кирилловъ, со княгинею Еленою, мо-

---

[27] Уставъ этотъ напечатанъ въ Исторіи россійской іерархіи, т. IV, стр. 673—704.

лити Господа Бога, во еже дароватися имъ чадородію, въ наслѣдіе роду самодержавства ихъ“ [28]. Проѣздомъ великій князь заѣзжалъ и въ Корнильевъ монастырь и служилъ тутъ молебенъ. „Послѣди же вопрошаше братію, коея ради вины Корнилій отъиде въ пустыню?— „Любве ради Христовы“, отвѣчала братія и молила самодержца „понудить“ отца своего возвратиться къ нимъ. „Самодержавный послуша моленія ихъ, посла своего посланника въ пустыню ко старцу Корнилію и повелѣ ему быти въ монастырь свой и ждати себе, дондеже возвратится изъ Кириллова. Самъ даде братіи милостину довольну и учредивъ брашны, пойде въ Кирилловъ“.

На возвратномъ пути, въ Вологдѣ, онъ встрѣченъ былъ старцемъ Корниліемъ: „князь радовашеся вельми о пришествіи старца, почте его, бесѣдова съ нимъ, и моли его о семъ, да молитъ Господа Бога, во еже дароватися ему чадородію въ наслѣдіе роду и отпусти его въ монастырь. Возвращаясь въ Москву, въ Корниліевѣ монастырѣ князь снова встрѣтился со старцемъ Корниліемъ и просилъ его „пребывати въ монастыри“. Но онъ, „предлагая старость и немощь, глаголя и моляше великаго князя, да отпуститъ его въ пустыню плакатися грѣховъ своихъ“. Князь же, „вѣдый добродѣтельное и трудолюбивое житіе его, положи на воли его, и даде ему милостину довольну, и тамо повелѣ ему и сущимъ съ нимъ давати на пропитаніе оброчный хлѣбъ, въ монастырь же даде братіи десять рублевъ и... прочее касашеся пути“.

„Корнилій же отъиде въ пустыню. Собрашеся къ нему братіи, числомъ пять и постави келей мало и потомъ помысли создати церковцу малу“. Съ этою цѣлію, „поимъ съ собою единаго брата и пойде (святый) въ пресловущій градъ Москву молити самодержавнаго всея Россіи и преосвященнаго митрополита, да повелятъ ему создати церковь въ пустынѣ. Въ то же время великому князю Василію Ивановичу, родися сынъ и нареченъ бысть князь Іоаннъ, и о семъ же вельми радовашеся, и отъ радости тоя великія пріиде въ Сергіевъ помолитися... [29]. Блаженному же Корнилію приспѣвшу изъ пустыни въ то время ту. Князь великій радостенъ бысть о пришествіи старца и почте его вельми, и пріимъ благословеніе отъ его, и посылаше его прежде себе въ царствующій градъ Москву, да шедъ благословитъ

---

[28] Въ Воскресенской лѣтописи событіе это отнесено къ 1529 году. Полное собр. русскихъ лѣтописей, VIII, 272.

[29] Ср. полное собр. русскихъ лѣтописей, VIII, стр. 274 (Воскресенская лѣтопись, подъ 7038—1530 г.).

великую княгиню и Богомъ дарованнаго има сына". По возвращеніи, великій князь „призываше блаженнаго всегда къ себѣ на обѣдъ и въ домъ потребная посылая къ ему довольно по вся дни". На просьбу же старца—основать церковь въ пустынѣ, князь отвѣтилъ отказомъ: „помяну моленіе и слезы братіи, еже моляху его въ монастыри—понудити отца ихъ Корнилія пребывати въ монастыри съ ними и сего ради не повелѣ ему въ пустыни церкви созидати, но понуждаше и съ прилежаніемъ, дабы былъ въ прежнихъ своихъ трудѣхъ, во своемъ монастыри со ученики своими. Отцу же нашему тяжко сіе вмѣнися: желаніе бо имяше жити въ пустыни... Скрыся блаженный и пребываше у нѣкоего христолюбца въ тайнѣ мѣстѣ. Князь же великій посла на взысканіе святаго по всему царствующему граду. Святый же, видя о себѣ взысканіе веліе, отъиде въ предиреченную обитель Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря. Слышано же бысть великому князю, яко Корнилій въ Сергіевѣ монастырѣ, преста о взысканіи святаго. Послѣди, приспѣвшу празднику св. Богоявленій, пріиде боголюбивый князь въ Сергіевъ монастырь помолитися и паки понуждаше святаго съ великимъ прилежаніемъ идти въ свой монастырь. Старецъ же положи на волю Божію и повинуяся ему. Государь же радъ бысть и въ той часъ посла въ Корнильевъ монастырь, повелѣ монахомъ быти, да молятъ старца Корнилія, еже не оставити ихъ. Не по мнозѣхъ днѣхъ пріидоша монаси и молиша его... Корнилій же съ ими иде къ государю и проси отпущенія въ монастырь свой. Много обрадовашеся благочестивый князь великій о семъ и глагола святому: отче, яко отнелиже сотворивъ монастырь, не имѣеши селъ и деревень, но ихъ же требуеши, проси и дамъ ти. Старецъ же не восхотѣ просити ничтоже, но токмо моли его дати близъ монастыря земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой. Князь же великій землю съ лѣсомъ и елика привнидоша близъ монастыря деревни и починки и со всяцѣмъ угодіемъ вдаде, рекъ, сице глаголя: аще у нихъ кто въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жительствовати священници, діакони и ихъ христіане, не надобе имъ моя, великаго князя, дань всяческая, и ни который побирчій у нихъ не беретъ ничтоже, и съ чернію не тянутъ во всякіе разметы... И сія изрекши, писаніемъ утверди съ красною печатью. И пріимъ благословеніе, отпусти его съ миромъ, глаголя: моли, отче, Бога о нашемъ здравіи. Вдаде же ему, боголюбецъ, вся, еже путеви потребная къ симъ же и милостину довольну".

По пришествіи въ монастырь, старецъ былъ встрѣченъ братіею съ великою радостію: „овіи отъ нихъ руцѣ его лобзаху, овіи ногамъ

касахуся, иніи ризамъ". Игуменъ же Кассіанъ, избранный въ отсутствіе старца „устыдеся отца и остави игуменство".—Въ своемъ монастырѣ святый снова принялся за обычные труды, „лѣсъ сѣкій и нивы пасѣвая". Но здѣсь онъ встрѣтился опять съ обычными невзгодами. Разъ, зажигая хворостъ, онъ едва не сдѣлался жертвою пламени, объявшаго его со всѣхъ сторонъ, и только благодаря внезапно поднявшемуся вѣтру могъ выйти изъ него невредимъ. Святый снова здѣсь встрѣтился и съ недовольствомъ братіи. Одинъ братъ, по имени Закхей, жаловался на скудость данной ему одежды и пришелъ къ игумену просить новой. Старецъ отдалъ ему свою одежду, а самъ долго ходилъ въ вязаной лыкомъ одеждѣ Закхея. Все это болѣе и болѣе удручало старца, заставляя его сильнѣе чувствовать давно уже наступившую старость: „по сихъ, видѣ себе старостію прекланяема и недугомъ отягчаваема и къ концу приближающася, братіи же число прибавляюще и требующе поученія отъ его, оставль монастырь и все строеніе и отъиде въ свое постриженіе, въ Кирилловъ монастырь... и затворися ту въ келіи, да скончаетъ теченіе духовнаго подвига. Ученици же его послаша старѣйшихъ пяти съ великимъ моленіемъ ко отцу своему, дабы ихъ не остави сирыхъ, да возвратився во свой монастырь безмолвствуетъ". Придя туда, Корнильевскіе старцы просили присоединиться къ себѣ игумена и братію Кирилловскихъ и всѣ купно „молиша преподобнаго утѣшити братію, да не како стуживъ си разыдутся. Блаженный же, немогій преслушатися ихъ, рекъ имъ, глаголя: поставите себѣ игумена и азъ возвращуся къ вамъ. Они же рѣша: но рцы, отче, его же хощеши? И глагола имъ: Лаврентій да будетъ игуменъ. Братія едва умолиша Лаврентія и поставиша его игуменомъ. Лаврентій совѣтъ сотвори съ братіею и иде въ Кирилловъ ко преподобному и моли его, о еже не оставити ихъ, чадъ своихъ, сирыхъ". Блаженный „не презрѣ моленія ученикъ своихъ" и возвратился въ свой монастырь. Здѣсь, вручивъ игуменство брату Лаврентію, самъ же „крайнее безмолвіе любомудрствовати начатъ, затворися въ келіи".

Въ то время случилось нашествіе безбожныхъ татаръ на Вологодскіе предѣлы [30], сопровождавшееся обычными бѣдствіями для жителей. „Отъ нашествія поганыхъ не токмо мірская чадь, но и монастыри разбѣгошася. Братія же повѣдаша блаженному, онъ же глагола имъ: сотворимъ человѣческое — бѣжимъ и мы... и уклонися въ

---

[30] Ср. полное собраніе русскихъ лѣтописей, VIII, стр. 291 (Воскресенская лѣтопись, подъ 7044 (1536) г.

предѣлы Бѣлоезерскіе, на Ухтому". Монастырь, однако, остался цѣлъ и рука вражая не коснулась его. Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ монастырь преподобный преставился, въ 1537 (7045) году, 19 мая, „егда пріиде на мѣсто то четыредесяти и едино лѣто и собра множество братій, бѣ же ихъ яко девятидесяти, и пожи всѣхъ лѣтъ осмдесятъ двѣ лѣтъ".

Преемникъ его по игуменству Лаврентій былъ достойнымъ своего великаго учителя. Біографъ между прочимъ замѣчаетъ о немъ, что онъ „многи книги написа рукою своею".

Въ заключеніе своего труда біографъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о другомъ ученикѣ Корнилія, преподобномъ Геннадіи Любимскомъ. Послѣ долголѣтняго пребыванія подъ руководствомъ своего учителя, Геннадій сталъ проситься у него въ пустыню, чтобы ему самому создать обитель. Долго не соглашался на это старецъ, говоря просившемуся „не можеши мѣста того строити, безкнижну ти сущу", но наконецъ уступилъ усиленной просьбѣ. Геннадій ушелъ въ Любимскіе предѣлы и создалъ „монастырь чуденъ".

Обратимся къ иноческимъ воззрѣніямъ преподобнаго Корнилія, выраженнымъ въ его уставѣ.

Преподобный Корнилій жилъ въ то время, когда русское иночество въ устройствѣ своей жизни руководилось не одними уже восточными преданіями, но и законоположительными уставами своего русскаго происхожденія. Въ его время существовали двѣ школы русскаго подвижничества. Одна изъ нихъ влекла свое начало отъ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, устроителя и законоположника иноческаго общежитія, и въ устройствѣ монашеской жизни старалась руководиться строгимъ исполненіемъ устава, *практически* опредѣлявшаго каждый шагъ иноческой жизни.

Другая школа имѣла своимъ родоначальникомъ устроителя и законоположника русскаго скитничества, преподобнаго Нила Сорскаго, съ его возвышенно-созерцательной системой иноческихъ подвиговъ. Естественно ожидать, что преподобный Корнилій, какъ послѣдующій устроитель монастырской жизни, станетъ въ такомъ или иномъ отношеніи къ первымъ законодателямъ русскаго иночества. Дѣйствительно, уставъ Корнилія имѣетъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ трудамъ первыхъ законоположниковъ сѣверно русскаго подвижничества. Какъ постриженникъ Кириллова монастыря, преподобный Корнилій не могъ, конечно, не познакомиться съ новой системой иноческихъ воззрѣній Сорскаго аскета, не разъ избиравшаго мѣстомъ своихъ подвиговъ обитель постриженія Корнилія. Достаточно бѣглаго сопостав-

ленія уставовъ Нилова и Корниліева, чтобы видѣть несомнѣнные слѣды вліянія перваго на послѣдній.

Предисловіе устава Нилова. „Вседѣйствіемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Пречистыя Его Матери Богородицы споспѣшеніемъ, написати писаніе душеполезно себѣ и о Господѣ братіямъ моимъ приснымъ, яже суть моего права..

И понеже мноци благоговѣйніи братія приходятъ ко мнѣ, хотяще жительствовати у насъ и азъ на мнозѣ отрицаюся, понеже грѣшенъ есмь человѣкъ и неразумѣнъ, и тѣломъ немощенъ; отвращаеми же отъ мене, не оставляютъ мя почити, ниже стужаютъ мнѣ, и сего ради смущенія бываютъ намъ. И смотрихъ се, аще есть воля Божія, да иже пріидутъ къ намъ“...

Предисловіе устава Корнилія. „Благословеніемъ и вседѣйствіемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистыя Матери Его споспѣшеніемъ написахъ писанія душеполезна себѣ и о Господѣ братіи моей приснымъ... И понеже мнози человѣци и мірстіи приходятъ къ намъ, хотяще пострищися, азъ же грѣшенъ и неразуменъ человѣкъ есмь, и душею и произволеніемъ немощенъ, приходящихъ ко мнѣ принимаю и постризаю. Такожде нѣцыи братія отъ инѣхъ монастырей приходятъ, хотяще жительствовати съ нами и сихъ убо пріемлю, не начальствовати убо желая, отъ десныхъ же боюся, егда како украдаемь есмь и смотрихъ се, аще есть воля Божія“...

Однако, какъ ни сильны слѣды этого вліянія, было бы ошибочно считать его исключительнымъ. Дѣло къ томъ, что уставъ Нила очень близко соприкасается со скитскимъ устройствомъ его обители и уже потому одному не могъ быть вполнѣ пригоденъ для общежительной обители Корнилія. Поэтому, хотя воззрѣнія перваго законопожника сѣверно-русскаго общежитія существенно отличаются отъ созерцательной системы аскета-скитника, на которой, вѣроятно, воспитывался преподобный Корнилій, но тѣмъ не менѣе ему, какъ послѣдующему устроителю монастырскаго общежитія, пришлось позаимствовать изъ этихъ воззрѣній много. Впрочемъ, можно усматривать и другія побужденія къ подобнаго рода заимствованіямъ. Воззрѣнія Сорскаго аскета, явившіяся плодомъ глубокаго изученія души человѣческой и аскетическихъ твореній восточныхъ подвижниковъ, по причинѣ своей возвышенности, могли быть доступными далеко не для всѣхъ русскихъ иноковъ. Время то въ исторіи религіознаго просвѣщенія было у насъ, по выраженію аскетовъ-скитниковъ, все еще временемъ „внѣшняго моленія“, когда „умное дѣланіе“, которое они проповѣдывали,

было понятно очень немногимъ. Для тогдашнихъ русскихъ иноковъ необходима была, поэтому, болѣе простая и понятная система иноческихъ воззрѣній, которая и излагается въ уставѣ преподобнаго Іосифа. Этимъ и можно объяснить ту двойственность вліяній, вліяній существенно-различныхъ, которую мы замѣчаемъ въ уставѣ Корнилія. Введеніе этого устава, какъ мы видѣли, часто съ буквальностію повторяетъ предисловіе устава Нилова. Здѣсь содержатся общія наставленія игумена братіи и перечисляются иноческія добродѣтели, каковыми должны быть: взаимное согласіе и послушаніе, другъ ко другу любовь, стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, скорбь о безплодномъ мимошедшемъ лѣтѣ, стремленіе къ отечеству небесному, память о смертномъ часѣ и вѣчныхъ мукахъ и т. п. Все это сильно напоминаетъ воззрѣнія Сорскаго подвижника. Что же касается дальнѣйшаго содержанія устава, то здѣсь, при несомнѣнности вліянія Нила, сказывается и другаго рода вліяніе—аввы Іосифа. Чтобы яснѣе судить о силѣ этого послѣдняго вліянія сдѣлаемъ сопоставленія того и другаго устава [31].

„Аввы Іосифа отъ божественныхъ писаній о жительствѣ, общежительнѣмъ словеса къ своимъ его ученикомъ“.

Глава I.

„О соборнѣй молитвѣ“.

„Подобаетъ убо намъ прежде всего показати всяко тщаніе и подвигъ, яко вся въ общемъ житіи благообразно и по чину да бываютъ; изряднѣе же всего чинъ церковныхъ службъ, яко да не что сущихъ въ уставѣ мало или велико по нѣкоей винѣ презрится, но да хранится церковныя службы чинъ же и устроеніе и не преткновенно и непреложно, яко

„Уставъ или правила о жительствѣ, отъ святыхъ божественныхъ писаній избранна, о устроеніи преданныхъ намъ образъ отъ св. отецъ во спасеніе душамъ и писаніемъ вданнъ сущимъ о Христѣ братіямъ моимъ, во обители Пресвятыя Богородицы, честнаго ея Введенія, въ ней жительствующимъ“ (пр. Корнилія).

Глава I.

„О церковномъ благочиніи и о соборной молитвѣ“.

„Изряднѣе же чинъ церковныя службы, якоже повелѣваютъ божественныя писанія, потщимся творити, яко да купно, егда клепа-

[31] Уставъ Корнилія цитуется здѣсь по ркп списку въ сборникѣ Вологодскаго каѳедральнаго собора № 3, л. 1—20, а уставъ Іосифа—по ркп. Соловецкой библ. № 325, л. 3 и слѣдующіе.

да отъ св. отцевъ предадеся намъ.. Сего ради прежде потщимся о семъ, яко да купно, егда клепаніе возгласитъ, то вся, иже въ рукахъ нашихъ обрѣтшася, вскорѣ отметнемъ и съ тщаніемъ множемъ и усердіемъ потецемъ къ божественному красному пристанищу церковному... Иже бо прежде пріидетъ, той прежде и милости сподобится отъ Господа Бога. Ибо къ земному царю аще кто приходитъ прежде и пребываетъ стоя или сѣдя у палаты; всегда ожидая происхожденія царева, и коснитъ и медлитъ всегда, тако творя и любимъ бываетъ царемъ...

ніе возгласитъ, тогда вся, иже въ рукахъ нашихъ обрѣтающаяся, отметнемъ и со тщаніемъ и усердіемъ потецемъ въ началѣ пѣнія обрѣстися и никому же умедлити; иже бо кто прежде пріидетъ, той прежде и милости сподобится отъ Господа Бога; и елико пребываеши въ соборѣ и ожидая, и толико благодати отъ Бога сподобишися. Ибо къ царю земному, аще кто приходитъ прежде и пребываетъ стоя или сѣдя у палаты, всегда ожидая происхожденія царева, и коснитъ и медлитъ всегда, тако творя и любимъ бываетъ царемъ...

Далѣе, для краткости будемъ сопоставлять одни только заглавія, болѣе подробно останавливаясь на особенностяхъ устава Корнилія.

Уставъ Іосифа.	Уставъ Корнилія.
Глава II.	Глава II.
„О пищи и питіи“.	„О благоговѣйнствѣ и благочиніи трапезномъ и о пищѣ и о питіи“.
Глава III.	
„О еже не бесѣдовати на трапезѣ“.	„Указъ о ястіяхъ и питіяхъ“.
Глава IV.	
„О одеждахъ и обущахъ“.	„О еже не подобаетъ никому ясти и пити, кромѣ общія трапезы—безъ благословенія.
Глава V.	
„О святыхъ иконахъ и о книгахъ“.	„О одеждахъ и обущахъ и о прочихъ вещѣхъ“.

Глава VI.

„О еже не бесѣдовати по навечерници“.

„О еже не просити никому, что отъ внѣшнихъ мірскихъ или инокъ“.

Глава VII.

„О еже не подобаетъ исходити инокомъ внѣ обители безъ благословенія“.

„О еже не имѣти особнаго стяжанія никому ничего“.

Глава VIII.

„О еже подобаетъ потщатися всякому на соборное дѣю“.

„О еже не взимати кому ничтоже нигдѣ же безъ благословенія игумена и келаря“.

Глава IX.

„О еже не подобаетъ быти въ обители питію, отъ него же піанство бываетъ“.

„О еже не проходити кому безвременно въ трапезу и въ служебныя келіи“.

Глава X.

„О еже не подобаетъ въ обители жити отрочатомъ“.

„О еже вкупѣ братіямъ, сходящимся на дѣло кое, подобаетъ творити съ молчаніемъ и съ молитвою“.

Глава XI.

„О еже не подобаетъ въ обители женскому полу входити“.

„О еже не подобаетъ изъ монастыря по плоти къ своимъ или инудѣ кудѣ безъ благословенія исходити“.

Этой главой уставъ аввы Іосифа кончается. Далѣе продолжаются цитаты устава одного Корнилія.

Глава XII.

„О еже не принимати братіямъ милостины себѣ по рукамъ ни отъ кого“.

Глава XIII.

„О еже не быти питію піанственному ни отъ кого".

Какъ будто въ первоначальномъ своемъ видѣ уставъ этой главой и оканчивается. Въ заключеніи этой главы читаемъ: „вся же, яже въ писаніи семъ, написахъ недостойный моею рукою азъ инокъ грѣшный Корнилій и предахъ братіи моей, въ мѣстѣ семъ постригшимся, да и по смерти моей тако творима будутъ. Молю же вы, братіе, поживите въ братолюбіи, любовь имѣйте истинную и миръ отъ сердца и Богъ мира да будетъ съ вами. Аминь".—Но послѣдующій опытъ указалъ старцу предметъ еще для двухъ главъ его завѣщанія.

Глава XIV.

„О приходящихъ братіяхъ и хотящихъ въ мѣстѣ семъ по смерти моей жити, имущихъ же стяжанія особная".

Здѣсь Корнилій завѣщаетъ братіи слѣдущее: имѣющаго стяжаніе „примите научитися ему на лѣто единс. А еже имать стяжаніе свое особное—вся сія скажетъ настоятелю: что есть и гдѣ стоитъ, и аще будутъ съ нимъ и онъ вся поставитъ въ монастырской казнѣ за своею печатію (кромѣ иконъ, книгъ, одежды и обуви, которыя позволялось имѣть при себѣ). Аще пребудетъ лѣто едино и Господь укрѣпитъ его и восхощетъ прочее съ вами по преданію нашему пожити и онъ, еже имать стяжаніе свое излишнее, все раздастъ, аможе хощетъ, на пользу души, себѣ же въ соблюденіе не оставитъ ничего. Аще ли по лѣтѣ ономъ на лучшее не пріидетъ и тако пожити не хощетъ, таковаго отъ монастыря съ миромъ отпустите со всѣмъ его стяжаніемъ".

Глава XV.

„О исходящихъ изъ монастыря и паки возвращающихся братіяхъ нашихъ".

„Слышахъ азъ самъ, пишетъ въ этой главѣ Корнилій, иже отъ мене постригшихся многихъ глаголющихъ: нынѣ намъ Корнилій возбраняетъ и не даетъ по волѣ своей пожити, а егда умретъ, мы перейдемъ въ свой монастырь и по воли нашей поживемъ, якоже хощемъ. И вы, братіе, таковыхъ бойтеся и не принимайте ихъ въ монастырь, ибо не хотятъ они жити по преданію, якоже писахъ вамъ. Аще ли вогнѣздятся лицемѣріемъ въ монастырь и начнутъ свою волю составляти, вы же таковыхъ скоро изъ монастыря ижжените, донели же вкоренится злоба, да не разорятъ устава и чина сего".

Таковы иноческія воззрѣнія преподобнаго Корнилія. Онѣ, какъ мы видѣли, представляютъ изъ себя нѣкоторое сочетаніе воззрѣній Нила и Іосифа, съ явнымъ, впрочемъ, обладаніемъ первыхъ. Такъ, въ основномъ своемъ взглядѣ на иночество преподобный Корнилій ближе подходитъ къ воззрѣніямъ Нила. Инокъ, человѣкъ не отъ міра сего, для котораго имѣютъ особенное значеніе слова: „пришельцы есми здѣ и пресельници... Того ради подобаетъ намъ пещися о ономъ, еже по смерти, житіи, воздвизая совѣсть къ лучшему и сохраняя отъ небреженія злаго житія“. Заповѣдь иноческой нестяжательности также выступаетъ здѣзь гораздо сильнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ уставѣ Іосифа. Раскрытію ученія о нестяжательности, какъ мы видѣли, посвящено нѣсколько главъ въ уставѣ Конилія. Такъ, въ VI главѣ подвижникъ заповѣдуетъ братіи „о еже не просити никому что отъ внѣшнихъ мірскихъ или инокъ“. Здѣсь, между прочимъ, инока, недовольнаго чѣмъ-либо монастырскимъ и говорящаго: „самъ испрошу отъ своихъ ми“, подвижникъ изобличаетъ слѣдующими рѣзкими словами: (таковый) „слѣпъ страстію, хвалитъ свою погибель. Таковіи блудолюбцы и тщеславници язва посредѣ братіи и соблазнъ“. Въ VII главѣ — „о еже не имѣти особнаго стяжанія никому ничего“—содержится завѣщаніе преподобнаго „ошаятися сребролюбіе и ризнаго украшенія и вещепристрастія“. Подобныя же мысли въ VIII и XII главахъ. Но особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи XIV глава, въ которой подвижникъ даетъ наставленіе „о приходящихъ братіяхъ, имущихъ стяжанія особная“. Повелѣвая принимать такихъ „на лѣто едино“ ради монашескаго искуса, преподобные заповѣдуетъ относительно ихъ стяжанія объявить настоятельно: „что есть и гдѣ лежитъ, и аще будутъ съ нимъ и онъ вся поставитъ въ монастырской казнѣ за своею печатію“. Если послѣ искуса прищельцы пожелаютъ принять постриженіе, то должны раздать стяжаніе свое, „аможе хощутъ на пользу души“, а если пожелаютъ возвратиться въ міръ, то братія должны отпустить ихъ „со всѣмъ стяжаніемъ“.

Итакъ, заповѣдь иноческой нестяжательности послѣдовательно проходитъ чрезъ весь уставъ Корнилія и по духу его содержанія гораздо болѣе сближаетъ его съ уставомъ Ниловымъ. Иноческія воззрѣнія этихъ двухъ подвижниковъ согласуются еще по нѣкоторому, однородному съ симъ вопросу, имѣвшему тогда особенно важное значеніе, вопросу о монастырскихъ вотчинахъ. Подобно Нилу, Корнилій не заботился о пріобрѣтаніи вотчинъ для своей обители, напротивъ, избѣгалъ ихъ. Сохранилось извѣстіе, что онъ продалъ монастырскую землю въ Пошехонскомъ уѣздѣ, подаренную его монастырю княземъ

Симсономъ Шелешпанскимъ [32]). Когда великій князь предложилъ ему села и деревни въ пользу монастыря, то онъ просилъ лишь утвердить за монастыремъ землю, находящуюся кругомъ монастыря, „да въ потѣ лица своего снѣси хлѣбъ свой". И только настойчивость князя заставила его принять дарственную грамоту.

Все это даетъ мѣсто заключенію, что вліяніе воззрѣній Нила Сорскаго на преподобнаго Корнилія гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе аввы Іосифа. Первое касается самыхъ существенныхъ пунктовъ воззрѣній Корнилія, относится къ внутренней сторонѣ его ученія, а послѣднее простирается, главнымъ образомъ, на первыя пять главъ устава Корнилія, гдѣ говорится о соборной молитвѣ, о пищѣ и питіи, объ одеждѣ и обуви, однимъ словомъ, касается внѣшней стороны жизни и благоповеденія иноковъ.

Намъ остается сдѣлать еще біографическій очеркъ нѣкоторыхъ святыхъ, позднѣйшихъ по времени своей жизни.

Въ концѣ XV вѣка въ городѣ Устюгѣ подвизался подражатель блаженнаго Прокопія—юродивый Іоаннъ. Житіе его [33]) имѣетъ нѣкоторое литературное родство съ житіемъ Прокопія, но въ историческомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ превосходитъ его. Біографъ въ своемъ предисловіи замѣчаетъ, что оно написано со словъ очевидцевъ святаго: „распытывалъ древнехъ старецъ, вѣдущихъ о житіи блаженнаго, наипаче слышахъ у отца моего и стрыя моего, бѣ бо жителіе града того Устюга... отецъ мой имѣлъ (тогда) санъ священства (у соборной церкви; впослѣдствіи онъ сдѣлался игуменомъ Солевычегодскаго Борисоглѣбскаго монастыря), „сподоби его Богъ видѣти таковаго благовѣстника и погребстя тѣло его съ прочими священники, а въ животѣ его видѣхъ". Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія въ концѣ сдѣлана такая приписка: „҂зѯк (1554) списано бысть сіе житіе... въ пресловущемъ градѣ Устюзѣ... по благословенію отца моего игумена Діонисія, при державѣ царя Іоанна Васильевича, при митрополитѣ Макаріѣ, при архіепископѣ Ростовскомъ Никандрѣ (1543—1567) и епископѣ Вологодскомъ и Пермскомъ Кипріанѣ" [34]).

---

[32] Юридическіе акты, стр. 121.

[33] Списки: ркп. Соловецкой библіотеки №№ 221 и 222—житія Прокопія и Іоанна Устюжскихъ. Начало: „Тайну цареву достоитъ хранити".

[34] А. Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, стр. 518. Вмѣстѣ съ житіемъ Прокопія и это житіе подверглось сильной порчѣ, хотя и въ меньшей степени. Здѣсь, повидимому, эта порча коснулась только отдѣла о чудесахъ. Сравнивая послѣднія чудеса обоихъ житій въ распространенныхъ ре-

„Во градѣ Устюзѣ, объ онъ полъ рѣки, глаголемыя Сухоны, близъ монастыря, иже есть на Гледенѣ, идѣже былъ старый градъ Устюгъ“... есть село Пухово. Въ одно время тутъ жилъ нѣкій землевладѣлецъ Савва съ женою Наталіей. Это были родители блаженнаго Іоанна, который былъ вторымъ ихъ сыномъ (первый—Иродіонъ). Впослѣдствіи они переселились „въ Устюжскую весь, во градъ, зовомый Орловъ“, на рѣкѣ Югѣ, въ тридцати поприщахъ отъ Устюга. Отецъ блаженнаго здѣсь скоро умеръ, а мать постриглась въ женскомъ Троицкомъ монастырѣ, въ Орловѣ. Іоаннъ нѣкоторое время былъ при ней, а потомъ, испросивъ ея благословеніе, „изъ Орлова града шествуетъ ко гробу преподобнаго Прокопія“. Придя въ Устюгъ, онъ поселился близъ соборныя церкви и церкви блаженнаго Прокопія, „въ нѣкоей хижицѣ, юже постави нѣкій христолюбецъ, Андрей, рекомый Мишневъ“. Здѣсь онъ и началъ свои подвиги юродства, описаніе которыхъ въ житіи близко напоминаетъ описаніе такихъ же подвиговъ Прокопія. Онъ ходилъ по городу и по улицамъ „рыщущи грунцею“; мѣстомъ его успокоенія были „гноища и сметьища“; „ризъ и власяницы на тѣлѣ своемъ не имяше, токмо имѣя одинъ плащъ рубища раздралъ, а иногда ношаше срачицу черну, никогда не омовену. Нѣцыи безумніи человѣци невѣгласы окаяннiи поношаху ему, и укоряху, и пхаху, и біяху, на лице его плеваху. Нагъ зимою умираше, а отъ солнца зноемъ изгараше“. Добровольный страдалецъ преставился въ 1494 году (7002).

Въ первой половинѣ XVI вѣка въ городѣ Тотьмѣ подвизался преподобный Ѳеодосій. Житіе его [35]) представляетъ собою двѣ ре-

---

дакціяхъ нельзя не признать, что авторъ ихъ одно и тоже лицо. Нѣкоторыя чудеса этихъ редакцій въ однихъ спискахъ отнесены къ житію Іоанна (напримѣръ, чудо о разслабленномъ Викулѣ—въ Соловецкихъ спискахъ), а въ другихъ—къ житію Прокопія (списокъ библіотеки Ундольскаго, № 326). Сходство обоихъ житій и встрѣчающееся въ житіи Іоанна выраженіе: „его-же (Прокопія) чудеса и прощеніе въ писаніи его сказа, о семъ же св. Иванѣ паки начнемъ писати“— навело проф. Ключевскаго на мысль, что списатель житій обоихъ юродивыхъ— одно лицо (стр. 277). Но, очевидно, тутъ ничто не поддерживаетъ предположенія ученаго профессора. Приведенное замѣчаніе, какъ можно видѣть изъ содержанія житія, относится къ чуду иконы Одигитрія, взятой отъ гроба блаж. Прокопія и перенесенной къ Соли-Вычеподской, гдѣ былъ игуменомъ отецъ списателя житія Іоанна.

[35] Списки—въ рукописяхъ библіотеки Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря. Два списка одной редакціи, краткой начинаются такими словами: „сей преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій родился во дни благочестивыя державы государя и великаго князя Василія Іоанновича“. Одинъ списокъ распространенной

дакціи, изъ которыхъ распространенная относится къ 1662 году, что можно видѣть изъ ея предисловія: „(житіе) написано бысть при державѣ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича... въ лѣто отъ созданія міра 7170, а еже по плоти Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1662“. По поводу источниковъ списатель замѣчаетъ, что онъ вопрошалъ о житіи и чудесахъ святаго „отъ древнихъ старецъ“ и нашелъ „помалу написанія о немъ, ово въ тетрадѣхъ, ово же яко въ свитцѣхъ“. Это—самая обыкновенная, полная реторическихъ украшеній и скудная фактами біографія. Въ послѣднемъ отношеніи она нисколько не отличается отъ болѣе простой и краткой другой редакціи, составленной въ концѣ XVIII или началѣ XIX вѣка [36]).

Преподобный Θеодосій родился въ княженіе Василія Іоанновича, въ городѣ Вологдѣ. Отецъ его назывался Юліаномъ и происходилъ изъ рода Сумориныхъ. По достиженіи возраста, онъ вступилъ въ бракъ и имѣлъ дочь Марину. Скоро обстоятельства его жизни измѣнились: родители его умерли, умерла, вѣроятно, и жена, а самъ онъ принялъ постриженіе въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ. Послѣ нѣкотораго пребыванія здѣсь, онъ, по волѣ игумена, долженъ былъ отправиться въ городъ Тотьму для надзора за соловаренными заводами, принадлежавшими Прилуцкой обители. Θеодосій полюбилъ этотъ городъ и въ одной изъ пустынныхъ его окрестностей задумалъ основать свой монастырь. Къ этому побуждали его и жители Тотьмы, не имѣвшіе вблизи себя монастыря. Мѣстомъ для созданія монастыря онъ избралъ высокій, окаймленный лѣсомъ мысъ, образуемый теченіемъ двухъ маленькихъ притоковъ рѣки Сухоны Ковды и Песьей Деньги. Это мѣсто принадлежало вдовѣ Марьѣ Григорьевнѣ Истоминой, которая охотно уступила его въ пользу монастыря [37]). Въ 1554 году Θеодосій предпринялъ путешествіе въ Москву къ царю и митрополиту съ челобитною отъ жителей города Тотьмы, содержаніе которой передается въ дар-

---

редакціи начинается свѣдѣніями „о составленіи житія и предивныхъ чудесъ преподобнаго отца нашего Θеодосія“.

[36] Ключевскій. Указ. соч., стр. 349.

[37] Объ этомъ сообщаетъ одна древняя хартія слѣдующаго содержанія: „се азъ Марья, Григорьева дочи, а Истоминская жена да съ дѣтьми: съ Θеодоромъ да съ Петромъ да со внукомъ—Ивановымъ сыномъ приданово дали старцу Θеодосію Суморину, отъ отца своего благословеніе, пустошь Самакинскую на Песьѣ деньгѣ и на Ковдѣ со всѣмъ угодьемъ.... и дали есма на монастырское строеніе. Лѣта 7061 (1553), августа въ десятый день“.

ственной грамотѣ послужившей отвѣтомъ на эту челобитную. „Се азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ... били челомъ Тотмичи посадскіе люди... въ томъ, что де на Тотьмѣ и во всемъ Тотемскомъ уѣздѣ монастыря нѣтъ, и кто де ихъ при старости и при смерти захочетъ пострищись—негдѣ, и въ томъ-де имъ бываетъ нужда великая. И хощетъ-де у нихъ на Тотьмѣ церковь воздвигнути и монастырь строити собою и въ томъ монастыри строительствовати старецъ Ѳеодосій Суморинъ: и мнѣ старца Ѳеодосія пожаловать и освободить ему воздвигнути церковь Преображенія и игумена или чернаго попа и діакона къ той церкви поставить служити и монастырь соорудить между Ковдою и Песьею-деньгою и велѣти мнѣ отцу своему Макарію митрополиту благословити (его) въ томъ монастырѣ строительствовати“ [38]), Всѣ эти просьбы были удовлетворены и Ѳеодосій, по возвращеніи изъ Москвы, принялся зо сооруженіе обители. На обратномъ пути онъ завернулъ въ обитель своего постиженія, изъ которой, между прочимъ, взялъ икону Богоматери для своей предполагавшейся церкви. Соорудивъ обитель, Ѳеодосій составилъ общежитіе. Вскорѣ онъ испросилъ новую жалованную грамоту у царя Ивана Васильевича, въ которой значится слѣдующее: „нынѣ, билъ челомъ Ѳеодосій, въ томъ (основанномъ имъ) монастырѣ священникъ черной да шесть чернцовъ, а приходу и доходу у его монастыря нѣтъ ни котораго, да кормятся де они сѣкутъ дрова, да у соли продаютъ, а опричь-де имъ дровъ пропитатися нечѣмъ и въ томъ-де имъ нужда великая и впредь имъ прожити не мочно и мнѣ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ на Тотьмѣ у соли труба садити и соли варити безоброчно и изъ тое трубы соль на Тотьмѣ продавати“ [39]), на что и послѣдовало государево соизволеніе. Впослѣдствіи Ѳеодосій на монастырской землѣ выстроилъ мельницу и пріобрѣлъ угодья. Кромѣ устройства своего монастыря, онъ, съ благословенія архіепископа Ростовскаго, возобновилъ пустынь, устроенную нѣкогда старцемъ Ефремомъ и составилъ при ней общежитіе [40]). Въ свободное отъ трудовъ время онъ предавался аскетическимъ подвигамъ: вериги его и желѣзная шапка, которую онъ носилъ подъ кукулемъ, хранящіяся въ его обители, поражаютъ своею массивностію. Онъ преставился въ 1568 году. Предъ смертію онъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ имущество свое главнымъ образомъ расписалъ по разнымъ монастырямъ, на поминъ своей души. Мощи его

---

[38] Исторія россійской іерархіи VI/I, 413—414.

[39] Ibidem, стр. 218 и слѣд.

[40] Ibidem, IV, 88.

были обрѣтены спустя 228 лѣтъ послѣ преставленія. По обрѣтеніи мощей совершилась и его канонизація въ царствованіе императора Павла Павловича.

Въ числѣ позднѣйшихъ Вологодскихъ подвижниковъ мы встрѣчаемъ двухъ преподобныхъ князей: Игнатія Прилуцкаго и Галактіона Вологодскаго.

Біографъ преподобнаго Игнатія, называющій себя именемъ Прилуцкаго инока Логгина, по словамъ проф. Ключевскаго, „въ краткой повѣсти, чуждой реторическихъ украшеній, сообщилъ немногія свѣдѣнія о князѣ и чудесахъ его до половины XVI вѣка“ [41]).

„Сей благовѣрный великій князь Іоаннъ родился отъ благовѣрнаго князя Андрея Васильевича Угличскаго, сына великаго князя Василія Васильевича и благовѣрныя княгини Елены“ [42]). Но въ числѣ сыновей Василія Василіевича было два Андрея Васильевича, — который изъ нихъ былъ родителемъ преподобнаго, по замѣчанію біографа, не извѣстно.

„Въ лѣто 6970 (1462) сѣде на великомъ княженіи Московскомъ, по смерти отца своего Василія Васильевича, сынъ его Іоаннъ Васильевичъ. А князю Андрею Василіевичу, брату своему, даде градъ Угличъ. У Андрея Васильевича Угличскаго бяху два сына: князь Іоаннъ Андреевичъ (сей преподобный отецъ нашъ Игнатій) да князь Димитрій Андреевичъ“. Іоаннъ родился въ Лукахъ Великихъ и жилъ при отцѣ въ теченіи тринадцати лѣтъ. „Ненавидай же добра діаволъ положи ненависть великому князю Іоанну Василіевичу Московскому на брата своего князя Андрея Василіевича Угличскаго и чадъ его: на сего князя Іоанна Андреевича и князя Димитрія Андреевича. И

---

[41] стр. 271. Списки житія: ркп. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря №$^{37}/_{36}$; ркп. той же библіотеки №$^{5}/_{4}$—житіе со службою преподобнымъ Димитрію и Игнатію; ркп. житіе Прилуцкихъ подвижниковъ той же библіотеки №$^{4}/_{3}$; ркп. житіе преподобныхъ Димитрія и Игнатія (со службою) библіотеки Димитріевской (Авнежской) церкви; ркп. Императорской публичной библіотеки—въ описаніи Бычкова, § 27, стр. 98. Послѣдній списокъ представляетъ собою незначительную передѣлку остальныхъ. Общее начало: „сей благовѣрный великій князь Іоаннъ родися отъ благовѣрнаго и христолюбиваго князя Андрея Васильевича Угличскаго“.

[42] Относительно родителей преподобнаго князя дѣлается слѣдующее замѣчаніе въ послѣсловіи житія: „пѣцыи глаголютъ, яко быти сему преподобному племяннику родному царю Іоанну Васильевичу, но нѣсть тако. Понеже царь Іоаннъ Васильевичъ имѣяше брата родного единаго Юрія Васильевича“.

повелѣ ихъ поймати, и вложити на ихъ желѣза тяжки, и заточити въ темницу. Посемъ на Бѣло-езеро, потомъ на Вологду свезоша ихъ и въ темницѣ окованы твердо блюдомы лѣта многа пребыша". Темна, конечно, узническая жизнь преподобнаго князя. Біографъ сообщаетъ только, что святый князь былъ постояннымъ утѣшеніемъ для своего скорбящаго брата, котораго всячески убѣждалъ простить обиду „стрыю своему". Еще и до сихъ поръ сохранилась въ Вологодской темницѣ та икона, предъ которою часто молился князь-узникъ. „Пребысть въ темницѣ и во узахъ тридесять два лѣта, князь разболѣся, начатъ иже могати и познавъ свое преставленіе, возжелалъ монашескаго образа И призвавъ къ себѣ Спасскаго игумена, именемъ Мисаила, изъ Дмитріева монастыря и нача молити его о монашескомъ образѣ. Игуменъ постриже его и нареченъ ему имя Игнатій. По семъ и въ схиму совершиши его". Князь, „радуяся и веселяся о образѣ ангельскомъ причастився св. таинъ, преставися къ вѣчнымъ обителемъ, въ лѣто 7030 (1522) при державѣ великаго князя Василія Іоанновича, иже бѣ братъ ему двуюродный". Игуменъ Мисаилъ совершилъ погребеніе князя-узника, тѣло его было положено въ Прилуцкомъ монастырѣ, „подъ алтаремъ, съ Димитріемъ чудотворцемъ равно".

Что же сталось съ братомъ преподобнаго, княземъ Димитріемъ? Послѣсловіе житія отвѣчаетъ: „благовѣрный князь Димитрій Андреевичъ послѣ его (брата) поживе нѣколико время добрымъ и богоугоднымъ жительствомъ, преставися .ко Господу (въ той же темницѣ) и погребенъ бысть (яко же нѣцыи сказуютъ), въ томъ же монастырѣ, при ногахъ брата своего, преподобнаго Игнатія".

Біографія преподобнаго Галактіона Вологодскаго, отличающаяся особенною точностію хронологическихъ данныхъ, составлена извѣстнымъ авторомъ „Вологодскаго лѣтописца" Иваномъ Слободскимъ, въ 1717 году, т. е. спустя почти цѣлое столѣтіе по преставленіи святаго [43]). По собственному замѣчанію въ 1697 году онъ вмѣстѣ съ Вологодскимъ архіепископомъ Гавріиломъ, въ качествѣ чтеца, присутствовалъ при свидѣтельствованіи мощей преподобнаго Галактіона и возымѣлъ желаніе написать ему службу и житіе, которое съ теченіемъ времени и привелъ въ исполненіе.

---

[43] Списокъ житія—въ сборникѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря, №$^{37}/_{36}$, л. 282—301. Житіе предваряется нѣсколькими предисловіями, изъ которыхъ первое начинается словами: „во славу Святыя Живоначальныя Троицы"... и проч. Далѣе слѣдуетъ „предлогъ", потомъ „изъявленіе", а наконецъ и обычное „предисловіе".

„Сей преподобный рожденіе имѣя въ парствующемъ градѣ Москвѣ въ царство благовѣрнаго царя Іоанна Васильевича, отецъ его—князь Іоаннъ Іоанновичъ Бѣльской“. Мірское имя преподобнаго—Гавріилъ. „Божіимъ повелѣніемъ возложи царь Іоаннъ Васильевичъ на отца сего блаженнаго гнѣвъ и повелѣ его предати смертной казни, сего же юношу сродници и добродѣи скрыша возрастемъ седмилѣтна суща и везоша его въ Старичь градъ и пребысть тамо немного время, утаяся родствомъ своимъ отъ всѣхъ человѣкъ и никому о томъ повѣда“. Потомъ „втай отъиде отъ Старича града и пріиде въ Богоспасаемый градъ Вологду и на посадѣ поживе у нѣкоего усмаря и учися того художества и отъ того себѣ пищу пріобрѣташе. Егда достиже возраста, сочетася законну браку, поя себѣ жену отъ простыхъ людей и поживе съ нею нѣколико лѣтъ, родися же има дѣтище женскій полъ. И приключися женѣ его умрети, онъ же остася съ дѣтищемъ и воскорми ее“... Въ то же время преподобный сталъ предаваться иноческимъ подвигамъ: „возложи на свое тѣло вериги желѣзныя“. Среди такихъ подвиговъ преподобнаго постигла лютая болѣзнь (корченіе жилъ). Это усугубило его подвиги и заботу о грядущей жизни. „Уразумѣвъ міра сего многомятежное житіе“, онъ отрекся отъ него и вознамѣрился основать отшельничество. „Упроси у градскихъ людей мало земли и мѣста на вселеніе себѣ, близъ посаду, на Содимѣ рѣцѣ и вселися ту. Постави себѣ келейцу малу и затворися внутрь, токмо остави дверци едицы, идѣже пищи себѣ мало пріимати“. Потомъ онъ „остризаетъ власы главы своея и ангельскому образу сочетавается и бысть имя ему Галактіонъ. И пача трудитися великими труды на томъ мѣстѣ, сапоги шія, а что взимаше отъ трудовъ, то раздѣляше на три части: первую часть даяше церкви Божіей, вторую—нищимъ, третіею же частію самъ питашеся. Ископа езеро невелико окрестъ келліи своея и всади рыбы и древія посадивъ на томъ мѣстѣ и кладезь ископа“. Устроивъ все, святый „приковася чепію желѣзною, утвержденною въ келліи своей къ покрову, просто рещи къ потолку (а въ иной книзѣ пишетъ—къ матицѣ), и не хождаше не камо и егда хотяше по нуждіи почивати, то на ребрахъ никогда же возлежаше, но на колѣни приклоняяся и о чепи держашеся почиваше. Ничто же имѣяше у себе, токмо едину ризу власяну и опаницу, въ ней же вкушаше, и рогозиницу малу, на ней же стояше“...

„Божіимъ попущеніемъ тогда вскорѣ пріидоша иновѣрніи на градъ Вологду. Града же того людіе во утѣсненіи велицѣмъ быша и разбѣгошася, камо кому годѣ [44]). Тогда же дщи того святаго, вѣдѣ ту скорбь

[44] Вологодскій епископъ Сильвестръ, бывшій во время этого нашествія въ

належащую и набѣжаніе, устремися и не видѣ, гдѣ главу подклонити, вскочи же въ келлію отца своего". Это замѣтили злодѣи и устремились въ келлію старца, „яко къ нему, старцу, прибѣже жена. Дщи же блаженнаго видѣвше ихъ и убѣжавъ отъ нихъ. Они же яша преподобнаго жива въ веригахъ и начаша его бити нещадно, и за чеси влачити по земли, укаризны понося на его и мечи сѣчаху, и абіе съ нѣкія храмины древомъ удариша его по главѣ и оставиша еле жива суща. Святый же труждаяся и животъ скончавая тако святую душу свою предалъ, въ лѣто 7121 (1612) 24 сентября" [45]). Тѣло его было погребено въ келліи его. Чрезъ нѣсколько времени по прославленіи святаго жители Вологды, по благословенію архіепископа Варлаама, воздвигли храмъ близъ этой келліи; архіепископъ повелѣлъ здѣсь „братство составити и житіе (преподобнаго) написати". Такъ возникъ здѣсь монастырь.

Послѣ всесторонняго изученія предмета, изслѣдователь, въ заключеніе своего труда, чувствуетъ потребность еще разъ взглянуть на свой матеріалъ, чтобы собрать свои разсѣянныя наблюденія и по возможности систематизировать ихъ.

Тщательно изучая святыхъ Вологодскаго края по древнимъ агіобіографическимъ памятникамъ, изслѣдователь не могъ не придти къ

четырехъ дневномъ заключеніи, такъ описываетъ это нашествіе: „нынѣшняго 1612 года, сентября 24 дня, въ послѣднемъ часу ночи, раззорители нашей чистой православной вѣры, ругатели креста Христова, Поляки, Литовцы съ черкасами и русскими измѣнниками нечаяннымъ набѣгомъ пришли на Вологду, взяли городъ, умертвили людей, осквернили церкви Божіи, сожгли городъ и посады. Воевода—князь Иванъ Одоевскій ушелъ, а окольничій—князь Григорій Долгоруковъ и дьякъ Истома Карташевъ—убиты. Меня грѣшнаго взяли въ плѣнъ, держали у себя четюре ночи и не разъ присуждали къ казни, едва живаго опустили. Когда Ляхи и Литва пришли къ Вологдѣ, то, по грѣхамъ нашимъ, по нерадѣнію воеводъ, не было ни разъѣзжихъ карауловъ, ни сторожей на башняхъ. У воротъ было нѣсколько человѣкъ на караулѣ, но и тѣ не слыхали, какъ Литовцы вошли въ городъ, а большія ворота не были заперты... Все отъ пьянства: воеводы пропили Вологду". (Историческій словарь Щекатова, I, 988.

[45] Въ синодикѣ Вологодскаго каѳедральнаго собора читаемъ: „121 (1612) г. сентября 24 дня, вторникъ, въ первомъ часу дня. Помяни, Господи, иже во градѣ избіенныхъ и пожженныхъ священниковъ и діаконовъ отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ"... и далѣе перечисляются 68 убитыхъ и сожженныхъ, въ числѣ которыхъ три протоіерея, тридцать четыре священника, шесть діаконовъ и шесть иноковъ. Въ числѣ послѣднихъ—іерей инокъ Галактіонъ". Свѣдѣнія объ іерархахъ Вологодской епархіи, стр. 51—52.

мысли о важности этого изученія въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) въ исторіи русскаго монашества и 2) въ исторіи сѣверно-русской колонизаціи.

Обыкновенно сѣверно-русскіе подвижники считаются просвѣтителями русскаго инородческаго сѣвера, но наши историческіе источники не даютъ намъ касательно этого предмета богатаго матеріала. Жизнь и дѣятельность болѣе раннихъ подвижниковъ на русскомъ сѣверѣ, время жизни которыхъ совпадаетъ со временемъ распространенія христіанства, остаются въ совершенной тѣни. Мало мы знаемъ о преподобномъ Герасимѣ Вологодскомъ, не болѣе и о другихъ подвижникахъ, близкихъ къ нему по времени жизни. Кромѣ Герасима, въ лѣтописи Паисія Ярославова упоминается еще о двадцати трехъ старцахъ, поселившихся на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, которыхъ около половины XIII вѣка встрѣтилъ здѣсь Бѣлоезерскій князь Глѣбъ Васильковичъ, нечаянно занесенный бурею къ берегамъ этого острова. Краткое замѣчаніе лѣтописца объ этихъ старцахъ даетъ мѣсто предположенію, что они трудились въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ. Такъ, сказавъ о встрѣчѣ съ ними упомянутаго князя, онъ добавляетъ, что эти старцы подвизались здѣсь уже много лѣтъ и имѣли у себя часовню, но не могли еще создать церкви „за скудость имѣнія и нападенія невѣрныхъ человѣкъ, еще бо тогда не вси пріяша святое крещеніе, но многое множество невѣрныхъ человѣкъ, живущихъ вкрай Кубенскаго озера великаго по брегомъ“. Въ другомъ древнемъ памятникѣ сохранилось не очень ясное извѣстіе еще объ одномъ подвижникѣ среди сѣверныхъ инородцевъ. Въ повѣсти о началѣ Борисоглѣбскаго монастыря говорится, что основатель этого монастыря—преподобный Ѳеодоръ († 1409) въ одно время поселился было близъ Кубенскаго озера, но „окрестъ живущіи неразумніи невѣгласы человѣкы, еще чудское изчадье, сего преподобнаго изгониша и келейцу его разметаша“. Вотъ и всѣ извѣстія нашихъ источниковъ относительно распространенія христіанства въ Вологодскомъ краѣ.

Всѣ почти Вологодскіе подвижняки представляются взору изслѣдователя въ иноческой мантіи, а большенство ихъ являются основателями монастырей, первыми ихъ игуменами и устроителями монастырской жизни, такъ что исторія святыхъ Вологодскаго края является частью исторіи сѣверно-русскаго монашества.

Къ сожалѣнію, наши источники не даютъ богатаго матеріала и для исторіи монашества. Свѣдѣнія, какія можно почерпнуть изъ нихъ касательно этого предмета, отличаются также неполнотою и отрывочностію. Въ порядкѣ историческаго изслѣдованія ихъ

можно раздѣлить на два отдѣла: а) свѣдѣнія о самихъ подвижникахъ, какъ представителяхъ иночества, б) свѣдѣнія объ основанныхъ ими обителяхъ.

Два обстоятельства, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе при изученіи святыхъ подвижниковъ, какъ представителей иночества. Во первыхъ, почти всѣ подвижники происходили изъ богатаго и знатнаго рода (преподобные Димитрій Прилуцкій и Павелъ Обнорскій), многіе изъ боярскаго (преподобный Арсеній Комельскій — изъ рода бояръ Сухорусовыхъ, Григорій Пельшемскій—изъ бояръ Лопотовыхъ, Иннокентій Комельскій—Охлѣбининыхъ, Корнилій Комельскій—Крюковыхъ) и нѣкоторые даже—изъ княжескаго (преподобный Іоасафъ Каменскій—изъ рода князей Заозерскихъ, Игнатій Прилуцкій—сынъ князя Андрея Угличскаго, Галактіонъ Вологодскій—сынъ князя Бѣльскаго). Во вторыхъ, всѣ почти святые дѣлались подвижниками въ юномъ возрастѣ, отъ 12—22 лѣтъ. Эти обстоятельства много свидѣтельствуютъ въ пользу той мысли, часто высказываемой біографами, что подвижники начинали воспитывать въ себѣ иноческія стремленія еще прежде своего ухода въ монастырь, въ родительскомъ домѣ, путемъ чтенія аскетическихъ произведеній. Высокое происхожденіе подвижника давало ему возможность пользоваться не для всѣхъ доступными средствами для духовнаго просвѣщенія, въ числѣ которыхъ преимущественное, если не исключительное, значеніе имѣли аскетическія произведенія, а юношеская впечатлительность усиливала ихъ вліяніе на душу. Біографы замѣчаютъ, что весьма часто, вопреки родительской волѣ, юноша-подвижникъ тайно оставлялъ родительскій домъ и направлялъ свои стопы къ тому мѣсту, гдѣ бы могли найти для себя осуществленіе его завѣтныя стремленія и идеалы, т. е. въ монастырь.

Впрочемъ, говоря о вліяніи аскетическихъ произведеній на юную душу подвижника, нельзя этого вліянія считать исключительнымъ. Были и другія обстоятельства, располагавшія юношу подвижника къ отреченію отъ міра и воспитывавшія въ немъ стремленіе къ иночеству, обстоятельства историческія, соціальныя и другія. Видное мѣсто среди такихъ обстоятельствъ занимало монгольское иго. Постоянныя нашествія поработителей, ихъ жестокости и кровопролитія; коварства и междоусобія самихъ русскихъ князей, насилія и жестокости со стороны сильныхъ, хитрость и коварство со стороны слабыхъ, взаимное недовѣріе, ослабленіе всѣхъ общественныхъ узъ и тому подобныя печальныя явленія не могли, такъ или иначе, не вліять на лучшую часть русскаго общества, располагая ее къ недовольству современною дѣй-

ствительностію и отреченію отъ міра. „Разладъ средневѣковыхъ силъ и стремленій русскаго общества, пишетъ одинъ изслѣдователь, достигли полнаго развитія въ XIV и XV вѣкѣ... Поэтому, никогда такъ не развивалось, не усиливалось въ древней Руси и противодѣйствіе этимъ грубымъ силамъ, какъ въ XIV и XV вѣкѣ, никогда такъ не усиливалось въ русскомъ обществѣ, какъ въ эти столѣтія, противоположное господствующему средневѣковому направленію стремленіе къ нравственному усовершенствованію, выразившееся въ пустынножительномъ отшельничествѣ“ [46].

Было и еще одно обстоятельство, привлекавшее въ монастырь лучшую часть древнерусскаго общества. Это обстоятельство заключалось въ томъ, что монастыри были чуть ли не единственными просвѣтительными центрами, въ которые, поэтому, и „обращалась каждый разъ душа человѣка, когда животная жизнь оказывалась для нея неудовлетворительною, когда она ощущала жажду къ высшимъ потребностямъ, когда она почувствовала въ себѣ голосъ иной природы“ [47].

Что касается самыхъ аскетическихъ подвиговъ сѣверно-русскихъ аскетовъ, то описаніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ одно изъ типическихъ мѣстъ древне-русскихъ житій, а потому историческаго можно извлечь изъ нихъ очень немного. Это описаніе касается, главнымъ образомъ, усерднаго исполненія подвижниками иноческихъ обѣтовъ: послушанія, поста и иноческой нищеты. На первыхъ порахъ иноческой жизни юный подвижникъ былъ ревностнымъ исполнителемъ обѣта послушанія. Изъ боярскихъ хоромъ, изъ княжескихъ палатъ онъ становился послушнымъ работникомъ монастырской хлѣбни. Біографъ преподобнаго Корнилія Комельскаго такъ начинаетъ описаніе подвиговъ его въ Кирилловѣ монастырѣ: ...„тяжкими работами дручаше тѣло свое: кто бо не знаетъ Кирилловскія хлѣбни; и желѣзы тяжкими связоваше тѣло свое“. Какъ вещественное доказательство этого удрученія плоти во многихъ монастыряхъ и до сихъ поръ сохранились, поражающія своею массивностію, желѣзныя вериги подвижниковъ. Касательно поста и иноческой нищеты подвижниковъ біографы дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія. Преподобный Павелъ Обнорскій принималъ весьма скудную пищу („хлѣбъ, вода и суровыя зелья“) только два раза въ недѣлю. Преподобный Димитрій Прилуцкій „толико воздержа-

---

[46] Православный Собесѣдникъ, 1860, III, 201—202. „Древне-русскія пустыни на сѣверовостокѣ Россіи“.

[47] Православный Собесѣдникъ, 1858, I. „Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію“.

тельный постъ имѣяше, аще въ кій день уставъ повелѣваше утѣшенію братіи быти онъ не ядяше поставляему сущу предъ имъ въ малѣ сосудѣ глиняннномъ, точію едину воду теплу и велій паръ испущающу съ малою просфорою хлѣба, сицева ядь его всегда бываше". Относительно иноческой нищеты этого подвижника біографія замѣчаетъ: „ризную худость толико любляше, яко единъ отъ убогихъ; едину ризу всегда ношаше на себѣ и въ зимѣ и въ лѣтѣ отъ овчихъ жесткихъ кожъ: въ зимѣ студень, а въ лѣтѣ отъ тяготы потъ терпяше". Въ житіи преподобнаго Арсенія Комельскаго разсказывается, что, въ бытность его игуменомъ Троице-Сергіевой лавры, однажды пріѣхалъ въ нее на богомолье великій князь Василій Іоанновичъ. Встрѣченный въ монастырѣ игуменомъ, онъ немало дивился „странному образу" подвижника и его „худымъ, многошвейнымъ и раздраннымъ ризамъ". Одинъ братъ обители Корнилія Комельскаго, по имени Закхей, пришелъ просить къ преподобному новой одежды, взамѣнъ старой—ветхой. Подвижникъ отдалъ ему свою одежду, а самъ долго еще ходилъ въ „вязаной лыкомъ" одеждѣ Закхея.

При физическихъ подвигахъ не были забыты и духовные. Біографъ преподобнаго Корнилія, дополняя описаніе его подвиговъ въ Кирилловѣ, замѣчаетъ: „къ симъ и книги писаше въ церковь, свидѣтели же симъ и нынѣ книги его въ Кирилловѣ". Преподобный Арсеній Комельскій также, по свидѣтельству житія его, „книги святыя почиташе и переписоваше со всякимъ вниманіемъ". Въ монастырѣ и до сихъ поръ хранится собственноручно списанное имъ Евангеліе апракосъ. Преподобный Діонисій Глушицкій имѣлъ „художество живописца". Устроивъ нѣсколько церквей въ окрестностяхъ Кубенскаго озера, онъ, по замѣчанію житія, „украсилъ ихъ иконами чудно". Посѣщая обитель ученика своего, преподобнаго Григорія Пельшемскаго, св. Діонисій принесъ ему въ даръ „образы Господни и книгу, глаголемую Прологъ". Въ Прилуцкомъ монастырѣ и до сихъ поръ показываютъ образъ преподобнаго Димитрія, списанный св. Діонисіемъ.

Нѣкоторые подвижники избирали себѣ подвиги особаго рода. Иные принимали на себя подвигъ юродства, вслѣдствіе котораго, кромѣ удрученія плоти, имъ приходилось терпѣть людскія обиды и оскорбленія. Таковы Прокопій и Іоаннъ юродивые Устюжскіе. Преподобный Кипріанъ Устюжскій держалъ въ своихъ рукахъ камень, дабы возбуждать себя къ бодрствованію и молитвѣ въ тѣ минуты, когда, по немощи человѣческой, онъ былъ преодолѣваемъ сномъ. Преподобный Александръ Куштскій, по сказанію своего житія, часто, выходя на болото, обнажалъ свои грудь и плечи, отдавая свою кровь въ пищу

болотнымъ насѣкомымъ (комарамъ). Преподобный Галактіонъ Вологодскій приковалъ себя желѣзными цѣпями къ потолку и такимъ образомъ пребывалъ постоянно въ полустоячемъ и въ полувисячемъ положеніи и т. п.

Описаніе подвиговъ сѣверно-русскихъ аскетовъ въ значительной степени пополняется сказаніями объ ихъ трудахъ, которые подъяли они на дѣло колонизаціи лѣсной пустыни; но объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже.

Много свѣта на изученіе святыхъ проливаютъ приводимые біографами факты, въ которыхъ выразилось отношеніе къ нимъ монастырскаго и внѣмонастырскаго міра.

Факты перваго рода стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ состояніемъ современной подвижникамъ монастырской жизни. Одностороннеаскетическое направленіе древнерусскаго благочестія съ теченіемъ времени, какъ извѣстно, перешло въ крайность и привело къ отрицанію всѣхъ другихъ формъ благочестія. Стали думать, что „въ міру спастись не мощно“, ибо міръ—„мятежъ“, „злоба“; спасеніе возможно только въ монастырѣ, подъ черной мантіей. Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній въ монастыри начинаютъ стремиться цѣлыя массы всякаго люда, которыя, на самомъ дѣлѣ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ могли удовлетворять строгимъ требованіямъ иночества. Безпечальная жизнь монастырская еще болѣе привлекала къ себѣ вниманіе такихъ ревнителей благочестія. Само собою понятно, что монастырь и черная мантія не могли служить преградою низкимъ страстямъ и порокамъ людей, приходившихъ въ монастырь „не ради искуса, а ради хлѣба куса“. Отсюда понятно и то, какимъ анахронизмомъ являлся среди такихъ иноковъ человѣкъ, дѣйствительно стремившійся къ подвигамъ и смотрѣвшій на монастырь, какъ на средство для своего духовнаго просвѣщенія. Въ Кирилловѣ монастырѣ монахи стали глумиться надъ подвигами преподобнаго Корнилія Комельскаго: „нѣкто бо отъ ту сущихъ братъ поругася ему и обольсти его коварствомъ. Виною благоговѣйною вземше у его ихъ-же пошаше желѣза и повелѣ изъ ихъ прековати топоры“. Такое отношеніе братіи къ подвижнику побудило его оставить Кириллову обитель. Подобнымъ же образомъ нѣсколько ранѣе должны были оставить эту обитель еще два подвижника—учитель и ученикъ, Нилъ Сорскій и Иннокентій Комельскій, по причинѣ паденія тамъ монашеской жизни. Когда св. Діонисій Глушицкій подвизался на св. Лукѣ въ сообществѣ только еще двухъ братій, одинъ изъ нихъ (Пахомій), „зря его начастѣ молящася и видя труды его и подвизи, начася его срамляти и удалятися“.

Святой скоро оставилъ это мѣсто и удалился на Глушицу. Преподобнаго Павла Обнорскаго игуменъ и братія Богородицкаго Галицкаго монастыря выгнали изъ обители. Подобныя отношенія братіи къ подвижнику не только не ослабляются, но еще болѣе усиливаются съ тѣхъ поръ, когда подвижникъ изъ послушника превращался въ начальника, дѣлался игуменомъ своей обители. Преподобнаго Корнилія Комельскаго, во время его игуменства въ основанномъ имъ монастырѣ, нѣсколько разъ подстерегали два брата—нарядчики рабочихъ, скрываясь подъ мостомъ чрезъ рѣку Нурму, съ преступнымъ намѣреніемъ убить святаго. Но каждый разъ у нихъ не хватало рѣшимости привести въ исполненіе свое злое намѣреніе, такъ что, наконецъ, они рѣшились принести святому чистосердечное раскаяніе. Иноки обители преподобнаго Діонисія Глушицкаго, желая положить преграду щедрости этого святаго на милостыню, пустились на хитрость. Они взяли одного брата, переодѣли его странницею и подослали къ святому просить крупной митостыни для выкупа. Когда эта милостыня была выпрошена обманщикомъ, братія съ упрекомъ положили выпрошенное къ ногамъ святаго съ такими словами: „честный отче, похабъ пріиде къ тебѣ, прося, ты же не разумѣ, далъ еси ему сребро, мы же взяхомъ у его, се есть“.

Всѣ подобнаго рода факты и можно объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ только паденіемъ иноческой жизни. Это паденіе вызывало подвижника на усиленную борьбу съ братіею, оставившую глубокіе слѣды въ исторіи древне-русскаго подвижничества. Въ біографіяхъ подвижниковъ нѣтъ недостатка въ подобнаго рода фактахъ. Здѣсь мы замѣтимъ только, что во всѣхъ, сохранившихся до насъ уставахъ или краткихъ извлеченіяхъ изъ уставовъ монашеской жизни, есть особыя завѣщанія подвижника о такъ называемыхъ „самочинникахъ“, т. е. братіяхъ, не хотѣвшихъ подчиняться въ своей жизни требованіямъ монастырскихъ правилъ, а хотѣвшихъ „самочиніемъ и самовольствомъ водитися“. Преподобный Корнилій Комельскій писалъ въ своемъ уставѣ: „слышахъ азъ, иже отъ мене постригшихся многихъ глаголющихъ: нынѣ намъ Корнилій возбраняетъ и не даетъ по волѣ своей пожити, а егда умреть, мы перейдемъ во свой монастырь и по волѣ нашей поживемъ, яко же хощемъ“. Противъ такихъ и предостерегаетъ преподобный братію, запрещая принимать ихъ въ монастырь и повелѣвая изгонять, если они „лицемѣріемъ вогнѣздятся въ немъ“. Подобное-же завѣщаніе оставилъ своей братіи преподобный Иннокентій Комельскій: „аще который въ пустыни братъ нашъ не восхощетъ управляти свое жительство... по сіему нашему писанію, но убо самочиніемъ и само-

вольствомъ восхощетъ водитися, таковаго настоятель и братія да накажутъ. Аще и по наказаніи не исправится, сего убо настоятель и братія да измещутъ изъ пустыни яко плеву отъ жита безо всякой боязни по сіему нашему завѣщанію". Преподобный Павелъ Обнорскій заповѣдуетъ братіи: „аще-ли кто нѣчто иметъ изъ общаго житія и чина раззорити, прочіе изъ монастыря изгонятъ таковаго".

Итакъ, паденіе иноческой жизни вызывало игумена-подвижника на строгія мѣры въ отношеніи къ братіи, а со стороны братіи нетерпимое отношеніе къ подвижнику, доходившее до покушенія на его жизнь.

Всѣ эти обстоятельства много способствуютъ къ объясненію того факта, весьма часто упоминаемаго біографами, что подвижникъ, физически и нравственно утомленный дѣломъ управленія обители, часто тайно покидалъ ее и искалъ болѣе спокойнаго мѣста для своихъ подвиговъ,—„безмолвія", какъ выражались древніе біографы. Такъ, преподобный Димитрій Прилуцкій оставилъ первооснованную свою Переяславскую обитель и, удалившись изъ нея, избралъ мѣсто для своихъ подвиговъ въ лѣсахъ Вологодскихъ. Пр. Діонисій Глушицкій, устроивъ свой монастырь на Глушицѣ, скоро оставилъ его: „исшедше тай изъ обители, никому же вѣдуще... и устремися въ пустыню, въ полуденную страну отъ большія лавры". Св. Григорій Пельшемскій, поставленный архіепископомъ Ростовскимъ Діонисіемъ архимандритомъ одного Ростовскаго монастыря (Всемилостиваго Спаса на Песку), пожилъ только „два лѣта въ монастырѣ томъ", а потомъ „утаився всѣхъ изыде нощію и оттолѣ устремився къ сѣвернымъ странамъ, иже близъ студенаго моря-окіана". Мы упоминали аналогичный случай со старцемъ Паисіемъ Ярославовымъ, оставившемъ игуменство въ Сергіевой лаврѣ, отказавшемся даже и отъ митрополіи, послѣ того, какъ иноки означенной лавры хотѣли убить его за попытку исправить монастырскіе нравы.

Спустя нѣкоторое время подобный случай произошелъ здѣсь съ другимъ подвижникомъ, преподобнымъ Арсеніемъ Комельскимъ. До своего игуменства, по замѣчанію біографіи, онъ жилъ въ лаврѣ „лѣта довольна", но какъ только сдѣлался игуменомъ, вскорѣ же возымѣлъ желаніе покинуть ее. Когда намѣреніе его стало извѣстно братіи, она просила великаго князя Василія Іоанновича „понудить" святаго остаться въ обители. Не смотря на это, мы видимъ, что, послѣ двухлѣтняго игуменства, преподобный покинулъ лавру и направился къ сѣвернымъ предѣламъ. До какой степени иногда было трудно подвижнику управлять обителью и насколько велико было его стремленіе оставить ее—

это весьма характеристично изображается въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Отягощенный долговременными трудами и многочисленными нестроеніями своей обители, этотъ игуменъ, въ глубокой старости, рѣшается покинуть ее. Онъ „призываетъ къ себѣ дванадесять ученикъ своихъ и тѣмъ вручаетъ монастырское строеніе, просящи отъ ихъ отпущенія... И взя мало отъ братій, отъиде вдали отъ монастыря, яко поприщъ семьдесятъ... Братія же совѣтъ сотвориша послаша рѣкіихъ отъ братіи къ отцу своему, моли его, дабы не оставилъ чадъ своихъ сирыхъ... Святый же отречеся имъ“. Той зимой проѣзжалъ мимо Корниліева монастыря великій князь Василій Іоанновичъ съ княгинею на богомолье въ Кирилловъ монастырь. Братія просила самодержца „понудить“ отца своего возвратиться къ нимъ. Самодержавный послалъ въ пустыню къ старцу Корнилію своего слугу и велѣлъ подвижнику ожидать своего возвращенія въ основанной имъ обители. Встрѣченный здѣсь на обратномъ пути преподобнымъ Корниліемъ, великій князь велѣлъ святому „пребывати въ монастыри“. Но послѣдній, „предлагая старость и немощь, глагола и моляше великаго князя, да отуститъ его въ пустыню плакатися грѣховъ своихъ“. Князь, „вѣдый добродѣтельное и трудолюбивое житіе его, положи на воли его“, и подвижникъ снова удалился въ пустыню. Когда же здѣсь онъ вознамѣрился основать церковь и отправился за разрѣшеніемъ въ Москву, то князь, вспомнивъ просьбу братіи, „не повелѣ ему въ пустыни церкви созидати, но понуждаше его и съ прилежаніемъ, дабы былъ въ прежнихъ своихъ трудѣхъ, въ своемъ монастыри, со ученики своими. Отцу же нашему тяжко сіе вмѣнися... Скрыся блаженный и пребываше у нѣкоего христолюбца въ тайнѣ мѣстѣ... Князь же великій посла на взысканіе святаго по всему царствующему граду“. Узнавъ объ этомъ, святый удалился въ Сергіеву лавру. Когда это стало извѣстно великому князю, онъ послалъ къ святому Корнильевскихъ монаховъ, „да молятъ старца Корнилія, еже не оставити ихъ“. И только послѣ этого преподобный пошелъ ко князю съ просьбою отпустить его въ монастырь свой. Братія встрѣтила своего игумена съ великою радостію: „овіи отъ ихъ руцѣ его лобзаху, овіи ногамъ касахуся, иніи ризамъ“. Братъ Кассіанъ, избранный въ отсутствіи старца игуменомъ, „устыдеся отца своего и остави игуменство“. Но подвижника опять встрѣтили въ монастырѣ обычныя невзгоды, вслѣдствіе чего онъ снова скоро оставилъ свою обитель и удалился въ обитель своего постриженія—Кирилловъ монастырь, чтобы въ затворѣ скончать теченіе духовнаго подвига. Братія опять послала „старѣйшихъ пяти съ великимъ моленіемъ ко отцу своему... да, возвратився въ свой монастырь,

безмолствуетъ". Пришедши въ Кирилловъ, Корнильевскіе старцы просили присоединиться къ себѣ игумена и братію Кирилловскихъ и всѣ купно „молиша преподобнаго утѣшити братію, да некако стуживъ си разыдутся". Послѣ долгихъ усилій преподобный уступилъ просьбѣ и рѣшился возвратиться въ свою обитель, подъ условіемъ избранія въ ней другаго игумена. По возвращеніи его, игуменство вручено было брату Лаврентію, а самъ подвижникъ „крайнее безмолвіе любомудрствовати начатъ, затворися въ келліи", въ которой и пребывалъ до конца жизни. Въ этомъ правдивомъ разсказѣ, какъ нельзя болѣе, обрисовано, насколько трудно было подвижнику управлять братіей и съ другой стороны насколько необходимо было для братіи его пребываніе въ обители. Пока подвижникъ живетъ въ обители, онъ нетерпимъ для братіи за свою строгость, но лишь только онъ оставитъ монастырь, братія не можетъ уже существовать безъ него и молитъ его „не оставить чадъ своихъ сирыхъ, да не разыдутся". Бывали примѣры, когда подвижникъ, основавъ обитель и собравъ братію, не хотѣлъ принимать на себя игуменства. Таковъ былъ преподобный Павелъ Обнорскій. Любитель безмолвія, три года подвизавшійся въ дуплистой липѣ, пустынникъ этотъ не захотѣлъ нарушать своего безмолвія и съ основаніемъ обители. Предоставивъ игуменство одному изъ братіи, онъ самъ затворился въ келліи.

Иное было отношеніе къ подвижнику внѣмонастырскаго міра. Здѣсь онъ всюду встрѣчалъ по отношенію къ себѣ великую любовь и уваженіе. Біографъ преподобнаго Димитрія Прилуцкаго разсказываетъ, что всѣ жители города Вологды и ея окрестностей съ великою радостію привѣтствовали приходъ преподобнаго на Прилуку: „слышавше приходъ преподобнаго... вси маліи и велицыи, богатіи и убозіи и всякъ возрастъ, другъ друга предваряюще, течаху благословеніе онъ святаго пріяти, своя имѣнія ему вручающе, кійждо по силѣ своей". Два благоговѣйные мужа—Илія и Исидоръ Выпрягъ „дарствуютъ святому земли довольно на поставленіе обители и за любовь свою, еже имяху къ ему, небрегутъ тогда и насѣянныя своя озимныя нивы, уже совершенныя класы издавшія, но въ попраніе ногамъ человѣческимъ быша". Біографъ препод. Корнилія замѣчаетъ, что „множество людей отъ многихъ странъ прихождаху къ ему, овіи благословеніе хотя получити, овіи вопросити, о ихъ же имѣяху недоразумѣваемыхъ, иніи разрѣшеніе имуще различныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ". Обитель была обычнымъ мѣстомъ, гдѣ находилъ для себя радушный пріютъ всякій ея посѣтитель, безъ различія возраста и положенія; въ тяжелыя годины здѣсь питались цѣлыя массы нищихъ и голодныхъ.

Подвижникъ замѣнялъ всѣмъ все: онъ былъ отцемъ для сирыхъ, утѣшителемъ печальныхъ, ходатаемъ за гонимыхъ и угнетенныхъ. Этимъ и объясняется та любовь къ подвижнику и то великое уваженіе къ нему, которымъ онъ пользовался еще при жизни среди окрестнаго населенія.

Начинаясь съ простолюдина, благоговѣйное отношеніе къ подвижнику доходило до княжескихъ палатъ. Русскіе князья, въ дѣлѣ почитанія подвижниковъ, всегда служили примѣромъ для своихъ подчиненныхъ. Подвижникъ всегда былъ желаннымъ гостемъ въ домѣ князя; князья и сами часто посѣщали обители подвижниковъ, часто также призывали ихъ въ свои домы „благословенія ради", и „бесѣды ради духовныя". Біографъ преподобнаго Димитрія Прилуцкаго такъ описываетъ отношенія великаго князя Димитрія Донскаго къ сему преподобному: „предержай начальство россійскаго царствія, благовѣрный и христолюбивый князь Димитрій Іоанновичъ, слышавъ о семъ преподобнѣмъ, съ радостію призываетъ его къ себѣ благословенія ради и якоже другаго въ Россіи столпа, великаго Сергія Радонежскаго, тако и сего блаженнаго, почиташе и умоли его, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія и церковными дары почте и велію честь воздаде ему." По сказанію второй редакціи житія преподобнаго Григорія Пельшемскаго, этотъ подвижникъ, во время своего игуменства въ обители Рождества Пресвятой Богородицы, „близь езера", сдѣлался извѣстнымъ князю Юрію Дмитровичу, отъ котораго „и умоленъ бысть, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія". Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ эта редакція, слава о подвижникѣ дошла до самого великаго князя Василія Димитріевича, который призывалъ его къ себѣ „благословенія ради". Сколь велико было уваженіе великаго князя Василія Іоанновича къ преподобному Корнилію Комельскому—это видно изъ слѣдующихъ словъ біографіи послѣдняго: „князь радовашеся вельми о пришествіи старца (Корнилія), почте его, бесѣдова съ имъ и моли его о семъ, да молитъ Господа Бога, воеже дароватися ему чадородію". Вскорѣ послѣ рожденія своего наслѣдника, великій князь пріѣхалъ на богомолье въ Сергіеву лавру и, снова встрѣтивъ здѣсь подвижника, „радостенъ бысть о пришествіи старца, и почте его вельми, и пріимъ благословеніе отъ его, и посылаше его прежде себѣ въ царствующій градъ Москву, да шедъ благословитъ великую княгиню и Богомъ дарованнаго има сына". По возвращеніи въ Москву великій князь призывалъ блаженнаго „всегда къ себѣ и въ домъ потребная посылая ему во вся дни".

Питая такое глубокое уваженіе къ подвижникамъ, князья были щедрыми благотворителями основанныхъ ими обителей. Біографъ преподобнаго Димитрія Прилуцкаго замѣчаетъ: „слышавъ же благовѣрный великій князь Димитрій Іоанновичъ, идѣже пребываетъ преподобный старецъ, (близъ Вологды, на Прилукѣ), присылаше ему довольно на потребу монастырскаго строенія“. Великій князь Василій Іоанновичъ былъ благотворителемъ обители преподобнаго Корнилія. Біографъ его сообщаетъ слѣдующее: „благовѣрный князь великій глагола святому: слышахъ, отче, яко отнели же сотворивъ монастырь, не имѣеши селъ и деревень, но ихъ же требуеши, проси и дамъ ти. Старецъ же не восхотѣ просити ничтоже, но токмо моли его дати близъ монастыря земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой. Князь же великій землю съ лѣсомъ и елика привнидоша близъ монастыря деревни и починки и со всяцѣмъ угодіемъ вдаде“. Заозерскій князь Димитрій Васильевичъ, по просьбѣ преподобнаго Діонисія Глушицкаго, посылалъ къ нему своихъ слугъ, чтобы разчистить лѣсное мѣсто для созданія обители и „нетокмо древодѣлія посылаетъ, но и милостину довольну и села и деревни подаетъ монастырю“. Бохтюжскій князь Юрій, узнавъ, что по сосѣдству съ нимъ основалъ свою обитель Глушицкій подвижникъ, призвалъ его къ себѣ и предлагалъ ему: „иже, отче, хощеши, проси имѣнія на потребу и дамъ ти“. Преподобный сталъ отказываться отъ имѣнія. Тогда самъ князь просилъ святаго что-нибудь взять у него, „да благословится отъ его“. Преподобный уступилъ просьбѣ и князь „отъ того дне нача удовляти, даяше потребная монастырю“. Упомянутый князь Димитрій Заозерскій благотворилъ обители и другаго подвижника, преподобнаго Александра Куштскаго, давая ему потребное къ созиданію обители. Дѣло благотворительности раздѣляла съ нимъ и его супруга, посылавшая въ обитель „ово питія, ово яденія“.

Благодаря великому уваженію народа, подвижники, по требованію обстоятельствъ, обращали иногда и свое обличительное слово, по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые того заслуживали. Это грозно-обличительное слово не щадило и сильныхъ міра сего. Весьма знаменательные факты сообщаетъ намъ біографъ преподобнаго Григорія Пельшемскаго. Когда великокняжескій престолъ отнятъ былъ у князя Василія Темнаго соперникомъ его княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ, случайно пришедшій въ Москву подвижникъ явился обличителемъ отнявшаго: „о княже Юріе! подобаше ли ти власть пріяти?.. Не по Божіему строенію хощеши власть пріяти“... Князь Юрій, по замѣчанію біографа Григорія, почитавшій этого подвижника, послушалъ его

обличеніе „и отъиде на отца своего благословеніе—въ Галичъ“. Этотъ же преподобный, когда князь Димитрій Шемяка „съ силою многою около града Вологды села воеваша и христіанство губяше“, пришелъ ко князю съ такими рѣзко-обличительными словами: „не своя дѣла, княже, твориши, поганская, а ты князь православныя вѣры, а свою Русь воюешь; православное христіанство горькой мести предаютъ воинство твое, и аще, княже, не останешися отъ такого кровопролитія, вскорѣ отпадеши славы и княженія своего отщетишися“. Но нечестивый князь не послушалъ обличителя и въ гнѣвѣ на св. старца велѣлъ столкнуть его съ мосту.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ нельзя не видѣть сколь велико было значеніе св. подвижниковъ въ древне-русскомъ мірѣ и сколь сильно было вліяніе ихъ на окружающихъ, вліяніе далеко преступавшее стѣны ихъ обители и простиравшееся отъ совѣта и наставленія простому поселянину, случайному посѣтителю ихъ обители, до наставленія въ дѣлахъ государственной важности „предержащимъ престолъ россійскаго царствія“.

Отъ личности св. подвижниковъ обратимся къ основаннымъ ими обителямъ.

Въ описаніи внѣшняго устройства этихъ обителей біографы, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются краткимъ замѣчаніемъ, что преподобный все устроилъ „по чину“. Подробнѣе чинъ этотъ описывается въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Прежде всего біографъ повѣствуетъ о созданіи монастырской церкви: „труды блаженныхъ ученикъ святаго, паче же постомъ и слезами, создана бысть церковь превелика... украсиша ю благолѣпнѣ, яко невѣсту предобру... И потомъ (святый) созда другую церковь со трапезою... и по семъ келейное начатъ зданіе и устроивъ четвероугленно образъ монастырю, келлію къ келліи совокупи, ихъ-же посредѣ стоятъ церкви, яко нѣкія очи, зряще всюду. И потомъ постави больницу и хлѣбопещницу и поварю и богадѣльню внѣ монастыря, страннымъ и нищимъ на покой“.

Характеристическою чертою въ устройствѣ древне-русскихъ обителей служило раздробленіе обители на нѣсколько отдѣленій, отстоящихъ одно отъ другаго на значительныхъ разстояніяхъ. Такъ, біографъ преподобнаго Діонисія Глушицкаго, сказавъ объ устройствѣ имъ главной обители, сдѣлавшейся какъ-бы „великой лаврой“, упоминаетъ далѣе, что чрезъ нѣсколько времени за четыре поприща отъ нея (въ Сосновцѣ) преподобный создалъ отдѣленіе главной своей обители, въ которомъ устроилъ церковь во имя св. Іоанна Крестителя „и созда ту келліи по чину и нѣкоихъ отъ братіи устрои тамо жити и урече

имъ всяко требованіе пріимати отъ большія лавры". Впослѣдствіи преподобный устроилъ и другое отдѣленіе своей обители, разстояніемъ около двухъ поприщъ отъ большія лавры; въ немъ также создалъ церковь во имя святителя Леонтія Ростовскаго „и устрои тамо инокынямъ пребываніе и устави (надъ ними) мужа говѣйна, сѣдинами честна и урече имъ потребная отъ фмиклевней" (окрестныхъ селъ).

Для насъ важнѣе вопросъ о внутреннемъ устройствѣ обителей, устройствѣ монастырской жизни. Въ этомъ отношеніи, какъ мы имѣли возможность замѣтить, всѣ обители отъ основателей своихъ получили общежительное устройство, за исключеніемъ скитской обители преподобнаго Иннокентія Комельскаго. Такъ св. Стефанъ Махрищскій, по сказанію его біографіи, далъ общежительное устройство своей Махрищской обители. Такимъ же образомъ онъ устроилъ и другую, созданную имъ, обитель „на Авнезѣ". Преподобный Димитрій Прилуцкій, по свидѣтельству его житія, часто навѣщалъ друга своего, преподобнаго Сергія Радонежскаго. Во время взаимныхъ посѣщеній оба подвижника бесѣдовали другъ съ другомъ „како-бы общее житіе управити". Оба монастыря, созданные Димитріемъ, имѣли общежительное устройство. Преподобные Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій были постриженниками общежительнаго Спасо-Каменнаго монастыря и своимъ обителямъ дали общежительное устройство. Преподобный Григорій Пельшемскій въ дѣлѣ устройства своего общежитія является ученикомъ св. Діонисія Глушицкаго, а святые Сергій Нуромскій и Павелъ Обнорскій — учениками преподобнаго Сергія Радонежскаго. Сохранились извѣстія, что въ пользу общежительнаго устройства монастырей стремились вліять и сами Ростовскіе архіереи, вѣдомству которыхъ принадлежала чуть-ли не бо́льшая часть Вологодской епархіи. Такъ, Ростовскій архіепископъ Григорій, когда пришелъ къ нему за благословеніемъ на созданіе обители преподобный Діонисій Глушицкій, далъ такой совѣтъ подвижнику: „... испытавъ разумомъ вся, ничто же ино похвали, еже жити братіи вкупѣ... и азъ совѣтъ ти даю, сказалъ архіепископъ въ заключеніе своего наставленія, да составиши общій монастырь". Подобнымъ образомъ одинъ изъ преемниковъ Григорія архіепископъ Діонисій (Святогорецъ), по замѣчанію лѣтописи Паисія Ярославова, ознаменовалъ свое игуменство въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, предшествовавшее его архіепископству, введеніемъ общежительнаго устава.

Какимъ же, въ частности, уставомъ руководилось русское иночество въ устройствѣ своего общежитія—рѣшить трудно. Болѣе или менѣе значительныя произведенія въ области русскаго иноческаго за-

конодательства являются уже около половины XV вѣка. Всѣ указанія относительно монастырскаго устава въ болѣе ранній періодъ времени сводятся къ замѣчаніямъ въ такомъ родѣ: устроивъ монастырь, преподобный и „законоположенія предаетъ по древнихъ св. отецъ преданію“. Или: „заповѣда (преподобный) братіи никому же каковы-либо потребы держати и ничтоже звати свое, но вся обща“. Болѣе подробное изложеніе монастырскаго устава встрѣчается въ житіи преподобнаго Павла Обнорскаго. Не смотря, однако, на его сравнительную подробность, трудно сдѣлать какія-либо заключенія относительно его происхожденія. Историческія обстоятельства наводятъ на мысль о наибольшемъ примѣненіи въ сѣверно-русскихъ обителяхъ устава св. горы (Аѳона), съ которой такъ хорошо были знакомы русскіе иноки и гдѣ часто получали свое постриженіе. Прямое свидѣтельство въ пользу этого мнѣнія мы находимъ въ лѣтописи Паисія Ярославова. Описывая игуменство Діонисія Святогорца въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, онъ замѣчаетъ, что игуменство это ознаменовано было введеніемъ Аѳонскаго устава въ этой обители.

Среди Вологодскаго подвижничества мы встрѣчаемъ одинъ общежительный уставъ и своего русскаго происхожденія. Уставъ этотъ принадлежитъ преподобному Корнилію Комельскому и состоитъ изъ XV главъ. Уставъ Корнилія, какъ мы видѣли, по своему содержанію стоитъ въ весьма близкомъ отношеніи къ уставамъ первыхъ законоположниковъ сѣверно-русскаго иночества—Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго и представляетъ изъ себя какъ бы нѣкоторое сочетаніе воззрѣній ихъ обоихъ. Такъ, вмѣстѣ съ Ниломъ, преподобный Корнилій устанавливаетъ общій взглядъ на инока, какъ на отшельника отъ міра, для котораго совершенно излишни и даже вредны мірскія блага, ибо всю заботу свою онъ долженъ простирать „къ оному еже по смерти житію; воздвизая совѣсть къ лучшему и сохраняя отъ небреженія злаго житія“. А вмѣстѣ съ Іосифомъ онъ опредѣляетъ правила внѣшней жизни и благоповеденія иноковъ: о соборной молитвѣ, пищѣ и питіи, одеждѣ и обуви, и прочее.

Въ дѣлѣ устройства иноческой жизни одиноко стоитъ скитская обитель преподобнаго Иннокентія Комельскаго. По свидѣтельству его завѣщанія она устроена была по образцу обители учителя его, преподобнаго Нила. Скитское устройство обѣихъ обителей имѣло тѣсную связь съ воззрѣніями ихъ основателей. Воззрѣнія эти проповѣдуютъ, вмѣсто прежде господствовавшаго „внѣшняго моленія“, „умное дѣланіе“ или „внутреннее моленіе“, которое состоитъ въ нравственномъ само-

усовершенствованіи, въ чистотѣ совѣсти, въ борьбѣ со страстями, въ стремленіи воспитать въ своемъ сердцѣ любовь къ Богу и ближнему.

Для осуществленія этихъ иноческихъ воззрѣній учитель и ученикъ согласно признавали самымъ удобнымъ скитское устройство обители, „еже въ двухъ или тріехъ жити общежительно, яко да другъ другу во страсѣ Божіи повинующеся, познаваемъ свою немощь".

Таковы, въ общихъ чертахъ, свѣдѣнія о св. подвижникахъ какъ представителяхъ монашества, какія можно извлечь изъ нашихъ источниковъ. Въ чемъ-же заключается значеніе ихъ въ исторіи сѣверно-русской колонизаціи?

Избирая мѣстомъ основанія своихъ обителей лѣса и пустыни дѣвственнаго сѣвера, святые подвижники, естественно, полагали этимъ основаніе сѣверно-русской колонизаціи.

Можно различать двоякаго рода колонизацію на русскомъ сѣверѣ. Болѣе ранняя земская колонизація этого края совершалась выходцами вольнаго Новгорода и стараго Ростова Эти колонизаторы преслѣдовали въ своихъ предпріятіяхъ корыстныя цѣли, вслѣдствіе чего избирали для своего поселенія богатѣйшія и удобнѣйшія мѣста дѣвственнаго края, преимущественно по берегамъ озеръ и рѣкъ, которыя служили наиболѣе удобными къ нему путями. Съ теченіемъ времени колоніи эти разростались до величины небольшихъ городовъ каковы Вологда, Гледенъ и Устюгъ или образовали собою удѣльныя княжества, изъ которыхъ упоминаются Заозерское, обнимавшее собою окрестности Кубенскаго озера и сосѣднее съ нимъ (къ востоку)— Бохтюжское.

Болѣе поздняя колонизація—монастырская. Если земскіе колонизаторы, стремясь къ обогащенію и наживѣ, избирали для своего поселенія богатѣйшія мѣста дѣвственной страны, колонизаторы монастырскіе, напротивъ, ища уединенія, шли въ глухіе лѣса и безлюдныя пустыни. Такъ, преподобный Стефанъ Махрищскій съ ученикомъ своимъ Григоріемъ, изгнанные злыми людьми изъ Махрищской обители, пошли въ болота и дебри Вологодскія и поселились „во внутренней пустыни, близъ Сухоны". Преподобный Дмитрій Прилуцкій, удалившись изъ Переяславскаго монастыря въ Вологодскіе предѣлы и „походивъ непроходные лѣсы и дебри пустыя, иже прилежаху града Вологды, обрѣте мѣсто пусто на рѣцѣ на Лежѣ и на Великой рѣцѣ, которое и избралъ для своего поселенія. Преп. Діонисій Глушицкій избралъ для себя „мѣсто безмолвно („Глушица")... Округъ же мѣста того блата и дебри, мѣста непроходны". Св. Александръ Куштскій поселился въ Сянжемѣ, около которой „блата и дебри непроходны для

человѣка". Преподобный Сергій Нуромскій, „пришедъ въ лѣсы великіе, мха и блата и обрѣте мѣсто на великомъ лѣсу, на рѣцѣ на Нурмѣ", въ которомъ и основалъ свою обитель. Другъ его, св. Павелъ Обнорскій, „пріиде на Комельскій лѣсъ, на рѣчку Грязавицу и обрѣте липу дупляну", въ которой и подвизался нѣсколько лѣтъ, а потомъ вблизи создалъ свою обитель. Мѣсто подвиговъ преподобнаго Арсенія Комельскаго „тогда блатно бысть ту и водняно, пути людскаго не бысть мимоходящимъ людемъ". Преподобный Корнилій Комельскій „пріиде на великій лѣсъ, бѣ бо тогда непроходимъ и ту обрѣтъ храмину разбойническу и вселися въ ню".

Таковы были мѣста, въ которыхъ полагалось основаніе монастырской колонизаціи. Отсюда уже можно судить, сколько удобствъ и преимуществъ было на сторонѣ земской колонизаціи, напротивъ, сколько борьбы требовала колонизанія монастырская. Агіобіографическія памятники сохранили намъ нѣсколько свѣдѣній объ этой борьбѣ подвижниковъ съ дикой природой, насколько туго поддавалась она культурѣ и какого самоотверженнаго труда стоилъ каждый шагъ въ ея завоеваніи. Свѣдѣнія эти заключаются въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Біографъ его повѣствуетъ, что, овладѣвъ мѣстомъ своего поселенія (разбойничьей хижиной), святый началъ „труждатися вельми на мѣстѣ томъ... лѣсъ сѣкій и нивы насѣвая... Но кто доволенъ словесы обличити и сказати ми повѣсть, яже сотвори труды и подвиги на мѣстѣ томъ: ово убо отъ злодѣй біенъ бысть, едва дышаше пріиде, ово же древо паде нань безъ вѣтра и болѣзнуя близъ смерти дванадесять седьмицъ со одра недвижимъ пребысть; и едва оздоровѣ отъ болѣзни тоя, пріиде же нѣкогда къ дѣлателемъ и сѣде на страмнинѣ и абіе внезапу падеся долѣ и возболѣся паче перваго и отъ сего едва смерти гонзну, а иногда-же приведенъ бысть, зѣльне главу язвену имѣя отъ древа, падшаго нань". Однажды, зажигая хворостъ, подвижникъ чуть не сдѣлался жертвою пламени и только благодаря внезапно поднявшемуся вѣтру, могъ выйти изъ него невредимъ.

Впрочемъ, и не одна дикая природа была предметомъ борьбы подвижника. Не менѣе сильную борьбу онъ долженъ былъ вести и съ дикими обитателями, имѣвшими свои притоны въ непроходимыхъ лѣсахъ дѣвственнаго сѣвера. Поселившись по сосѣдству съ разбойниками, а иногда даже и въ самой разбойничьей хижинѣ, подвижникъ естественно подвергалъ свою жизнь серьезной опасности. Разбойники два раза нападали на преподобнаго Сергія Нуромскаго и одинъ разъ избили его до полу-смерти. Подобнымъ же образомъ нападенію

со стороны разбойниковъ не разъ подвергался и другъ его преподобный Павелъ Обнорскій. Преподобный Корнилій Комельскій, занявъ хижину разбойниковъ, былъ ограбленъ ими, при чемъ злые люди похитили единственное достояніе подвижника, книги. Но, проблудившись всю ночь, разбойники возвратились къ святому, отдали ему похищенное и оставили въ его владѣніе свою хижину. Разбойники ограбили обитель преп. Діонисія Глушицкаго. По сказанію второй редакціи некролога Авнежскихъ подвижниковъ, эти же самые грабители предали смерти Авнежскихъ подвижниковъ и сожгли ихъ обитель.— Такимъ образомъ, если борьба съ дикой природой часто подвергала жизнь подвижника серьезной опасности, то еще большей опасности подвергала его борьба съ дикими ея обитателями.

Не смотря, однако, на всѣ препятствія, самоотверженная борьба подвижника торжествовала свою побѣду. Онъ, наконецъ, овладѣвъ мѣстомъ своего поселенія, устраивалъ свое жилище и нѣкоторое время подвизался среди безмолвія. Но, при всемъ своемъ желаніи, онъ не могъ долго скрывать мѣсто своего уединенія отъ людскаго взора. Подвижникъ удалялся обыкновенно въ пустыню, спустя много лѣтъ послѣ своего подвижничества въ разныхъ обителяхъ, а часто и послѣ своего игуменства, когда многіе прежніе его сподвижники проникались къ нему великимъ благоговѣніемъ и любовію, а иногда безъ его руководства не могли даже продолжать своего подвижничества, что видимъ, напримѣръ, въ житіи преподобнаго Корнилія. Тайно удалившійся въ уединеніе подвижникъ былъ, поэтому, предметомъ тщательныхъ разысканій прежнихъ своихъ иноковъ. И стоило кому нибудь открыть мѣсто его уединенія, какъ пустыня его наполнялась иноками. Тогда подвижникъ снова предпринималъ на себя трудъ созданія обители: подъ его руководствомъ иноки разчищали мѣсто, устраивали монастырскія зданія, сѣкли лѣсъ, насѣвали ниву и проч. Такъ мало по малу устраивалась первая колонія въ пустынѣ, куда, можетъ быть, не проникала ранѣе человѣческая нога и гдѣ не раздавался еще звукъ человѣческаго голоса...

Лѣсная и болотистая пустыня, пока не пройдетъ въ нее подвижникъ и не водрузитъ въ ней креста, представлялась русскому человѣку полною страшныхъ силъ и видѣній, обиталищемъ многочисленныхъ сонмовъ бѣсовскихъ. Но какъ только войдетъ туда подвижникъ, никакихъ страховъ болѣе не существовало: молитва святаго старца разсѣевала бѣсовскія силы, прогоняла всѣхъ демоновъ. Тогда уже безпрепятственно шелъ туда русскій человѣкъ, неся за собой топоръ и соху. Бытописатели повѣствуютъ, что монастырскія окрестности за-

селялись съ чрезвычайною быстротой, такъ что вскорѣ же послѣ своего основанія пустынная обитель становилась центромъ колоніи или цѣлаго рода колоній, превращаясь, такимъ образомъ, въ собственномъ смыслѣ „въ градъ обительный“.

Монастырская колонизація началась, какъ мы видѣли, въ восточной части Вологодскаго края; ранѣе другихъ была колонизована Авнежская страна. Почти одновременно съ двухъ противоположныхъ окраинъ колонизаторами ея являются преподобные Стефанъ Махрищскій съ учениками своими Григоріемъ и Кассіаномъ Авнежскими, и преподобный Димитрій Прилуцкій. Печальная судьба, постигшая Авнежскую обитель и ея подвижниковъ была причиною забвенія ихъ памяти. Но уже и изъ небольшаго некролога ихъ можно усматривать несомнѣнные успѣхи монастырской колонизаціи. При первоначальномъ поселеніи подвижниковъ Авнежская страна представляется лѣсною пустынею, царствомъ разбойниковъ, которые, можетъ быть, и прекратили существованіе первой ея монастырской колоніи—Авнежской обители, предавъ смерти ея основателей. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, при обрѣтеніи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана, она уже является многолюдною страною, съ удѣльными князьями во главѣ и многими церквами. Съ противоположной (западной) стороны колонизаторомъ Авнеги является преподобный Дмитрій Прилуцкій, въ одно время избравшій для своихъ подвиговъ пустынное мѣсто при сліяніи двухъ рѣчекъ, Лежи и Великой. Но едва успѣлъ создать онъ небольшую церковь Воскресенія Христова, полагая тѣмъ основаніе обители, какъ окрестности ея наполнились крестьянами, которые изъ своекорыстныхъ цѣлей изгнали подвижника изъ мѣста его избранія. Такимъ образомъ, упомянутые подвижники, положивъ основаніе колонизаціи Авнеги съ двухъ противоположныхъ сторонъ, способствовали наискорѣйшему заселенію всей страны, насчитывающей на своемъ протяженіи нѣсколько десятковъ верстъ.

Почти одновременно съ этимъ совершалась колонизація и сѣверной части Вологодскаго края. Центромъ ея является здѣсь Спасо-Каменный монастырь, основанный въ XIII вѣкѣ княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ Бѣзоезерскимъ. Изъ числа его постриженниковъ извѣстно нѣсколько подвижниковъ, положившихъ основаніе колонизаціи въ пустынныхъ и болотистыхъ окрестностяхъ Кубенскаго озера. Особенно замѣчательнымъ изъ нихъ является преподобный Діонисій Глушицкій. Основавъ двѣ обители въ окрестностяхъ Кубенскаго озера, чрезъ это онъ положилъ основаніе колонизаціи весьма значительной части Вологодскаго сѣвера. Окрестности основанныхъ имъ обителей

такъ быстро наполнились населеніемъ, что святый, кромѣ монастырскихъ церквей создалъ, по просьбѣ крестьянъ-колонизаторовъ, еще три приходскія. „По времени нѣкоемъ, замѣчаетъ біографъ преп. Діонисія, нача умножатися близъ монастыря фмикливніи (варіантъ другой редакціи: „умножишася села близъ монастыря") и созда преподобный отъ большія лавры въ нощнѣй странѣ далѣ дву поприщъ церковь во имя святителя Христова Леонтія, да тамо на мольбу приходятъ изъ фмиклевень". Другую церковь онъ создалъ за восемнадцать поприщъ отъ главной обители во имя Воскресенія Христова и третью въ „Двиницкой веси", во имя святителя Христова Николая. Вслѣдъ за преподобнымъ Діонисіемъ колонизаторами здѣсь являются преподобный Александръ, основатель Куштской обители и преподобный Григорій, основатель Пельшемскаго монастыря.

Позднѣе совершалась колонизація въ южной части Вологодскаго края. Первыми колонизаторами ея являются два друга пустынника, преподобные Сергій Нуромскій и Павелъ Обнорскій. Несмотря на большія препятствія для колонизаціи этой части, по причинѣ болотистой почвы, мы имѣемъ свидѣтельства несомнѣннаго и здѣсь успѣха монастырской колонизаціи. Преподобный Арсеній Комельскій поселился въ одной изъ неудобообитаемыхъ мѣстностей Вологодскаго края. Густой, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то хилый лѣсъ, по причинѣ болотистой почвы, еще до сихъ поръ наполняетъ ее. Житіе повѣствуетъ, что святый, дойдя до этого мѣста, настолько былъ утомленъ тяжестью болотистаго пути, что совершенно изнемогалъ подъ бременемъ той ноши, которая была на его плечахъ, и послѣдняя невольно упала на землю. Но стоило только показаться здѣсь подвижнику, какъ тотчасъ-же вслѣдъ за нимъ является населеніе и начинается колонизація. Вскорѣ послѣ своего поселенія святый жаловался великому князю: къ той-де его пустынѣ крестьяне лѣсъ сѣкутъ, и починки [48] ставятъ, и съ выжляты гонюютъ, и бѣлуютъ". Основанный этимъ подвижникомъ монастырь при жизни своего основателя имѣлъ уже пять починковъ, возникшихъ на монастырской землѣ [49]. Обитель другаго сосѣдняго Комельскаго подвижника, преподобнаго Корнилія, при первомъ преем-

---

[48] Починками, по объясненію автора „Исторіи Россійской іерархіи", въ сѣверной Россіи назывались „вновь разработанныя для пашни мѣста, при коихъ и разработыватель дворомъ своимъ иногда поселялся. Изъ таковыхъ починковъ послѣ дѣлались деревни и села". т. IV, стр. 706—707.

[49] Ibidem, III, стр. 280 и слѣд. Жалованная грамота великаго князя Василія Ивановича старцу Арсенію.

никѣ своего основателя, игуменѣ Лаврентіи, проходившемъ свою должность еще при жизни преподобнаго, имѣла на своей землѣ семьдесятъ восемь починковъ [50].

Столь быстро заселялись окрестныя монастырскія земли. Такимъ успѣхамъ монастырской колонизаціи много способствовало то обстоятельство, что, вскорѣ послѣ основанія, монастыри получали отъ князей дарственныя грамоты на окрестныя замли, при чемъ землямъ этимъ давались различныя привилегіи: онѣ освобождались отъ тягла, различныхъ оброковъ и податей, вслѣдствіе чего весьма быстро и заселялись крестьянами.

Обычай отчужденія окрестныхъ земель подъ монастырь былъ причиною и еще одного весьма любопытнаго явленія въ исторіи монастырской колонизаціи. Поселившись по сосѣдству съ обителью подвижника и завладѣвши участками земли, еще монастырю не принадлежащими, крестьяне, опасаясь, какъ-бы занятые ими земельные участки, которые они считали уже своею собственностію, по обыкновенію, не отошли подъ монастырь, воздвигали гоненіе на подвижника. Явленіе это особенно наблюдалось въ тѣхъ случаяхъ, когда слава о подвижникѣ разносилась далеко по окрестностямъ и доходила даже до „предержащихъ престолъ Россійскаго царства". Замѣчательно, что гоненіе это простиралось именно на личность самого подвижника, не касаясь остальной братіи. Такъ, зная уваженіе великаго князя Димитрія Донскаго къ преподобному Стефану, основателю Махрищской обители, сосѣдніе землевладѣльцы братья Юрковскіе, „мняху себе, яко (св. Стефанъ) имать владѣти (ихъ) селомъ и нивами", принуждали подвижника оставить свою обитель. Кроткія увѣщанія послѣдняго привели къ тому, что дерзкіе люди устремляются на святаго, „дышуще убійствомъ". Преподобный, избравъ себѣ преемника, покинулъ свой монастырь, который послѣ его ухода благополучно продолжалъ свое существованіе. По подобнымъ же побужденіямъ преподобный Димитрій Прилуцкій былъ изгнанъ Авнежскими крестьянами. Зная, какое уваженіе питалъ къ Димитрію тотъ же великій князь, крестьяне обратились къ нему со слѣдующими словами: „отче, не угодно намъ твое здѣ пребываніе (помыслиша бо въ себѣ, яко аще сей великій ста-

---

[50] Дарственная грамота Корниліеву монастырю отъ великаго князя Ивана Васильевича послѣ разграбленія монастырскихъ земель татарами. Исторія Россійской іерархіи, IV томъ, 707—711 стр. Это разграбленіе, по свидѣтельству житія преподобнаго Корнилія, совершилось еще при его жизни.

рецъ близъ насъ жити будетъ и по малѣ времени соовладѣетъ нами и селы нашими)"... и великій старецъ долженъ былъ оставить Авнегу.

Замѣчательный въ этомъ отношеніи фактъ сообщаетъ некрологъ Авнежскихъ подвижниковъ, который показываетъ, что подвижники были предметомъ гоненія своекорыстныхъ людей не только при жизни, но и по смерти.

Когда обрѣтены были мощи Авнежскихъ святыхъ и стали совершаться отъ нихъ чудеся, одинъ человѣкъ, именемъ Гавріилъ, по прозванію Ушакъ, „еже не бы слышатися чудесемъ, бывающимъ отъ гроба святыхъ: бѣ-бо село свое имѣя близъ чудотворцевъ, помышляше въ себѣ, глаголя: яко аще не престанутъ бывати чудеса отъ гроба святыхъ и паче множатися и состроится монастырь и вселять ту мниси, и азъ не токмо мѣсто оно себѣ наслѣдую, но и села отщетитися имамъ... И призываетъ къ себѣ той Гавріилъ Глушицкаго игумена Іоакыма и старца Илинарха, саномъ суща священника. И сотвори на ихъ учрежденіе веліе и съ ими о себѣ совѣтъ сотвори и дары почте ихъ: даде игумену кожу медвѣжью, священнику же оному сто сребренникъ и поимъ ихъ съ собою, идѣже святіи лежаху. Объюродѣша піанствомъ, паче же завистію и несытствомъ: раззориша гробницу, иже надъ мощми святыми и святыя иконы, иже въ ней, повергше на землю, тако отъидоша". Они надѣялись чрезъ это положить конецъ прославленію святыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить опасность, которая могла угрожать имѣнію Гавріила...

Можно думать, что случаи подобныхъ столкновеній подвижниковъ съ крестьянами изъ за мѣста ихъ общаго поселенія были не рѣдки, такъ что иногда сами подвижники, при избраніи мѣста для созданія своей обители, избѣгали встрѣчи съ крестьянами. Въ житіи преподобнаго Александра Куштскаго разсказывается, что первоначально мѣстомъ своего жительства подвижникъ этотъ избралъ весь Сянжему, въ которой и подвизался нѣкоторое время, намѣреваясь создать здѣсь свою обитель. Но какъ только онъ узналъ, что здѣсь „имать быти непустынное мѣсто, занеже ту христіане близъ", оставилъ Сянжему и ушелъ на Кушту, гдѣ и основалъ свой монастырь.

Исторія колонизаціи представляетъ, впрочемъ, и обратные случаи, когда подвижникъ не хотѣлъ уступать крестьянамъ мѣста своего избранія и предпринималъ противъ нихъ дѣятельную борьбу. Такого рода примѣръ мы встрѣчаемъ въ лицѣ преподобнаго Арсенія Комельскаго. Какъ только поселился этотъ подвижникъ среди непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, вслѣдъ за нимъ, по обыкновенію, пришли и крестьяне. Среди нихъ нашлись „злонравные люди", причинявшіе свя-

тому „мнози скорби и пакости“, съ явнымъ намѣреніемъ выжить святаго старца изъ его пустыни. Тогда старецъ жаловался великому князю Василію Іоанновичу, отъ котораго и получилъ жалованную грамоту, запрещавшую крестьянамъ „около тое пустыни лѣсъ сѣщи, починки ставити и съ выжляты гоняти и бѣловати“ (по своей волѣ владѣть). Но эта грамота еще болѣе раздражила злонравныхъ людей, которые въ своей дерзости дошли до того, что „подруга преподобнаго, старца, бивше безъ милости, злой смерти предаша“. Подобная участь угрожала и самому подвижнику, вслѣдствіе чего онъ „далъ мѣсто гнѣву“ и удалился оттуда.

Изгнанные изъ своей обители подвижники шли еще далѣе въ глубь лѣсовъ и пустынь, пролагая, такимъ образомъ, пути къ дальнѣйшей колонизаціи. Преподобный Стефанъ, изгнанный изъ Махрищской обители, удалился въ Авнежскую пустыню и здѣсь, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Григоріемъ, положилъ основаніе Авнежской обители, преподобный Александръ Куштскій, удалившись изъ Сянжемы, основалъ обитель на рѣкѣ Куштѣ, преподобный Арсеній Комельскій, оставивъ Комельскую пустыню, положилъ основаніе пустынѣ Шиленгской.

Такимъ образомъ, благодаря трудамъ святыхъ подвижниковъ, многія пустынныя и болотистыя мѣста дѣвственнаго сѣвера превратились „въ грады обительные“. Конечно, и теперь заселена была далеко не вся обширная территорія Вологодскаго края, значительная часть котораго и до нашихъ дней остается еще лишенною человѣческихъ жилищъ, тѣмъ не менѣе монастырская колонизація въ весьма значительной степени способствовала ея заселенію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе..... 3— 10

Глава I. Начало колонизаціи Вологодскаго края.—Первые святые, подвизавшіеся въ предѣлахъ русскихъ колоній его: Герасимъ Вологодскій, Кипріанъ и Прокопій Устюжскіе... ..... 11— 23

Глава II. Начало монастырской колонизаціи въ Вологодскомъ краѣ: преподобные Стефанъ Махрищскій, Григорій и Кассіанъ Авнежскіе. Преподобный Димитрій Прилуцкій ..... 23— 38

Глава III. Спасо-Каменный монастырь, какъ центръ монастырской колонизаціи сѣверной части Вологодскаго края.—Постриженики его преподобные: Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій, Іоасафъ Каменскій.—Преподобный Григорій Пельшемскій..... 38— 64

Глава IV. Колонизаторы южной части Вологодскаго края. Ученики преподобнаго Сергія Радонежскаго: святые Сергій Нуромскій, Павелъ Обнорскій и Арсеній Комельскій. ..... 65— 76

Глава V. Послѣдніе колонизаторы Вологодскаго края—ученики и послѣдователи устроителей и законоположниковъ русскаго иночества, преподобныхъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго: святые Иннокентій и Корнилій Комельскіе. Краткія свѣдѣнія о позднѣйшихъ святыхъ: Игнатіи Прилуцкомъ и Галактіонѣ Вологодскомъ..... 76—130

ОПЕЧАТКИ.

Вологодская Губернская Ученая Архивная Библиотека

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
4	14 св.	родъ	рядъ
—	21 „	помоши.	помощи.
—	27 „	востока	Востока
6	5 сн.	іонисія	Діонисія
7	21 св.	любимую“.	любимую имъ мысль“.
8	7 сн.	борящихся	борющихся.
13	8 св.	обрѣтехомъ	обрѣтохомъ.
21	25 „	о посѣщеніи Симеона	о посѣщеніи блаженнымъ Симеона
25	5 сн.	пустоши	пустыни
28	15 св.	Авнену	Авнегу
31	21 „	онему	оному
—	1 сн.	отцетитися	отщетитися.
32	11 „	ищущемъ	ищуще
—	9 „	оною	оного
41	8 „	при первомъ	при послѣднемъ

43	11	„	внутреннія и внѣшнія	внутренніе и внѣшніе
45	17	„	подписи	надписи
47	20	„	сгзданію	созданію
48	7	св.	Боэтюжскій	Бохтюжскій
49	13	„	. ливити	ловити
—	22	„	лявры	лавры
—	26	„	обрете	обрѣте
—	28	„	пѣвѣ	пѣвгъ
—	—	„	имѣше	имяше
50	2	„	расло	росло
—	4	„	нѣкоимъ	нѣкоемъ.
58	1	„	87)	38)
—	10	„	88)	39)
—	11	„	89)	40)
59	5	„	клироша	крилома
66	11	сн.	оъ	въ
71	6	св.	сообшаетъ	сообщаетъ
—	10	сн.	Питіе	Питія
73	6	„	чудотворцз	чудотворца
74	6	„	указаннвй	указанной
77	14	св.	востоку	Востоку
—	6	сн.	спикатели	списатели.
78	2	св.	подвижившійся	подвизавшійся
79	12	„	Польному	Подольному
—	26	„	Польнаго	Подольнаго.
82	8	„	нумножаетъ	умножаетъ.
83	6	„	всеисполнѣнне	всеисполненнѣ
—	19	„	поставими	постави ми
85	16	сн.	29)	23)
93	13	св.	прекланяема	преклоняема
95	13	сн.	Поетому	Поэтому
98	9	св.	дѣю	дѣло
100	20	„	сребролюбіе	сребролюбія
—	25	„	преподобные	преподобный
—	26	„	настоятельно	настоятелю
101	21	„	древнехъ	древнихъ
102	15	сн.	спискахъ	спискахъ
106	9	св.	иже	изне-
107	6	„	возрастемъ	возрастомъ
108	6	„	укаризны	укоризны
109	9	сн.	подвижняки	подвижники
118	23	св.	Дмитровичу	Дмитріевичу
129	9	сн.	Ся.—	Сянжему